

Е.Д. Горевой

**Внутреннее
судейское
убеждение
в оценке
доказательств
по уголовным
делам**

КИ

Издательство
«Юрлитинформ»

Е.Д. Горевой

**ВНУТРЕННЕЕ СУДЕЙСКОЕ
УБЕЖДЕНИЕ В ОЦЕНКЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

**Издательство «Юрлитинформ»
Москва – 2008**

УДК 343.139
ББК 67.408
Г 68

Автор: Горевой Е.Д. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Курского государственного университета.

Горевой Е.Д.

Г 68 **Внутреннее судебное убеждение в оценке доказательств по уголовным делам.** – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008. – 136 с.

ISBN 978-5-93295-336-5

В работе исследуются проблемы, связанные со структурой и процессом формирования и выражения в решении внутреннего убеждения судьи.

Особое внимание уделяется взаимосвязи внутреннего судебного убеждения с другими процессуальными явлениями, прежде всего, в вопросах отражения концептуальных позиций УПК РФ (недопустимость возвращения судьей дела на дополнительное расследование, обязательность для суда отказа прокурора от обвинения и др.) при формировании внутреннего убеждения судей.

Освещены трудности и ошибки в применении норм УПК, затрагивающих свободу внутреннего судебного убеждения, сформулированы предложения, направленные на обеспечение реализации судом своих правомочий в их преломлении через оценку доказательств по внутреннему убеждению.

Основные положения работы могут быть использованы в системе повышения квалификации судей и других практикующих юристов. Издание адресовано также студентам высших учебных заведений, изучающим юриспруденцию, и всем, кто интересуется проблемой доказывания и судебской деятельности.

УДК 343.139
ББК 67.408

ISBN 978-5-93295-336-5

© Горевой Е.Д., 2008
© Издательство «Юрлитинформ», 2008

Предисловие

Предлагаемая читателям работа Е.Д. Горевского «Внутреннее судебское убеждение в оценке доказательств по уголовным делам» посвящена внутреннему убеждению судей как сложному правовому, психологическому компоненту принципа оценки доказательств и внутреннему убеждению как результату оценки доказательств, составляющему основу принимаемых судьями решений.

Читатель найдет в работе Е.Д. Горевского исторический анализ развития законодательства, определяющего принцип и правила оценки доказательств в связи с типом уголовного судопроизводства и его принципами.

Автор дает достаточно полный и глубокий обзор литературы по предмету своего исследования, а также приводит постановления и определения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, решения Европейского Суда по правам человека, в которых отражаются современные позиции по вопросам формирования внутреннего судебского убеждения и вынесения на его основе обоснованных и мотивированных решений.

Рассматривая роль судьи в познавательном процессе, построенном в судебном разбирательстве на принципе состязательности сторон, автор подчеркивает, что формирование оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи, согласно УПК РФ, не совместимо с пассивностью судьи, а предполагает использование судьей предусмотренных законом возможностей участвовать в исследовании доказательств, представленных сторонами, и, по необходимости, восполнять доказательства по собственной инициативе.

Задачу суда в доказывании автор определяет как свободную, не связанную мнениями и решениями других субъектов доказывания, оценку доказательств по внутреннему убеждению, основанному на совокупности доказательств, собранных по делу.

В этой связи в работе рассматривается значение соблюдения правил справедливого судебного разбирательства для обеспечения законного, обоснованного и справедливого решения по делу.

В работе приведены заслуживающие внимания результаты исследований, проведенных автором, в том числе путем анкетирования судей, изучения практики рассмотрения дел в суде первой

и кассационной инстанций и др. Эти данные позволяют выделить объективные и субъективные, личностные факторы, которые положительно или негативно влияют на формирование внутреннего судебного убеждения.

Приведенные в работе Е.Д. Горевского статистические показатели, характеризующие судебную деятельность, результаты социологических исследований, а также данные, полученные при изучении конкретных уголовных дел, вводят в научный оборот новые сведения, характеризующие реализацию правил оценки доказательств, которые могут быть использованы при рассмотрении предложений, направленных на совершенствование законодательства, регулирующего уголовное судопроизводство, и практики его применения.

Работа Е.Д. Горевского будет адресована всем, кто интересуется проблемами доказывания в уголовном судопроизводстве.

Профессор,
доктор юридических наук,
зав. кафедрой Уголовно-процессуального права
Московской государственной юридической академии

П.А. Лупинская

Введение

Реализация провозглашенных Конституцией РФ принципов — независимость и беспристрастность суда, презумпция невиновности, право обвиняемого на защиту, состязательность и равенство сторон — требуют такой системы норм уголовного судопроизводства, которая направлена на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ). Это двуединое назначение уголовного судопроизводства должно составлять основу регулирования деятельности органов и должностных лиц, определять права участников уголовного процесса.

Новый УПК впервые в системе принципов уголовного судопроизводства закрепил принцип свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК). Для современного уголовного судопроизводства России важно теоретическое обоснование и исследование практического применения установленного в УПК РФ этого принципа. Сущность, содержание принципа свободной оценки доказательств составляет внутреннее убеждение.

Проблему внутреннего судейского убеждения исследовали дореволюционные процессуалисты — С.И. Викторский, Л.Е. Владимиров, А.Ф. Кони, С.В. Познышев, Н.Н. Розин, Д.Г. Тальберг, Н.А. Терновский, И.Я. Фойницкий и др. Значительный вклад в исследование проблемы внутреннего судейского убеждения в уголовном процессе внесли такие ученые, как С.С. Алексеев, В.Д. Арсеньев, Р.С. Белкин, В.Ф. Бохан, М.М. Гродзинский, Ю.М. Грошевой, А.А. Давлетов, В.Г. Даев, В.Я. Дорохов, З.З. Зинатуллин, Н.М. Кипнис, Л.Д. Кокорев, Ю.В. Кореневский, С.В. Курyleв, А.М. Ларин, П.А. Лупинская, Е.Г. Мартынчик, Т.Г. Морщакова, Е.Б. Мизулина, И.И. Мухин, Ю.К. Орлов, И.Л. Петрухин, Н.Н. Полянский, Г.М. Резник, В.М. Савицкий, А.А. Старченко, М.С. Строгович, Ф.Н. Фаткуллин, М.А. Чельцов-Бебутов, С.А. Шейфер и другие.

Однако действия норм нового УПК позволили выявить ряд вопросов, которые требуют дальнейшего изучения с целью теоретического обоснования совершенствования закона и правоприменения.

менительной деятельности. Часть этих вопросов освещена в недавних работах процессуалистов, – например, П.А. Лупинской, И.Б. Михайловской, А.А. Хмырова, О.Е. Яцишиной и др. В этих работах содержатся интересные подходы по вопросам цели доказывания, роли доказательств в ее достижении; рассматриваются процесс собирания, проверки и оценки доказательств и проблема формирования внутреннего судейского убеждения.

Однако в связи с внесением изменений в УПК РФ федеральным законом от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ многие традиционные подходы требуют переосмысления. В настоящей монографии предпринята попытка исследования проблем, связанных со структурой и процессом формирования внутреннего убеждения профессионального судьи как участника уголовного судопроизводства. Оценка судье доказательств производится по его внутреннему убеждению, свободному от внешних предписаний. Однако это не означает, что внутреннее убеждение судьи произвольно: оно подчинено принципам уголовного судопроизводства, законам логического мышления, нормативно установленным правилам оценки и иным требованиям закона об обосновании своего субъективного убеждения имеющимися в деле объективными данными. Разработка теоретических и методических рекомендаций, которые позволяют выявить сущность внутреннего убеждения судьи, сформулировать его определение, установить его содержание, форму его выражения, влияющие на него факторы, направлена на повышение эффективности применения норм процессуального права.

В своем исследовании мы не ограничиваемся изучением научных работ и законодательства. В работе уделяется значительное внимание тому, как предписания закона реализуются в практической деятельности, какие факторы положительно – или, наоборот, отрицательно – влияют на формирование внутреннего убеждения и его выражение в принимаемых судьей (судьями) решениях.

Для исследования процесса формирования внутреннего судейского убеждения и его выражения в решении методом выборочного исследования проанализированы 200 уголовных дел, рассмотренных судами первой и кассационной инстанций Курской области, а также 70 материалов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Исследованы около 4 000 кассаци-

онных определений Курского областного суда об оставлении без изменения, изменении или отмене приговоров и иных постановлений судов первой инстанции. В эмпирическую базу также входят результаты анкетирования 103 судей курских судов по вопросам формирования у них внутреннего судейского убеждения. Результаты анкетирования приведены по тексту работы и в обобщенном виде показаны в приложении. Несмотря на то, что собранную эмпирическую базу нельзя в полной мере назвать репрезентативной, она позволяет выявить некоторые закономерности и определить направления исследования в других регионах Российской Федерации.

Настоящее монографическое исследование является одной из первых работ, подготовленных по новому Уголовно-процессуальному кодексу РФ, в которой анализируются проблемы понимания и формирования внутреннего судейского убеждения в уголовном процессе. Автор ставит перед собой задачу не просто осмыслить накопленный в России опыт по правовому регулированию внутреннего судейского убеждения, но и проанализировать его взаимосвязь с другими процессуальными правилами, определяющими реализацию полномочий суда в уголовном процессе в условиях состязательного судебного разбирательства.

Глава I. Гносеологическая природа уголовно- процессуального доказывания

§ 1. Доказывание как способ установления фактических обстоятельств по делу

Процессуальное доказывание как регулируемая законом деятельность, осуществляемая указанными в законе субъектами, по собиранию, проверке и оценке доказательств, — одна из центральных проблем уголовного процесса, основа всей процессуальной деятельности, а потому оно всегда привлекало и привлекает внимание ученых и практиков.

Изучение проблемы доказывания немыслимо без решения вопроса о том, что же такое доказательства как средства уголовно-процессуального доказывания и предмет оценки по внутреннему убеждению. Взгляды на природу и сущность доказательств в конечном итоге можно свести к трем подходам¹.

Одни авторы рассматривают доказательства только как *фактические данные*, при этом в понятие «фактические данные» вкладывается смысл «факты как фрагменты объективной реальности»², либо «сведения о фактах»³, либо и то, и другое. Однако сами по себе факты как фрагменты объективной реальности доказательствами не являются; до тех пор, пока они не будут оформлены предусмотренным законом способом, это всего лишь сведения, предметы, т.е. элементы познания в уголовном процессе. Лицо, познающее тот либо иной факт, располагает лишь сведениями о нем, которые могут быть истинными и ложными, правильными или искаженными. Как верно отмечено в литературе, «все получаемые в ходе уголовного судопроизводства сведения подлежат оценке. Факт же не нуждается в оценке. Факт не может

¹ См., например: *Алексеев Н.С., Давев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1980. С. 142–145; *Костенко Р.* Доказательства в уголовном процессе // *Российский судья*. 2003. № 3. С. 89–90 и др.

² *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 101; *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 133–134.

³ *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 26–28.

быть истинным или ложным, достоверным или недостоверным»⁴. Оценить с этих позиций можно отражение объективной реальности в сознании или на материальных предметах, однако доказательством такое отражение станет только при условии получения его из предусмотренного законом источника, в предусмотренном законом порядке – т.е. с соблюдением процессуальной формы.

Предложенное М.С. Строговичем «двойственное понимание доказательств» состоит в том, что под доказательствами понимаются, *во-первых*, «факты, на основе которых устанавливается преступление или его отсутствие, виновность или невиновность того или иного лица в его совершении и иные обстоятельства дела, от которых зависит степень ответственности этого лица; *во-вторых*, те предусмотренные законом источники, из которых следствие и суд получают сведения об имеющих для дела значение фактах и посредством которых они эти факты устанавливают»⁵. Однако доказательства – это, как мы уже указали, не просто факты, ибо факты не могут обладать всеми свойствами, которые имеют доказательства; источник сам по себе не имеет доказательственного значения в отрыве от составляющего его содержания и процессуального оформления.

Мы разделяем подход к пониманию доказательств, в соответствии с которым под доказательствами понимают неразрывное единство сведений о подлежащих доказыванию обстоятельствах и процессуальной формы, в которую эти данные облечены⁶. Проблема подхода к определению понятия «доказательства», соотношению терминов «доказательства» и «источники доказательств» во многом порождена традиционным для отрасли правовых знаний смешением понятий «источник» и «форма». Источником доказательств можно назвать сознание и предметы внешнего мира (отсюда и классификация на личные и вещест-

⁴ Алексеев Н.С., Давя В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк... С. 145.

⁵ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 288–289.

⁶ См.: Зажигский В. Новые нормы доказательственного права и практика их применения // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 45; Особенности доказывания в судопроизводстве: Науч.-практич. пособие / Под ред. А.А. Власова. М.: Экзамен, 2004. С. 10, 254; Теория доказательств в советском уголовном процессе / Отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. С. 197–207; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П.А. Лупинской. М.: Юрист, 2004. С. 227; Хмыров А.А. Теория доказывания: Общая часть. Краснодар, 2006. С. 20–22 и др.

венные доказательства): именно отсюда черпаются знания, путем специальных операций преобразуемые в доказательства. **Формой** доказательств является способ их получения и процессуального закрепления. Именно такая позиция выражена в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. А вот ч. 1 ст. 74, на наш взгляд, способствует пониманию доказательств как сведений, в том числе, и вне процессуальной формы. Интересным примером может послужить следующая ситуация. У гражданина Б. угнана машина; с соответствующим заявлением он обратился в ОВД. Заявление было принято, проведен опрос гражданина Б. Органами следствия (возможно, в связи с большим количеством эпизодов хищений) Б. не был признан потерпевшим и допрошен в этом качестве. Заявление и объяснения Б. судом были положены в основу обвинительного приговора. При этом суд указал, что доказательствами являются *любые сведения*, на основе которых устанавливается предмет доказывания, а поэтому «вина осужденных в краже автомобиля Б. подтверждается данными, изложенными в заявлении и объяснении Б. ... а также другими доказательствами»⁷.

Мы полагаем, что неопределенность термина «любые сведения» необходимо устранить, подчеркнув необходимость в предусмотренном законом порядке *получать* сведения, а не как в действующей редакции, *устанавливать* на их основе наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Предлагаем внести изменения в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «1. Доказательствами по уголовному делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в соответствии с настоящим Кодексом устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Акцент на получение доказательств в порядке, предусмотренном законом, имеет большое значение для отграничения доказательств от результатов оперативно-розыскной деятельности и сведений, представляемых адвокатом.

⁷ Архив Промышленного районного суда г. Курска. Дело № 1-55-2004.

Доказательства появляются в уголовном процессе в ходе доказывания. В научной литературе доказывание понимается двояко: во-первых, как собирание, проверка и оценка доказательств (в гносеологическом смысле) и как обоснование выдвинутой тезиса, мотивировка решения (т.е. доказывание в значении, принятом в логике)⁸. Доказывание как деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств является основной для дальнейшего принятия по делу процессуально значимого решения. Эти два аспекта тесно связаны и взаимообусловлены: доказывание в его познавательном значении ориентировано на дальнейшее обоснование и мотивировку принимаемого по отдельному вопросу или по делу в целом решения.

Ключевым вопросом в характеристике доказывания как логической категории является вопрос его соотношения с познанием. По этому вопросу можно выделить два подхода. Первая группа авторов отождествляет познание в уголовном процессе (уголовно-процессуальное познание) и доказывание⁹, т.е., говоря словами М.С. Строговича, «процесс доказывания и есть процесс познания фактов, обстоятельств уголовного дела»¹⁰.

Другая группа авторов, напротив, указывает, что доказывание и уголовно-процессуальное познание сосуществуют в уголовном процессе, но не являются тождественными¹¹.

Для ответа на вопрос о соотношении доказывания и познания в уголовном процессе нам необходимо определить место уголовно-процессуального доказывания с позиций гносеологии как части философской науки. В советской философии традиционно сопоставлялись бытовое и научное познание. В этой связи уголовно-процессуальное познание, изучающее такое социально-право-

⁸ См.: *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: Норма, 2005. С. 77–78; *Строгович М.С.* Курс... 1968. С. 295; *Якуб М.Л.* Советский уголовный процесс: Учебник. М., 1968. С. 110–111.

⁹ См.: *Алиев Т.Т., Громов Н.А., Макаров Л.В.* Уголовно-процессуальное доказывание. М.: Книга-Сервис, 2002. С. 7 и далее; *Шейфер С.А.* Собирание доказательств в советском уголовном процессе. Саратов, 1986. С. 20 и др.

¹⁰ *Строгович М.С.* Курс... 1968. С. 296.

¹¹ См.: *Лупинская П.А.* Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966. С. 24; *Старченко А.А.* Логика в судебном доказывании. М., 1958. С. 19–20; Теория доказательств... 1973. С. 290; *Яцишина О.Е.* Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств в российском уголовном процессе. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. С. 9–14 и др.

вое явление, как преступление, специалистами рассматривалось как форма (вид, тип, разновидность) научного познания.

Вместе с тем, со временем стало очевидно, что в научно-философской гносеологии недостаточно абстраций для описания специфики познания социальных проявлений; в результате широко распространился новый термин: «социальное познание» как специфический раздел гносеологии, направленный на изучение общественных отношений¹².

В философской литературе выделяют три основных отличительных черты социального познания, свойственных в определенной мере и уголовно-процессуальному доказыванию. Во-первых, в социальном познании и в доказывании общество выступает и как субъект, и как объект. Во-вторых, в социальном познании, как и в доказывании, мы имеем дело с исследованием не только материальных, но и духовных отношений. Наконец, в-третьих, к социальному познанию не применимо требование проверяемости: точное повторение ситуации невозможно ввиду уникальности социальных явлений, в том числе и преступления. Поэтому у уголовно-процессуального доказывания значительно больше общего с социальным познанием, чем с научным. Вместе с тем, у доказывания и социального познания, имеющих сходную гносеологическую природу, есть и различия, обоснованные нормативной урегулированностью доказывания, его специфическим предназначением. Предметом доказывания являются конкретные события прошлого или настоящего, а не общие закономерности; т.е. уголовно-процессуальное доказывание можно определить как разновидность практического познания (в отличие от теоретического, каковым является, например, научное познание)¹³. Таким образом, особенностями доказывания в уголовном судопроизводстве является то, что: предмет (объект¹⁴) его исследования определен законом (ст.ст. 73, 85, 86, 252 УПК и др.); установлен зако-

¹² См.: Крапивенский С.Э. Социальная философия. Волгоград, 1996. С. 330.

¹³ Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: Науч.-практич. пособие. М.: Проспект, 2000. С. 6.

¹⁴ Сомнительна целесообразность разграничения предмета и объекта познания; так, разграничив их, О.Е. Яцишина определяет объект познания как любую ориентирующую информацию, относящуюся к расследуемому делу, а предмет – как любые обстоятельства или факты объективной действительности, имеющие отношение к делу, и не отвечает на вопрос, в чем же между ними различие – см.: Яцишина О.Е. Указ. соч. С. 10–11.

ном и круг субъектов, полномочных на осуществление доказывания (ст.ст. 86–88 УПК); результат доказывания закрепляется в процессуальном акте; доказывание в уголовном процессе ограничено сроками (ст.ст. 157, 162, 223, 237 УПК РФ и др.); наконец, уголовно-процессуальное доказывание осуществляется только предусмотренными законом способами (методами), в соответствующей уголовно-процессуальной форме.

Средствами доказывания служат доказательства, и здесь проявляется еще одна особенность доказывания: оно не позволяет, в отличие от других форм познания, исследовать сведения, облеченные в предусмотренную законом форму. Как совершенно верно отмечает Р.А. Ратинов, «можно познавать и быть обладателем истинного знания «для себя», не заботясь о передаче и использовании этого знания другими, не стремясь обосновать, подтвердить, удостоверить, то есть сделать его достоверным для всех»¹⁵. Итак, если рассмотреть уголовно-процессуальное познание предельно широко, как любую деятельность по присвоению знаний о преступлении, – правомерен вывод о несовпадении, существовании в уголовном процессе уголовно-процессуального познания и уголовно-процессуального доказывания. Они отличаются по кругу субъектов, по средствам приобретения знания. Если же рассмотреть уголовно-процессуальное познание в узком смысле, как деятельность, направленную на получение в предусмотренном законом порядке требуемых законом знаний об обстоятельствах преступления и о личности, его совершившей (ст. 73 УПК РФ), уголовно-процессуальное доказывание и познание в уголовном процессе совпадут.

В уголовно-процессуальном доказывании традиционно, вслед за А.Р. Ратиновым¹⁶, выделяют две стороны: *познавательную* и *удостоверительную*. Сущность познавательной деятельности состоит в получении, приобретении знаний, а удостоверительной – в их проверке и таком закреплении в соответствующей процессуальной форме, чтобы эти знания были доступны всем.

Эти две стороны уголовно-процессуального познания неразрывно связаны, поскольку познавательная деятельность всегда

¹⁵ Теория доказательств ... 1973. С. 288.

¹⁶ См.: Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Советское государство и право. 1964. № 8.

должна сопровождаться удостоверением познанного. Данный вывод подтверждается содержанием ст. 85 УПК РФ, впервые в российском уголовно-процессуальном законодательстве закрепившей понятие доказывания, состоящего из собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Практическая деятельность представляет собой внешне объективированные действия, регулируемые нормами права: собирание и, отчасти, проверка доказательств. Так, *сущность* собирания доказательств состоит в совершении субъектами доказывания в пределах их полномочий следственных и иных процессуальных действий, направленных на обнаружение, истребование, получение и закрепление доказательств.

С помощью практической деятельности можно установить отдельные разрозненные факты, а установление взаимоотношений, связей между фактами, явлениями и событиями — это сфера мыслительной деятельности и теоретического (рационального) познания. В отличие от практической, *мыслительная* деятельность в меньшей степени подвержена правовому регулированию и в большей подчиняется не зависящим от людей правилам логики и законам мышления. Сочетание мыслительной и практической деятельности наиболее ярко проявляется в *проверке доказательств*, которая включает в себя: установление и проверку источников доказательств; сопоставление доказательств между собой (выявление совпадений, противоречий); процессуальные действия по получению новых доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство.

Решение об относимости, допустимости, достоверности и достаточности собранных доказательств принимается в результате мыслительной деятельности — оценки доказательств. В научной литературе есть несколько подходов к понятию оценки доказательств. Так, отдельные процессуалисты рассматривают оценку доказательств как регламентированную законом деятельность субъектов познания, или, говоря словами М.С. Строговича, «оценка доказательств является итогом ... проверки и состоит в признании существования или несуществования того факта, который

этим доказательством устанавливается»¹⁷. Другие ученые рассматривают оценку доказательств как логический, мыслительный процесс определения роли собранных доказательств в установлении истины по делу¹⁸, третьи – как информационный процесс, направленный на переработку и накопление информации¹⁹.

Думается, все эти подходы в какой-то мере верны. Следует обратить внимание на то, что в оценке доказательств сложнейшим образом сочетаются юридические, нравственные, мировоззренческие, гносеологические, логические, психологические и другие аспекты. *Оценка доказательств* осуществляется в рамках рационального познания с использованием свойственной ему методологии (идеализация, формализация, аксиоматический и гипотетико-дедуктивный методы, метод мысленного эксперимента), на базе логических приемов и способов, с использованием специфических, свойственных только оценке методов, представляя собой мыслительную, логическую деятельность, свободную от формализованных внешних предписаний и требований, по формированию определенного вывода о наличии у каждого доказательства таких свойств, как относимость и допустимость, о достоверности каждого доказательства и достаточности их совокупности.

Оценку доказательств можно рассматривать в двух значениях: как процесс установления относимости, допустимости, достоверности доказательств и достаточности их совокупности, и как результат, т.е. убеждение в наличии у доказательств перечисленных свойств.

Любопытной представляется точка зрения Ф.Н. Фаткуллина: если бы оценка осуществлялась «только в пределах мыслительной деятельности, она бы никому не была известна»²⁰. Он предлагает различать кроме мыслительной деятельности («идеальная сторона») еще и процессуальные действия (формы), выражающие оценку вовне («реальная сторона»). Странники этого подхода призывают закрепить в законе процессуальную форму выраже-

¹⁷ Строгович М.С. Курс... 1968. С. 303.

¹⁸ См.: Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 223.

¹⁹ См.: Яцишина О.Е. Указ. соч. С. 16.

²⁰ Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 174–175.

ния оценки доказательств, т.е. перечислить все процессуальные акты-решения²¹. Однако процессуальные решения в уголовном процессе являются способом процессуального выражения оценки доказательств; в них находят свое отражение доказывание как познание и доказывание как обоснование решения, т.е. *явление и его последствие*.

Таким образом, оценка доказательств представляет собой центральный элемент доказывания; требования, предъявляемые законом к оценке, определяют в конечном итоге тип доказывания, его средства и пределы, способы собирания доказательств; субъектов, полномочных на участие в доказывании.

§ 2. Субъекты уголовно-процессуального доказывания

Вопрос о круге лиц, имеющих статус субъектов уголовно-процессуального доказывания, в литературе не встречает каких-либо существенных разночтений²². Так, Л.И. Петрухин выделяет следующие признаки, позволяющие отнести участника уголовного судопроизводства к числу субъектов уголовно-процессуального доказывания: а) осуществление субъектом доказывания (собирания, проверки и оценки доказательств) и несение ответственности за его ход и результаты; б) наличие права на активное и продолжительное участие в процессе доказывания для отстаивания своих или представляемых интересов, охраняемых законом²³.

Думается, следует согласиться с высказанной в литературе точкой зрения, согласно которой, взяв в качестве основания «путь получения знаний о рассматриваемых обстоятельствах»²⁴, субъектов доказывания разделяют на две группы.

²¹ См.: Доля Е.А. Оценка доказательств в российском уголовном процессе // Государство и право. 1996. № 5. С. 86; Кузьмин Г.А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии): Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 10–12.

²² См.: Арсеньев В.Д. О понятии и круге субъектов доказывания по уголовным делам // Теория и практика установления истины в правоприменительной деятельности: Сб. научных трудов. Иркутск, 1985. С. 27–28; Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М.: ПРИОР, 2002. С. 35; Никандров В.И. Об оценке доказательств участниками уголовного процесса // Государство и право. 1992. № 5. С. 64 и др.

²³ См.: Теория доказательств... 1973. С. 494.

²⁴ Лушинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966. С. 24.

Сложно согласиться с предложенным в последних исследованиях разделением субъектов уголовно-процессуального доказывания по их процессуальному интересу и уж тем более с включением по этому критерию в одну группу суда и профессиональных участников стороны обвинения – хотя бы потому, что, вопреки высказанному мнению²⁵, УПК РФ не возлагает на суд обязанность принимать меры для всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела.

В зависимости от способа получения знаний об обстоятельствах к числу субъектов уголовно-процессуального доказывания первой группы необходимо отнести *суд, прокурора, следователя, дознавателя* (ст. 74 УПК РФ), которые осуществляют доказывание на профессиональной основе путем производства следственных и процессуальных действий, несут ответственность за его ход и результаты, наделены полномочиями по принятию процессуально значимых решений. Эти же субъекты несут обязанность доказывания.

Обязанность доказывания рассматривается в двух значениях: назовем их условно «узким» и «широким»²⁶. В широком смысле обязанность доказывания означает возложенную процессуальным законом на суд (судью), прокурора, следователя и дознавателя (орган дознания) обязанность собирать, проверять и оценивать доказательства. В узком смысле обязанность доказывания означает бремя опровержения презумпции невиновности, и возложено оно законом на прокурора, следователя и дознавателя (орган дознания).

К субъектам доказывания первой группы можно также отнести и частного обвинителя, поскольку объем его полномочий по делам частного обвинения в первом приближении сопоставим с объемом полномочий прокурора в уголовном процессе, однако исследованная в литературе проблема процессуального статуса частного обвинителя лежит за пределами данного исследования²⁷.

²⁵ См.: *Зинатуллин З.З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск: Детектив-информ, 2003. С. 50–51.

²⁶ См., напр.: *Лутинская П.А., Галкин В.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. М., 1960. С. 35–36; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П.А. Лупинской. М.: Юрист, 2004. С. 248–250; *Фаткуллин Ф.Н.* Указ. соч. С. 86–87.

²⁷ См.: *Бардышева Е.* В чем сложность рассмотрения дел частного обвинения? // Российская юстиция. 2001. № 6. С. 41; *Дорошков В.В.* Мировой судья. М.: НОРМА, 2004.

Кроме того, как совершенно справедливо подчеркивает И.Б. Михайловская, в доказывании также участвуют и «наделенные правом давать указания, определяющие ход расследования и поэтому существенно влияющие на его результат»²⁸. Представляется, что к числу субъектов доказывания первой группы в свете последних изменений в УПК РФ необходимо также отнести руководителя следственного органа, поскольку в соответствии со ст. 39 УПК РФ в новой редакции руководитель следственного органа может принять дело к своему производству и наделен в этом случае всеми правами следователя (п. 1 ч. 1 и часть 2 ст. 39 УПК РФ). Однако наделение руководителя следственного органа такими правами едва ли требует внесения изменений в ст. 74 УПК РФ, поскольку полномочия данной фигуры в доказывании фактически определяются через полномочия следователя.

Во-вторых, к числу субъектов доказывания необходимо отнести лиц, отстаивающих свои интересы – потерпевших, обвиняемых и их представителей, гражданского истца, ответчика и их представителей (по терминологии И.Л. Петрухина «субъекты доказывания II группы»²⁹) и незаинтересованных в исходе дела участников, показания и заключения которых имеют доказательственное значение – свидетелей, экспертов, специалистов.

Между профессиональными и всеми остальными участниками уголовного процесса, с точки зрения их роли в доказывании, есть принципиальная разница: закон прямо лишает возможности иных субъектов, кроме суда, прокурора, следователя и дознавателя, собирать доказательства (ст.ст. 76–84, 187–190, 173, 174, 275, 277 и др. УПК РФ), проверять их (в стадии предварительного расследования ст. 161 УПК РФ препятствует ознакомлению участников со всей совокупностью доказательств).

Для целей нашей работы интерес представляют вопросы о роли в доказывании дознавателя, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и особенно суда (судьи).

С. 180–200; Овечкин А. Порядок возбуждения уголовных дел частного обвинения // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 39–41 и др.

²⁸ Михайловская И.Б. Цели, принципы и функции уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М.: Проспект, 2003. С. 138.

²⁹ См.: Теория доказательств... 1973. С. 495.

В условиях, когда в УПК отсутствует четкое указание на результат доказательственной деятельности, возникает масса теоретических и практически вопросов, в частности, обязаны ли профессиональные участники со стороны обвинения собирать, и, соответственно, проверять и оценивать оправдательные доказательства?

В самом деле, действие принципа состязательности (ст. 123 Конституции РФ) распространено на весь уголовный процесс (ст. 15 УПК РФ)³⁰; функции строго распределены, их совмещение не допускается. На прокурора, следователя и дознавателя (орган дознания) возложена функция обвинения, которая законодателем отождествлена с уголовным преследованием (п. 45 ст. 5 УПК РФ), а последнее предусматривает сбор, проверку и оценку только обвинительных доказательств, деятельность по опровержению презумпции невиновности³¹. В литературе неоднократно предпринималась попытка выделить самостоятельную уголовно-процессуальную функцию – предварительное расследование и внести в УПК соответствующие изменения³². Однако в рамках УПК РСФСР такой необходимости не было; к сбору, проверке и оценке всех доказательств следователя обязывала ст. 20 УПК РСФСР. В УПК РФ нет нормы о необходимости объективного, всестороннего и полного исследования всех обстоятельств дела; в то же время уголовно-процессуальных функций всего три.

Совершенно справедлива позиция Конституционного Суда РФ, которая изложена в Постановлении от 29 июня 2004 г.: «осуществляя от имени государства уголовное преследование по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, прокурор, а также следователь, дознаватель и иные должностные лица, выступающие на стороне обвинения, ... обязаны всеми

³⁰ См.: Пункт 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2000. № 8. Ст. 991.

³¹ *Строгович М.С.* Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1957. С. 57.

³² Об этом в разное время писали: *Выдря М.М.* Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // *Советское государство и право*. 1980. № 9. С. 78–82; *Ени-кеев З.Д.* Механизм уголовного преследования. Уфа, 2002. С. 116; *Элькинд П.С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963. С. 59–60; *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 95.

имеющимися в их распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (статья 11), исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности (статья 14), обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту (статья 16), принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности (статья 7), в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения»³³. Такая формулировка Конституционного Суда возвращает к мысли о необходимости восстановления в тексте УПК принципа объективности, всесторонности и полноты исследования всех обстоятельств дела как требования, обращенного только к стороне обвинения. Соответствующую норму можно включить в ст. 15 УПК РФ и сформулировать следующим образом:

«2.1. Прокурор, следователь и дознаватель при выполнении своих функций обязаны осуществлять объективное, всестороннее и полное исследование обстоятельств уголовного дела». Вместе с тем, указание ст. 15 в такой редакции само по себе не может повлиять на деятельность стороны обвинения, если не исходить из того, что возложенное на них бремя доказывания требует обоснования поддерживаемой ими позиции по опровержению презумпции невиновности. Это дополнение, на наш взгляд, позволит уточнить процессуальное положение профессиональных участников стороны обвинения и их роль в доказывании.

Определяя субъектов доказывания, выполняющих задачу собирания доказательств, необходимо рассмотреть вопрос о связанных с этим полномочиях защитника-адвоката. В русле провозглашенного расширения поля действия принципа состязательности, УПК РФ частично воспринял и законодательно оформил идею «параллельного расследования»³⁴.

³³ Пункт 3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 27. Ст. 2804.

³⁴ См.: Корневский Ю.В., Падва Г.П. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству: Практич. пособие. М.: Юрист, 2004. С.

Впервые закон однозначно говорит о праве защитника собирать не просто сведения, а именно *доказательства*. Для их соби- рания адвокат вправе (ст. 86 УПК РФ): 1) получать предметы, документы и иные сведения, 2) опрашивать лиц с их согласия, 3) истребовать справки, характеристики, иные документы от орга- нов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставить ему запрашиваемые документы или их копии.

Однако системное толкование норм доказательственного пра- ва не позволяет нам согласиться с процессуалистами, утвер- ждающими, что в современном уголовном процессе существует реальное право адвоката самостоятельно собирать «свои» доказа- тельства³⁵. Часть 2 ст. 74 УПК РФ содержит исчерпывающий пе- речень доказательств, для каждого из которых законом четко оп- ределены способы получения и фиксации, отступление влечет признание доказательства недопустимым (ст. 75 УПК РФ).

Полученная адвокатом информация станет доказательством только после того, как будет облечена в процессуальную форму: если это вещественные доказательства и документы – то после вынесения прокурором, следователем или дознавателем соответ- ствующего постановления (ст.ст. 81 и 84 УПК РФ). Если речь идет о показаниях – как бы ни были оформлены результаты адво- катского опроса (засвидетельствованы нотариусом, записаны с помощью технических средств), они по способу получения не соответствуют действующему закону и в силу ст. 75 УПК РФ яв- ляются недопустимыми. Такие показания могут стать доказатель- ствами, только если получены на допросе, проведенном по всем правилам УПК РФ лицом, осуществляющим производство по уголовному делу.

Провозглашенное в УПК РФ право защитника собирать дока- зательства сегодня не подкреплено механизмами реализации. В УПК РФ предварительное расследование не трансформировалось

7–15; Шейфер С.А. Проблемы правовой регламентации доказывания в уголовно-процес- суальном законодательстве РФ // Государство и право. 1995. № 10. С. 97–103 и др.

³⁵ Колоколова Э.Е., Мартынич Е.Г. Адвокат в российском уголовном и граждан- ском процессе. Курск, 2004. С. 14–15; Карякин Е.А. К вопросу о судебных доказательствах в составительном уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 32–33; Кузнецов Н., Дадонов С. Право защитника собирать доказательства: сущность и предель- ны // Российская юстиция. 2002. № 8. С. 32.

из розыскного (инквизиционного) в состязательное, оно сочетает в себе элементы обоих типов (форм) процесса.

Этому есть ряд причин, в том числе и то, что ни адвокаты, ни население в основном не готовы к полной состязательности. Вопрос о роли защитника в доказывании – это в конечном итоге вопрос типа (формы) уголовного процесса. Тип процесса является вторичным по отношению к общественной организации; в России нет достаточных социальных предпосылок для «параллельного расследования». Полагаем, логичнее было бы в тексте ч. 2 ст. 86 слово «доказательства» заменить словом «сведения», как в ч. 3 ст. 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ, и дополнить положением следующего содержания: «Для приобщения к материалам уголовного дела собранные сведения защитник предоставляет либо лицу, проводящему предварительное расследование, либо в суд, проводящий судебное разбирательство по делу». Такое положение, на наш взгляд, в большей степени будет соответствовать традициям уголовного судопроизводства и социально-экономическим реалиям, в которых существует современный российский уголовный процесс.

Проблемным сегодня остается и *вопрос о роли суда в доказывании*. В соответствии с концепцией судебной реформы суду отводилась роль беспристрастного арбитра; его роль в установлении обстоятельств дела должна была значительно снизиться. УПК РФ действительно пересмотрел полномочия суда в ходе судебного разбирательства, в том числе, и в доказывании.

Основная задача суда в доказывании – это свободная, непредопределенная мнением других субъектов доказывания оценка доказательств по внутреннему убеждению, обоснованному совокупностью доказательств. Оценивая собранные по делу доказательства, судья может прийти к выводу об их недостаточности; однако сколь-нибудь существенных механизмов восполнения неполноты досудебного производства УПК РФ не предусматривает: исключен институт дополнительного расследования дела, направленного в суд с обвинительным заключением (актом)³⁶, четко определены

³⁶ Хотя единства по этому вопросу нет и в Верховном Суде РФ. Многие судьи считают, что к тем случаям, когда прокурор принимает решение о производстве следственных действий по уголовному делу, полученному в порядке ст. 237 УПК РФ, правило о пятисуточном сроке не применимо – Меркушов А.Е. Некоторые вопросы практики приме-

пределы судебного разбирательства (ст. 252 УПК), допустима возможность изменения обвинения по делу, направленному в суд с обвинительным заключением (актом) исключительно в сторону смягчения, суд лишен права возбуждать уголовное дело. Это закономерно, поскольку такие функции не свойственны справедливому, независимому и беспристрастному суду.

Вместе с тем судью нельзя рассматривать как пассивного участника доказывания; УПК неоднократно указывает на дискреционные полномочия судьи: он по своей инициативе (с согласия сторон – в указанных в законе случаях) вправе решать вопрос об оглашении показаний потерпевшего и свидетеля (ст. 181 УПК), назначать экспертизы (ст. 283 УПК). Эти положения закона вызвали многочисленные, и, как представляется, не вполне обоснованные нарекания в научной литературе, общий смысл которых сводится к утверждению: «собирание и исследование судом по собственной инициативе доказательств есть ни что иное как оказание помощи одной из сторон в подтверждении приведенных ею доводов либо помощь также одной из сторон в опровержении доводов ее процессуального оппонента»³⁷.

Однако, как совершенно справедливо указал Конституционный Суд, «осуществление судом функции правосудия в публичном по своему характеру уголовном процессе предполагает законодательное наделение его правом проверять и оценивать с точки зрения относимости, допустимости и достоверности представленные сторонами обвинения и защиты доказательства как путем установления их источников и сопоставления с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, либо представляемыми сторонами в судебном заседании, так и путем получения и исследования – в рамках обвинения, предъявленного подсудимому либо измененного в соответствии с уголовно-процессуальным законом (ч. 2 ст. 252 УПК Российской Федерации), – иных доказательств, подтверждающих или опровергающих доказательство, проверяемое судом... Иное не позволяло бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым

жения судами уголовно-процессуальных норм при осуществлении правосудия // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 8. С. 30.

³⁷ *Адамайтис М.* Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности // Российская юстиция. 2003. № 11. С. 32.

сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении правосудия»³⁸.

Таким образом, нормативное регулирование роли суда в уголовно-процессуальном доказывании научно обоснованно и не нуждается сегодня в пересмотре. При этом, однако, хотелось бы обратить внимание на определенный недочет законодателя в формулировках статей, посвященных судебному следствию. Так, на дискреционные полномочия суда – право его по своей инициативе провести то или иное действие – в главе 37 УПК РФ прямо указывают только ст.ст. 280, 281, 282, 283 УПК. Статья 284 УПК (осмотр вещественных доказательств) в качестве основания производства осмотра указывает только ходатайство сторон, остальные статьи (285–290 УПК) вообще не содержат указания о том, по чьей инициативе или на основании чьего ходатайства могут быть проведены данные процессуальные действия³⁹. Полагаем, эти статьи необходимо привести в систему, внося в начало первой части каждой из них следующие слова: «По инициативе суда или по ходатайству сторон». Основная роль в доказывании принадлежит суду, обладающему достаточными полномочиями для установления фактических обстоятельств уголовного дела.

³⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2003 г. № 451-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Веккера Сергея Вадимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 86, 87, 235, 252, 253, 283 и 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Документ получен из СПС «Гарант» (Гарант-Максимум) по состоянию на 19.03.2007 г.]

³⁹ Вместе с тем в издании, подготовленном судьями Верховного Суда РФ, прямо указывается, что проведение осмотра местности и помещения или следственного эксперимента по инициативе суда законом не ограничено – Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Практич. пособие / Под ред. В.П. Верина. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 255.

Глава II. Принцип свободной оценки доказательств

§ 1. Принцип свободной оценки доказательств в системе принципов уголовного судопроизводства

Поскольку под принципами в уголовном процессе мы понимаем основы построения процесса, от которых зависит содержание составляющих его институтов и норм¹, принципы оценки доказательств можно охарактеризовать как теоретически обоснованные и законодательно закрепленные основы построения оценки доказательств, определяющие ее содержание.

В научной литературе на основе анализа положений ст. 71 УПК РСФСР разрабатывались такие принципы оценки доказательств, как: свобода оценки доказательств; объективность, всесторонность и полнота оценки; обязанность руководствоваться законом при оценке доказательств; оценка доказательств в совокупности; отражение результатов оценки в решении и др.² С этими подходами сегодня сложно согласиться. Принципы всего уголовного процесса проявляются во всех его нормах и институтах, и уголовно-процессуальное доказывание, оценка доказательств — не исключение. Однако преломленные в оценке доказательств общие начала построения всего уголовного процесса не становятся принципами оценки, ибо их назначение обусловлено необходимостью реализации либо судоустройственных идей, либо вытекает из общих положений о правах человека и т.д., а не определяет тип оценки доказательств.

Игнорирование этого постулата и приводит к тому неоправданно большому количеству принципов оценки доказательств, которое исследуется в литературе, позволяя бесконечно расширять перечень принципов оценки — до совпадения множеств:

¹ *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М.: Юриздат, 1946. Т. 1. С. 72.

² См.: *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Указ. соч. С. 213–214; *Зинатуллин В.З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Ижевск, 1993. С. 117–119; Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая / Отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1966. С. 257; Теория доказательств... 1973. С. 440–441; *Фаткуллин Ф.Н.* Указ. соч. С. 180–184.

принципы оценки доказательств и принципы уголовного судопроизводства. Так, *объективность, всесторонность и полнота оценки доказательств* являются выражением соответствующего общепроцессуального принципа, некогда закреплённого в ст. 20 УПК РСФСР, а никак не самостоятельным принципом оценки. Указанный принцип УПК РФ не воспринят, и достаточных оснований для анализа воплощения правил объективности, всесторонности и полноты исследования всех обстоятельств дела в оценке доказательств сейчас нет³. *Руководство законом при оценке доказательств* – безусловно, важнейшее требование, особенно ярко проявляющееся при выражении внутреннего убеждения в решении, – является выражением общеправового принципа законности (ст. 7 УПК РФ) и не может быть отнесено к числу принципов оценки доказательств. *Правосознание* входит в структуру свободной оценки доказательств и также едва ли может быть названо принципом оценки, как практика не может быть названа принципом познания истины. Как следует из формулировки ст. 17 УПК РФ, единственным принципом оценки доказательств сегодня можно назвать принцип их свободной оценки по внутреннему убеждению.

Нормативному регулированию оценки доказательств с точки зрения конкретно-исторического подхода известно два антагонистических метода: 1) в законе содержатся формальные критерии оценки доказательств и 2) закон не содержит таких критериев.

Первый метод регулирования воплощается в рамках инквизиционного (розыскного) процесса в виде системы формальных доказательств, для которой характерно наличие нормативно закреплённой иерархии доказательств по их силе, а собственное признание рассматривается как *«лучшее свидетельство всего света»*

³ В данном исследовании нет возможности вдаваться в дискуссию о принципе объективности, всесторонности и полноты исследования всех обстоятельств дела и его воплощении в законе. См.: Белоносов В.О., Колесников Е.В. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 51–57; Орлов Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2; Яцишина О.Е. Указ. соч. С. 45–46 и др.

(ст. 1 Главы II Раздела «Вторая часть процессу» «Краткого изображения процессов или судебных тяжб»⁴).

И.Я. Фойницкий пишет, что в основу системы формальных доказательств были положены некоторые универсальные обобщения, принятые в тот период развития общества: один свидетель – не свидетель, собственное признание исключает необходимость дальнейшего исследования и другие⁵. Процесс познания в такой системе сводился к минимальным логическим усилиям суда: построить силлогизм, в котором большей посылкой служит правило закона, меньшей – конкретный факт.

Свободная оценка доказательств первоначально возникла в рамках состязательного процесса с участием присяжных заседателей и означала неподотчетность присяжных в вопросах выводов о доказанности или недоказанности фактов, освобождая присяжных от доказывания в смысле обоснования решения. Однако в Российском Уставе уголовного судопроизводства 1864 года столь широкое понимание этого принципа не было воспринято. В Уставе указано на то, что доказательства оцениваются «по внутреннему убеждению судей, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при производстве следствия и суда»⁶. Составление текстов правовых актов, регулирующих судопроизводство в состязательном и смешанном процессах, показывает, что они оперируют двумя терминами: «свободная оценка доказательств» и «оценка доказательств по внутреннему убеждению». Это позволяет отдельным исследователям прийти к выводу о недопустимости смешения оценки по внутреннему убеждению и свободной оценки, поскольку последняя якобы состоит «в независимости оценки от конкретных фактических данных и объективных свойств явлений»⁷. Такой подход к свободной оценке доказательств приемлем для раннего состязательного процесса с участием присяжных заседателей и не учитывает, что сущность свободной оценки доказательств составляет внутреннее убежде-

⁴ Краткое изображение процессов или судебных тяжб (1715 г., март) // Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / Под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990. С. 270, 274.

⁵ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб, 1996. Т. 2. С. 179–181.

⁶ Устав уголовного судопроизводства (1864 г., ноября 20) // Хрестоматия... С. 414.

⁷ Фаткуллин Ф.Н. Указ. соч. С. 181.

ние; принцип свободной оценки доказательств тождествен принципам оценки доказательств по внутреннему убеждению, поскольку именно возможность оценить доказательства свободно, по своему убеждению и является критерием свободной оценки доказательств, отличая ее от системы формальных доказательств. Содержание свободной оценки доказательств и оценки доказательств по внутреннему убеждению сегодня тождественно.

Другой вопрос – это грань между свободной оценкой доказательств по внутреннему убеждению и произволом.

Произвол, основанный на ничем не сдерживаемой свободе оценки доказательств российскому процессу знаком, и, по сути, является такой же крайностью, как и система формальных доказательств. Наиболее последовательное воплощение принципа, не связанного объективными данными внутреннего убеждения, выражено в работах А.Я. Вышинского, утверждавшего: «Голос, который говорит судьбе: это верно, ты правильно решил – это голос его внутреннего убеждения, который один определяет в конечном счете ценность и значение всех доказательств и всего процесса в целом»⁸. Такое понимание свободной оценки доказательств было нормативно закреплено в первые годы Советской власти. Данное «научное» установление создало базу для абсолютизации внутреннего судебного убеждения в уголовном процессе, позволяя ему вырождаться в произвол, в принятие необоснованных, немотивированных, но при этом формально законных решений.

В конце 50-х – начале 60-х г.г. прошлого века принцип свободной оценки доказательств приобретает практически сегодняшний вид. В УПК РСФСР 1960 года этот принцип был закреплен в ст. 71; в соответствии с ним суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивали доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием.

Новый Уголовно-процессуальный кодекс, аккумулируя достижения отечественной правовой мысли, учитывая зарубежный

⁸ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Госюриздат, 1950, С. 165.

опыт, посвятил отдельную статью принципу свободной оценки доказательств (ст. 17 УПК), подчеркнув неразрывность внутреннего убеждения и свободы оценки доказательств, стремясь не допустить ни ущемления внутреннего судейского убеждения, ни его чрезмерной свободы. Содержание принципа свободной оценки доказательств составляют следующие положения: 1) доказательства не имеют заранее установленной силы; 2) при оценке доказательств судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель не связаны результатами оценки иных лиц; 3) при оценке доказательств судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью.

Особенностью принципа свободной оценки доказательств по УПК РФ является его двойственный характер: с одной стороны, это принцип оценки доказательств, определяющий ее структуру и содержание, с другой – это принцип, отнесенный к числу принципов всего уголовного процесса. Такой дуализм обоснован. Принцип оценки доказательств как центрального элемента доказывания неизбежно сказывается на всей доказательственной деятельности, и, как следствие, служит формированию всей системы уголовно-процессуального права, определяет его первостепенные черты.

Система принципов уголовного процесса основана не на непосредственной связи единичного принципа со всеми остальными: каждый принцип (за исключением, видимо, принципа законности), непосредственно взаимодействует с определенным кругом принципов. Такие относительно обособленные, взаимосвязанные и взаимообусловленные группы (подсистемы) принципов образуются внутри системы основных начал уголовного судопроизводства по предмету регулирования. Взяв предметом регулирования принцип оценки доказательств, мы можем выделить группу непосредственно с ним связанных принципов, таких, как принцип законности; принцип независимости судей и подчинения их только закону; принцип равенства всех перед законом и судом; принцип состязательности; принцип презумпции невиновности. А.В. Гриненко совершенно справедливо выделяет типы связей (структур) в системе принципов: статические, динамиче-

ские, кинематические, функциональные и генетические⁹. Связи в группе принципов, взаимодействующих с оценкой доказательств, носят динамический и кинематический характер. В динамической структуре принцип свободной оценки доказательств взаимодействует, влияет на некоторые другие принципы уголовного судопроизводства. В кинематической структуре принцип свободной оценки доказательств взаимно служит реализации принципов уголовного судопроизводства.

Следует более подробно рассмотреть взаимосвязь принципа свободной оценки доказательств с другими принципами уголовного процесса. *Принцип законности* при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ) применительно к оценке доказательств проявляется в том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство подробно регламентирует все существенные моменты доказывания по делу: предмет доказывания, средства доказывания и др. Таким образом, в рамках кинематической структуры системной связи принцип законности, с одной стороны, создает условия для реализации нормативно закрепленного принципа свободной оценки доказательств, так как требование соблюдения закона как содержание принципа законности подразумевает и необходимость воплощения в жизнь положений ст. 17 УПК РФ. С другой стороны, как верно подчеркивает И.Б. Михайловская, ряд принципов являются своего рода ограничителем нормативного регулирования способов получения и оценки доказательств¹⁰; принцип законности служит ограничению свободы оценки, способствуя постепенной эволюции теории доказательств в направлении сочетания объективного и субъективного в оценке, устанавливая отдельные объективные требования, обусловленные, как правило, типом процесса.

Судьи могут рассматривать дела и принимать по ним решения, руководствуясь своим внутренним убеждением, исключительно в условиях *независимости судей и подчинения их только закону* (ст. 10 Всеобщей Декларации прав человека, ч. 1 ст. 120 Консти-

⁹ См.: *Гриненко А.В.* Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. С. 15; *Он же.* Система принципов и цель производства по уголовному делу // *Правоведение.* 2000. № 6. С. 179–192.

¹⁰ *Михайловская И.Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: Проспект, 2006. С. 62.

туции РФ, ч. 4 ст. 1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»). Как совершенно справедливо подчеркнул Конституционный Суд РФ, ст. 17 УПК РФ «не предоставляет органам предварительного расследования и суду право произвольно решать вопросы об относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств. Закрепленное в ней нормативное предписание направлено на обеспечение действия провозглашенного в статье 120 Конституции Российской Федерации принципа независимости судей при осуществлении правосудия, исключение какого бы то ни было воздействия на суд, следователя и других лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с целью понуждения их к принятию определенного решения»¹¹.

При этом независимость судей должна быть подкреплена реальными средствами реализации. Закрепленные современным законодательством недопустимость вмешательства в деятельность судьи, неприкосновенность судьи, особый порядок приостановления и прекращения полномочий судьи, предоставление судье за счет государства материального и социального обеспечения, соответствующего его статусу и др. (ст.ст. 9 и 10 Закона о статусе судей), являются средствами реализации как принципа независимости судей и подчинения их только закону, так и принципа свободной оценки доказательств, ибо призваны исключить внешнее воздействие на судью. Итак, оба принципа – принцип независимости судей и подчинения их только закону и принцип свободной оценки доказательств динамически связаны, взаимообуславливая друг друга.

При этом независимость судей может быть достигнута лишь в том случае, если прокурор участвует в суде *наравне* с другими субъектами, обладая такими же правами, как и сторона защиты, т.е. в условиях *равенства всех перед законом и судом* (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ). Суд не должен оценивать доказательства, основываясь исключительно на том, от кого они исходят.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 289-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Слепухина Андрея Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Документ получен из СПС «Гарант» (Гарант-Максимум) по состоянию на 19.03.2007 г.]

Этот принцип тесно связан со свободной оценкой доказательств. Если одна из сторон поставлена в заведомо неравное положение, ограничена в реализации процессуальных прав, принцип свободной оценки доказательств не будет реализован в полной мере: доказательства в этом случае не изучены в совокупности, и свобода оценки начинает перерождаться в произвол. В этом смысле принцип равенства всех перед законом и судом является одним из требований к оценке доказательств, обязывая суд объективно и беспристрастно оценить доказательства и обвинения, и защиты, не допуская перерождения свободной оценки в предвзятость.

По общему правилу никто не может ограничить свободу судьи принимать решения в рамках закона. Вместе с тем, мотивированный полный или частичный отказ прокурора от обвинения, сделанный на основании его внутреннего убеждения, обязателен для суда, несмотря на внутреннее убеждение самого суда (ч. 7 ст. 246 УПК) и вне зависимости от законности, обоснованности и мотивов такого отказа¹².

Отказ прокурора от обвинения – одна из сложнейших проблем сегодняшнего уголовного судопроизводства. С одной стороны, это как раз и есть проявление принципа свободной оценки доказательств: прокурор поддерживает обвинение на основании своего внутреннего убеждения в виновности подсудимого; придя в ходе судебного заседания к выводу о его невиновности в инкриминируемом деянии полностью либо частично, прокурор должен отказываться от обвинения.

Иное противоречило бы ст. 6 УПК РФ – такому назначению уголовного судопроизводства, как отказ от уголовного преследования невиновных. С другой стороны, мнение прокурора может не совпадать с внутренним убеждением судьи. Однако ч. 7 ст. 246 УПК РФ не случайно говорит об обязательном изложении суду мотивов отказа прокурора от обвинения. Изложенные мотивы неизбежно повлияют на внутреннее убеждение судьи. Изучив все значимые материалы дела, он может согласиться с доводами про-

¹² Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 декабря 2002 г. № 78-002-150 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 12. С. 19.

курора; в этом случае никакого противоречия с принципом свободной оценки доказательств нет.

Но даже при несогласии с мотивами отказа прокурора от обвинения суд обязан прекратить уголовное дело (преследование) по основаниям п.п. 1 и 2 ч. 1 ст.ст. 24 и 27 УПК РФ. Тем самым суд фактически ставится в зависимость от мнения одной из сторон процесса, лишаясь определенной доли свободы в оценке доказательств.

Здесь имеет место определенное ограничение свободы суда в оценке доказательств, продиктованное двумя основополагающими принципами построения всего уголовного судопроизводства, определяющего тип (форму) уголовного процесса, а следовательно, устанавливающего пределы действия других принципов, — *принципом состязательности* (ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ) и *принципом публичности*.

Исследователи совершенно справедливо отмечают, что при одновременном равенстве принципов «те или иные принципиальные положения могут выступать более значимыми, чем остальные»¹³, и к принципу состязательности это применимо в полной мере.

В научной литературе указывается, что состязательность — это и форма уголовного процесса, основа, и способ организации, и способ существования процесса¹⁴. Итак, принцип состязательности в данном случае выступает как исключение из принципа свободной оценки доказательств, обязывая суд принять решение, основанное на внутреннем убеждении прокурора, даже вопреки сформировавшемуся внутреннему убеждению судьи (судей).

Согласно прямо не закрепленному в УПК РФ принципу публичности, в уголовном процессе, проводимом в интересах общества и государства, прокурор представляет интересы в первую очередь общества и государства, а не какой-то конкретной личности.

Мы не можем согласиться с утверждением, что отказ прокурора от обвинения, вопреки мнению потерпевшего, существен-

¹³ См.: *Гриненко А.В.* Указ. автореф. С. 15.

¹⁴ См.: *Погодин С., Тузушев Р.* Действует ли принцип состязательности на досудебных стадиях? // *Законность.* 2005. № 3. С. 44–46; *Петрухин И.Л.* Состязательность и правосудие // *Государство и право.* 1994. № 10. С. 129 и др.

ным образом нарушает права последнего¹⁵. Достаточными гарантиями их реализации являются: 1) возможность кассационного обжалования решения суда, — а все материалы, необходимые для проверки обоснованности решения суда, основанного на отказе прокурора от обвинения, судом первой инстанции должны быть изучены¹⁶; 2) возможность подачи иска в порядке гражданского судопроизводства (ч. 10 ст. 246 УПК РФ); наконец, 3) установление уголовной ответственности прокурора за незаконное освобождение от уголовной ответственности подсудимого (ст. 300 УК РФ). Необходимо отметить, что проблема во многом носит сугубо теоретический характер, так как отказ прокурора от обвинения встречается крайне редко. Из изученных нами уголовных дел только в одном уголовном прокурор полностью отказался от обвинения одного из шести обвиняемых; еще в трех делах прокурор отказывался от обвинения в части.

Во взаимодействии принципа свободной оценки доказательств с *принципом презумпции невиновности* (ст. 11 Всеобщей Декларации прав человека, ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ) мы хотим обратить внимание на два аспекта, вытекающих из принципа презумпции невиновности: 1) обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность (ч. 2 ст. 49 Конституции); 2) неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого (п. 3 ст. 49 Конституции). Презумпция невиновности служит отправной точкой в оценке доказательств по внутреннему убеждению, обязывая судью считать, что лицо невиновно, пока совокупностью относимых, допустимых, достаточных доказательств не установлено иное. То есть, процесс познания идет по пути опровержения знания о невиновности подсудимого, признаваемого достоверным в силу законодательных установлений. Принцип

¹⁵ Багаутдинов Ф., Васин А. Последствия отказа прокурора от обвинения в суде // Российская юстиция. 2000. № 3. С. 40; Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 37–38.

¹⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

презумпции невиновности в его динамической связи с принципом свободной оценки доказательств определяет направление и пределы такой оценки.

Таким образом, обоснованность включения принципа свободной оценки доказательств (принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению) в систему принципов всего уголовного процесса подтверждается его динамической и кинетической связью с другими принципами, которые могут иметь одинаковые с принципом свободной оценки доказательств средства реализации (принцип независимости судей и подчинения их только закону); могут создавать условия реализации принципа свободной оценки доказательств (принцип законности); могут ограничивать оценку доказательств, не допуская ее вырождения в произвол (принцип законности, принцип состязательности и равноправия сторон, принцип публичности), могут определять направления оценки (принцип презумпции невиновности).

§ 2. Внутреннее судейское убеждение как инструмент свободной оценки доказательств

Внутреннее убеждение как центр, основа, «душа» оценки доказательств свойственно российскому уголовному процессу с момента принятия судебных уставов 1864 года (ст.ст. 119, 776 и 804 Устава уголовного судопроизводства). Соответственно, в центре внимания таких крупных дореволюционных ученых-процессуалистов, как С.И. Викторский, М.В. Духовный, С.В. Познышев, Н.Н. Розин, Д.Г. Тальберг, И.Я. Фойницикий оказался вопрос о том, что же такое внутреннее убеждение, каковы его место и роль в уголовно-процессуальном доказывании. И этот вопрос однозначно не разрешен до сих пор.

В научной литературе (С. Пороховщиков, В.Ф. Бохан, Ю.М. Грошевой) указывалось на несостоятельность, избыточность термина «внутреннее убеждение»¹⁷; однако данный термин семантически и процессуально значим именно в единстве двух состав-

¹⁷ См.: Бохан В.Ф. Формирование убеждений суда. М., 1973. С. 46; Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 19–20; Сергеев П. (Пороховщиков П.С.) Искусство речи на суде. Тула: Автограф, 1999. С. 137–138.

ляющих его слов: «внутреннее» и «убеждение»; он подчеркивает недопустимость установления формальных преимуществ и заранее установленной силы у доказательств. Как верно указал М.С. Строгович, внутреннее убеждение представляет собой «отказ от «внешнего убеждения» судей, характеризующего систему формальных доказательств»¹⁸.

В общепотребительном смысле под убеждением понимают: 1) процесс склонения кого-либо к чему-либо; 2) прочно сложившееся мнение, воззрение, уверенность¹⁹. Поэтому внутреннее убеждение традиционно рассматривается в качестве: во-первых, познавательной мыслительной, психической деятельности субъектов по оценке доказательств, и, во-вторых, *результата* такой оценки²⁰.

Особый интерес представляет вопрос о предмете внутреннего убеждения. Часто к нему относят искомые факты. Так, ссылаясь на ст.ст. 119 и 766 Устава уголовного судопроизводства Российской Империи, И.Я. Фойницкий указывал, что внутреннее убеждение должно быть основано на рассмотрении и обсуждении всех имеющихся по делу *обстоятельств*²¹. В дальнейшем этот подход был воспринят советской наукой²², воплощен в законе.

В соответствии со ст. 71 УПК РСФСР суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, т.е. УПК РСФСР призывал субъектов уголовно-процессуального доказывания оценивать *доказательства*, руководствуясь внутренним убеждением, основанном на исследованных *обстоятельствах*. В отличие от УПК РСФСР, ст. 17 УПК РФ говорит о том, что оценку *доказательств* необходимо

¹⁸ Строгович М.С. Теория доказательств в уголовном процессе // Строгович М.С. Избранные труды: В 3 т. Т. 3. Теория судебных доказательств / Отв. ред. А.М. Ларин. М.: Наука, 1990. С. 185.

¹⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. С. 850.

²⁰ См., напр.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. С. 139; Строгович М.С. Курс... 1968. С. 339.

²¹ См.: Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 189–192.

²² См.: Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1964. С. 153; Строгович М.С. Курс... 1968. С. 337.

проводить по внутреннему убеждению, основанному на совокупности *доказательств*, что сегодня позволяет некоторым исследователям адресовать законодателю упрек в непоследовательности и тавтологии²³.

Этот упрек едва ли можно признать справедливым: оценке по внутреннему убеждению подлежат не обстоятельства, ибо они, как фрагменты объективной действительности, не обладают свойствами допустимости, достаточности, не оцениваются с позиций достоверности, а отражение этих обстоятельств в сознании или на материальных носителях, т.е. *доказательства*. Оценка доказательств по внутреннему убеждению – в первую очередь установление относимости, допустимости, достоверности доказательств, их значения для дела и уяснение того, можно ли совокупность этих доказательств положить в основу выводов по делу. И при этой оценке доказательства должны сопоставляться не просто с обстоятельствами дела, так как обстоятельства могут быть известны из непроцессуальных источников, а с обстоятельствами, надлежащим образом установленными, отраженными в материалах дела, т.е. с доказательствами.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что при оценке доказательств в качестве отражений того или иного обстоятельства как относимых, допустимых, достоверных и достаточных внутреннее судебское убеждение отражает и уверенность судьи в доказанности обстоятельства. Таким образом, внутреннее убеждение в уголовном процессе проявляется на двух уровнях рефлексии: оперируя с отраженными в сознании оценивающего субъекта *доказательствами*, позволяет прийти к выводам о наличии или отсутствии у них предусмотренных законом свойств и, как следствие, оценить доказанность *обстоятельств* как отраженных в доказательствах фрагментов объективной реальности.

Внутреннее убеждение формируется при отсутствии твердых правовых критериев: закон, в отличие от системы формальных доказательств, не дает четких ориентиров, какие доказательства относимы, а какие – нет; что считать более достоверным, а что менее. Это, однако, не означает, что внутреннее убеждение как

²³ См.: Азаров В.А., Таричко И.Ю. Функции судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2004. С. 262–264.

психическая деятельность не подвластна праву. Уже сам факт закрепления в УПК РФ принципа свободной оценки доказательств (ст. 17) опровергает такое утверждение. Законодательное регулирование внутреннего судебного убеждения служит препятствием для его вырождения в произвол. Как подчеркнул Конституционный Суд РФ, «статья 17 УПК Российской Федерации, предписывая осуществлять оценку доказательств по внутреннему убеждению, не содержит каких-либо положений, допускающих возможность произвольной оценки доказательств. Напротив, в ней содержится указание судье, присяжным заседателям, прокурору, следователю и дознавателю при оценке доказательств не только исходить из своего внутреннего убеждения и совести, но и основываться на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться законом, что должно исключать принятие произвольных, необоснованных решений»²⁴.

Внутреннее убеждение, таким образом, не следует трактовать как безотчетное и произвольное, поскольку при его формировании и выражении дознаватель, следователь, прокурор и суд должны руководствоваться законом. Закон определяет основу формирования внутреннего судебного убеждения: круг обстоятельств, подлежащих оценке при производстве по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ). Закон указывает, какими именно средствами устанавливаются входящие в предмет доказывания сведения (ст. 74 УПК РФ). Закон закрепляет и делает обязательными правила оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ). Закон устанавливает ограничения в формировании внутреннего судебного убеждения (презумпция невиновности (ст. 14 УПК РФ) и некоторые другие принципы уголовного судопроизводства). Закон вводит специальные гарантии свободы и независимости внутреннего убеждения субъектов, оценивающих доказательства (независимость судей, наделение следователя процессуальной самостоятельностью, право прокурора отказаться от обвинения и т.д.). Наконец, закон устанавливает обязательные реквизиты процессуальных доку-

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2004 г. № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шулятьева Алексея Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 17 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // [Документ получен из СПС «Гарант» (Гарант-Максимум) по состоянию на 19.03.2007 г.]

ментов, в которых отражается внутреннее судейское убеждение как результат оценки, обязывает указывать в них конкретные основания, по которым те или иные доказательства, источник или способ получения и использования их приняты или отвергнуты.

Выражение внутреннего судейского убеждения, вопреки указанным нормативным предписаниям, влечет за собой постановление незаконного приговора. Так, согласно приговору, С-ков, во время ссоры с З., достал из кармана нож и нанес потерпевшему четыре удара ножом в область сердца, что и привело к смерти. Отменяя приговор с направлением дела на новое рассмотрение, Курский областной суд указал следующее. В ходе предварительного следствия и судебного заседания обвиняемый давал непротиворечивые, последовательные показания о том, что ранее незнакомый ему З. в присутствии свидетеля Ср. силой отобрал у него сотовый телефон; затем начал душить С-кова. Чтобы освободиться от удушья, С-ков нанес удары ножом в область левого бока потерпевшего. Однако эти показания С-кова, как и показания свидетеля Ср., проверены не были и не получили надлежащей оценки в приговоре. Суд не дал никакой оценки также заключениям судебно-медицинских экспертиз, согласно которым у С-кова обнаружены множественные телесные повреждения²⁵. Данные нарушения привели к отмене приговора.

Подверженность внутреннего судейского убеждения правовому регулированию не означает, однако, его жесткой правовой регламентации (за исключением выражения внутреннего судейского убеждения как результата оценки в решении). Не следует смешивать, как это делает Ю.М. Грошевой²⁶, оценку доказательств по внутреннему убеждению в процессе доказывания фактических обстоятельств дела и оценочную деятельность правоприменителя при установлении юридического значения выявленных фактов. В последнем случае следователь, дознаватель, прокурор и суд на основании сформировавшегося внутреннего убеждения по поводу установленных обстоятельств подбирают в законе соответствующее положение, наиболее полно охватывающее все элементы состава. Такая «уголовно-правовая оценка» —

²⁵ Архив Курского областного суда. Дело № 22-2646-2004.

²⁶ Грошевой Ю.М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975. С. 10.

квалификация²⁷ – осуществляется не по внутреннему убеждению оценивающего субъекта, ибо уголовный закон практически не оставляет для него пространства, строго предписывая начальный этап оценки и ее результат, указывая, какие именно сведения необходимо оценить и предлагая выбрать одну из уже содержащихся в законе готовых оценок деяния.

Оценку доказательств по внутреннему судейскому убеждению следует сопоставить с такой категорией, как судейское (судебное) усмотрение. В отечественной юридической науке данному явлению не уделялось и до сих пор не уделяется достаточно внимания; преимущественно изучается усмотрение в его связи с применением норм уголовного права. Наиболее полно проблема усмотрения в праве в целом освещена А. Бараком на примере хорошо известной автору, судье Верховного суда Израиля, семье общего права. Однако многие положения, разработанные А. Барак, не имеют аналогов в российском праве – видимо, в силу того, что у нас закон иначе определяет круг обстоятельств, подлежащих доказыванию и оценке. А. Барак совершенно справедливо определил судейское усмотрение как *«полномочие, данное лицу, которое обладает властью выбирать между двумя или более альтернативами, когда каждая из альтернатив законна»*²⁸. То есть, из двух и более правильных, соответствующих закону вариантов судья должен выбрать один, руководствуясь требованиями разумности; именно так понимается усмотрение и в работах большинства отечественных ученых²⁹.

Предмет судейского усмотрения по А. Бараку триедин: факт, применение нормы и сама норма. Именно эти три составляющие предмета и определяют типы усмотрения.

²⁷ См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 2004. С. 4–5; Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 7–12.

²⁸ Барак А. Судейское усмотрение. М.: НОРМА, 1999. С. 13.

²⁹ См.: Гончаров В.Б., Кожевников В.В. Проблема усмотрения правоприменяющего субъекта в правоохранительной сфере // Государство и право. 2001. № 1. С. 55; Лушинская Л.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юрист, 2006. С. 132–136; Марфицин П.Г. Понятие и значение усмотрения в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2002. № 2. С. 38–45; Он же. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект). Омск, 2002; Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. С. 8 и др.

Первый тип усмотрения – усмотрение при установлении фактов. А. Барак, выделив такой тип усмотрения, уходит от ответа на вопрос, как именно использует судья усмотрение при установлении фактов, констатируя, что его решение – проблема преимущественно философская. Существует ли одна реальность, независимая от действий и решений судьи, или реальность – это то, что судья устанавливает? Так, в Мосгорсуде рассматривалось уголовное дело по обвинению Исаева и еще двух лиц (в отношении которых дело было прекращено) в том, что они произвели не менее восьми выстрелов каждый в Салманова и Танзинова, причинив последним смерть. Однако в приговоре суд установил, что только Исаев, вооруженный пистолетом ТТ с восемью боевыми патронами, произвел восемь выстрелов в Салманова и Танзинова, убив их.

Представляется, что при установлении фактов отсутствует простор для усмотрения у судьи. В силу презумпции истинности приговора установленные им факты также необходимо считать соответствующими объективной реальности. Однако в данном случае вывод суда явно является ошибочным. Судебно-медицинской экспертизой из тел обоих погибших извлечено 11 пуль. Отменяя решение суда первой инстанции, Президиум Верховного Суда обоснованно упрекнул его в том, что «суд не выяснил, каким образом Исаев, произведя восемь выстрелов в потерпевших, причинил им 11 огнестрельных ранений, хотя данное обстоятельство могло повлиять на правильность принятого по делу решения»³⁰.

При установлении фактов судья не использует аппарат судебного усмотрения, поскольку у него нет двух законных альтернатив: он может установить факты либо верно, либо неверно. В последнем случае, как в приведенном примере, решение незаконно, так как обстоятельства, изложенные в приговоре, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела (ч. 1 ст. 369, ст. 379 УПК РФ).

Второй тип усмотрения касается выбора одного из ряда альтернативных путей применения конкретной нормы к данной совокупности фактов. В уголовном процессе такой тип усмотрения проявляется особенно рельефно.

³⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 ноября 1998 г. «Несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела согласно п. 2 ст. 342 УПК РСФСР является основанием к отмене приговора» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 11. С. 10.

Например, согласно ст. 97 УПК РФ избрание меры пресечения возможно «при наличии достаточных оснований полагать...». Формулируя такие положения, законодатель предоставляет субъекту свободу выбора в том, какие действия или их комплекс и в какой последовательности проводить. Так, механизм формирования усмотрения судьи при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу мы можем представить следующим образом.

Дознаватель, следователь, руководитель следственного органа или прокурор предоставляют суду данные, указывающие, по их мнению, на то, что обвиняемый (подозреваемый) скроется, будет продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям или иным участникам процесса, уничтожит доказательства или другим образом воспрепятствует производству по делу; что преступление, в котором лицо обвиняется (подозревается), предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок более двух лет (за исключением случаев, предусмотренных в ч. 1 ст. 108 УПК РФ) и избрание в отношении него другой, более мягкой меры пресечения, невозможно (ст. 97 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Получив эти данные, судья оценивает их достаточность для избрания меры пресечения; это решение отражается внутренним убеждением как результатом оценки.

Убеждение судьи в достаточности данных, подтверждающих возможность и намерение обвиняемого (подозреваемого) воспрепятствовать производству по делу, становится основой для усмотрения судьи о невозможности применения иной – более мягкой меры пресечения, целесообразности и необходимости избрания в отношении обвиняемого (подозреваемого), с учетом его состояния здоровья, семейного положения, рода занятий и др. обстоятельств (ст. 99 УПК РФ), либо заключения под стражу, либо залога, либо домашнего ареста (п. 7.1 ст. 108 УПК РФ).

Как верно подчеркивает П.А. Лупинская, «усмотрение» следователя, прокурора или суда, которое является в дозволенных границах одним из способов реализации права, должно иметь в своей основе убеждение лица, применяющего закон, в правильности вынесенного решения. Это убеждение должно сформироваться на основе уста-

новленных фактических обстоятельств дела и указанного в законе назначения деятельности и целей данного решения»³¹.

Когда имеются достаточные основания и соблюдены все условия для избрания меры пресечения, судья не вправе произвольно отказать в удовлетворении соответствующего ходатайства прокурора, следователя или дознавателя. Судья может проявить лишь известное усмотрение в выборе решения.

Дело в том, что судебское усмотрение не произвольно, оно достаточно жестко ограничено, во-первых, требованиями законности, во-вторых – тем, что А. Барак назвал «процедурными ограничениями», к числу которых относятся справедливость и мотивированность; в-третьих – «материальными ограничениями» (разумность делаемого выбора)³².

Наиболее полно, в чистом виде судебское усмотрение проявляется в ситуациях недостаточной правовой и фактической определенности. Именно поэтому, несмотря на наличие процедуры кассационного обжалования группы постановлений об избрании мер пресечения, вышестоящие суды ограничивают усмотрение нижестоящих совсем не часто. Так, согласно статистическим отчетам в 2004 году Курским областным судом было отменено всего лишь 6,07 % постановлений по ходатайствам о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей из всех обжалованных, а за 6 месяцев 2005 года – 4,9 %. При этом отмененные постановления об отказе в удовлетворении ходатайства и об удовлетворении ходатайства соотносились как 57 % против 43 % в 2004 году и 44 % против 56 % в первом полугодии 2005 года³³.

Наконец, *третий тип усмотрения касается выбора между различными альтернативами*, относящимися к самой норме, ее выбору. Применение судебного усмотрения при квалификации призвано позволять судьям адекватно реагировать на изменяю-

³¹ Лутинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве... 2006. С. 144.

³² Барак А. Указ. соч. С. 33–39.

³³ Данные получены путем сопоставления Справки к разделу 1 «Движение дел» (по числу лиц) и Раздела 4 «Результаты кассационного рассмотрения по удовлетворенным жалобам и представлениям» (по числу лиц) Формы «Ведомственное статистическое наблюдение. Отчет о работе по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 12 месяцев 2004 года» и Формы «Ведомственное статистическое наблюдение. Отчет о работе по рассмотрению уголовных дел в кассационном порядке за 6 месяцев 2005 года» соответственно.

щиеся условия жизни. Важнейшими механизмами понимания нормы выступают поиск объективного смысла текста, реконструкция и создание смыслов, напрямую связанные с феноменом «добавочного смысла», который может быть заключен в тексте с самого начала (хотя создатель и не подозревал об этом) либо может выявляться на этапе восприятия и понимания текста как новый творческий акт; возможен и третий путь: при неизменности материального тела текста под влиянием каких-либо факторов происходит его смысловое обогащение³⁴. Проблема понимания закона детерминирована, в первую очередь, сущностным содержанием норм закона, закрепляющего ранее неизвестные институты, придающего качественно иной смысл ранее употреблявшимся терминам. В этом плане хрестоматийен пример с одним из авторов американской конституции, которому в судебном порядке было указано на неправильное понимание им самим текста разработанного им акта.

Наибольшие сложности в понимании и применении закона вызывают нормы, при создании которых законодатель хотя и не имел намерения предоставить исполнителю возможность действовать по своему усмотрению, однако норма получилась недостаточно ясной, сложной, что вынуждает правоприменителя вносить элемент усмотрения. Так, с момента принятия УПК РФ однозначно не был разрешен вопрос о возможности возвращения уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) со стадии судебного разбирательства. На практике судьи мотивировали отказы в возвращении ссылками на норму ст. 237, указывая, что она находится в Главе 34 УПК («Предварительное слушание»), т.е. не применяется в судебном разбирательстве. При возвращении дела с указанной стадии суды ссылались на ст. 256 УПК РФ в перечне решений, принимаемых в ходе судебного заседания в совещательной комнате, называющей и решение о возвращении уголовного дела прокурору. В данной ситуации очень рельефно просматривалась свобода судейского усмотрения. Более широкое распространение получила практика возвращения дел со стадии судебного разбирательства, и на правомерность такого подхода указал

³⁴ См.: *Божженкова Р.К.* Понимание текста как лингвокультурологическая категория. Курск, 2000. С. 9.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 5 марта 2004 г.³⁵ Свобода судебсого усмотрения оказалась, с одной стороны, ограниченной, а с другой – именно благодаря ей сформировалось общее правило.

Итак, судебсое усмотрение неразрывно связано с психологической, интеллектуальной деятельностью лица, с его внутренним убеждением. Внутреннее убеждение мы можем рассмотреть, с одной стороны, как результат судебсого усмотрения, характеризующий убежденность судьи в правильности принятого решения, с другой – как основу выбора им возможного решения; в то же время внутреннее убеждение помимо оценки судебсого усмотрения представляет собой еще и сам процесс формирования убеждения при исследовании доказательств.

При исследовании проблемы внутреннего судебсого убеждения важно определить, каковы же его место и роль в уголовном процессе в целом и уголовно-процессуальном доказывании в частности. По этой проблеме в науке можно выделить четыре подхода.

Дореволюционными исследователями, такими, как Л.Е. Владимиров, Н.А. Терновский, И.Я. Фойницкий, внутреннее убеждение рассматривается как *мерило оценки доказательств*³⁶. Судья действительно не может сравнить непосредственно одни доказательства с другими; операции по установлению относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств проводятся с их отражениями в сознании. Придя к выводу о наличии у определенной совокупности доказательств требуемых законом свойств, судья в дальнейшем сравнивает доказательства именно с отражением этой совокупности в его сознании. Однако согласиться с основанными на этой точке зрения выводами М.С. Строговича, М.А. Чельцова-Бebutова, С.А. Голунского³⁷ – едва ли

³⁵ Пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 5. С. 4.

³⁶ См.: Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. СПб.: Издание книжного магазина Законоведение, 1910. С. 14; Терновский Н.А. Юридические основания и суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам: Пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. Тула: Типография В.Н. Соколова, 1901. С. 29; Фойницкий И.Я. Указ. соч. Т. 2. С. 188–189.

³⁷ См.: Вышинский А.Я. Указ. соч. С. 165–168; Голунский С.А. О внутреннем убеждении в советском суде // Социалистическая законность. 1936. № 5; Строгович М.С. Материальная истина и внутреннее судебсое убеждение // Строгович М.С. Избранные тру-

можно, ибо они пошли по пути абсолютизации внутреннего судебного убеждения.

Так, С.А. Голунский в одной из своих ранних работ, в частности, призывал «теорию об объективной оценке доказательств ... решительно отвергнуть»³⁸. То есть, если судья убежден в относимости, допустимости, достоверности и достаточности совокупности доказательств, то они действительно обладают такими свойствами.

Внутреннее убеждение характеризуется как *принцип*. Впервые оценку доказательств по внутреннему убеждению как самостоятельный принцип уголовного процесса рассмотрел М.А. Чельцов³⁹, поскольку оценка по внутреннему убеждению во многом подчиняет себе не только средства из процесса доказывания, но и все производство по делу.

Наконец, внутреннее убеждение в основной массе работ рассматривается как *метод (способ)* свободной оценки доказательств и *результат* такой оценки – внутреннее убеждение «есть не критерий (мерило) оценки доказательств, а результат оценки доказательств»⁴⁰. Это верно, ибо внутреннее убеждение представляет собою *путь разрешения задач и достижения целей оценки*.

Вместе с тем, не следует противопоставлять внутреннему убеждению как методу внутреннее убеждение как мерило оценки доказательств или внутреннее убеждение как центральный элемент принципа свободной оценки доказательств – все это разные аспекты одного и того же понятия; поэтому считаем возможным применительно к определению места и роли внутреннего судебного убеждения в уголовном процессе использовать термин «*инструмент оценки доказательств*». Можно сказать, что внутреннее убеждение представляет собой основной инструмент свобод-

ды: В 3 т. Т. 3. Теория судебных доказательств / Отв. ред. А.М. Ларин. М.: Наука, 1990. С. 209; Чельцов М.А. Уголовный процесс: Учебник. М.: Юриздат, 1948. С. 253; Он же. Советский уголовный процесс. М., 1962 С. 138.

³⁸ Голунский С.А. Указ. статья. С. 28.

³⁹ См.: Чельцов М.А. Система принципов в советском уголовном процессе // Ученые записки ВЮИОН. М., 1947. Вып. VI. С. 16.

⁴⁰ См.: Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств... С. 153–157; Новик В.В. Доказательственная деятельность и формирование доказательств. СПб., 2005. С. 37; Строгович М.С. Внутреннее судебное убеждение и оценка доказательств в уголовном процессе // Строгович М.С. Избранные труды: В 3 т. Т. 3. Теория судебных доказательств / Отв. ред. А.М. Ларин. М.: Наука, 1990. С. 209; Чельцов М.А. Уголовный процесс: Учебник. М.: Юриздат, 1948. С. 253 и др.

ной оценки доказательств, поскольку позволяет производить основные операции с доказательствами для их оценки: анализ с точки зрения относимости, достаточности, достоверности их самих и источников их получения, синтез имеющихся данных и др., и в дальнейшем – для формирования вывода о доказанности отраженных в доказательствах обстоятельств.

Таким образом, внутреннее убеждение в уголовно-процессуальном познании является основным инструментом, проявляющимся на двух уровнях отражения: оно позволяет оценить свойства доказательств и, вместе с тем, играет важнейшую роль при оценке обстоятельств дела, поскольку позволяет установить достаточность собранных доказательств для вывода о доказанности наличия в объективной действительности факта. Внутреннее убеждение выполняет двойную задачу: перевод из объективного в субъективное (психологическое отношение субъектов) и перевод из субъективного в объективное (результат познания опосредствуется внутренним убеждением).

§ 3. Справедливое судебное разбирательство как условие формирования обоснованного внутреннего судейского убеждения

В соответствии с п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона»⁴¹. В УПК РФ не включена такая статья, но фактически все нормы, характеризующие справедливое судебное разбирательство, выражены в принципах уголовного судопроизводства и ряде норм, регулирующих применение уголовно-процессуального закона. Ратификация Российской Федерацией в 1998 году данной Конвенции выводит все ее установления из сферы идей и наделяет

⁴¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 16.

статусом нормативных правовых положений⁴², такой же позиции придерживается и Пленум Верховного Суда РФ⁴³.

Смысл термина «справедливое судебное разбирательство», как и вообще правосудия в целом (ибо справедливость имманентна правосудию) существенно зависит от того, какое содержание мы вкладываем в понятие «справедливость».

Термин «справедливость» встречается во многих российских законах: в УК (ст.ст. 6, 43, 60) и УПК (ст.ст. 6, 297, 332, 360, 361, 367, 373, 381); справедливым клянется быть судья, давая присягу (ч. 1 ст. 8 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁴⁴). Именно требованием справедливости нередко обосновывает свои решения Конституционный Суд РФ, а Пленум Верховного Суда – свои постановления.

Однако смысл в исследуемое понятие вкладывается в разных ситуациях явно различный. Так, в Постановлении от 02.02.1996 г. Конституционный Суд указал: «Ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено»⁴⁵, – т.е. связал справедливость с правильностью принятого по делу решения.

Иногда Конституционный и Верховный суды указывают на неразрывность справедливости и соразмерности: назначенного наказания – преступлению⁴⁶. Зачастую справедливость рассматривают

⁴² См.: Алексеева Л.Б. Право на справедливое судебное разбирательство: реализация в УПК РФ общеправовых принципов и норм международного права: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; Волженкина В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 68.

⁴³ См.: Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12. С. 4.

⁴⁴ Закон Российской Федерации № 3132-1 от 26 июня 1992 г. «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 1992. 29 июля.

⁴⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 7. Ст. 701.

⁴⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2002 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 342, 371, 373, 378, 379, 380 и 382 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, статьи 41 Уголовного кодекса РСФСР и статьи 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Подольского городского суда Московской области и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 31. Ст. 3160; Постановление

как неотъемлемую составляющую либо «гарантию» правосудия в ее взаимосвязи с беспристрастностью суда, состязательностью и равноправием сторон⁴⁷. Очевидно, что все это – разные стороны такого многогранного понятия, как «справедливость».

С семантической точки зрения «справедливость» рассматривается как беспристрастность, истинность, правильность, а «справедливый» – как «осуществляемый на законных и честных основаниях»⁴⁸. Энциклопедическим словарем утверждается, что справедливость есть «категория морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их со-

Верховного суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 5. С. 2–5; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 августа 1989 г. № 4 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М.: Спарк, 1999. С. 427–429; Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 декабря 1986 г. № 15 «О дальнейшем укреплении законности при осуществлении правосудия» // Там же. С. 263–269; Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 июня 1978 г. № 5 «О практике применения судами законов, обеспечивающих обвиняемому право на защиту» // Там же. С. 131–136 и др.

⁴⁷ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Производственно-технического кооператива «Содействие», Общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 22 – 2194; Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей, четвертой и пятой статьи 377 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан А.Б. Аулова, А.Б. Дубровской, А.Я. Карпинченко, А.И. Меркулова, Р.Р. Мустафина и А.А. Стубайло» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 8. Ст. 991; Определение Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2004 г. № 132-О «По жалобе гражданина Горского Анатолия Вадимовича на нарушение его конституционных прав пунктом 6 части второй статьи 231 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 24. Ст. 2477 и др.

⁴⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 2002. С. 784.

циальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость»⁴⁹. Философский словарь уточняет, что «справедливость включает равенство людей по отношению к средствам производства, а также равенство их реальных политических и юридических прав»⁵⁰, т.е. равноправие. В литературе справедливость традиционно изучается как минимум в трех аспектах: нравственном, социальном и правовом⁵¹.

Между тем для нашей работы важно подчеркнуть, что в единстве трех названных аспектов существует фундаментальный общеправовой принцип справедливости, конкретным проявлением которого является требование справедливого судебного разбирательства. Принцип справедливости, по сути, представляет собой все то же требование справедливости, определяющее построение норм и институтов права, цели и пути реализации законодательных предписаний. Для нашего исследования выделим в содержании термина «справедливость» два аспекта, основываясь на содержательном различии: справедливость процедуры и справедливость решения.

Во-первых, справедливость – это *равенство возможностей*: разных социальных слоев и групп, разных правовых субъектов в схожих правовых ситуациях. Право на справедливое судебное разбирательство основано, прежде всего, на понимании справедливости в процессуальном аспекте и представляет собой процессуальную гарантию, и, в частности, означает:

– право на проведение судебного слушания в соответствии с определенными процессуальными требованиями, такими, например, как своевременное предъявление обвинения, возможность допросить свидетелей или представить соответствующие доказательства, пользоваться помощью защитника и переводчика,

– непредвзятое и беспристрастное отношение суда к сторонам и предоставляемым ими материалам,

⁴⁹ Советский энциклопедический словарь. М., 1990. С. 1273.

⁵⁰ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1986. С. 455.

⁵¹ См. обзор подходов: *Боннер А.Т.* Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. С. 14 и далее.

– незаинтересованность суда в исходе дела, необходимость исследования всех обстоятельств уголовного дела.

Указанная гарантия реализуется в нормах ч. 1 ст. 8 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации», ч. 4 ст. 15, ст.ст. 43–49, 54, 55, 61–72, ч. 3 ст. 86, ч. 6 ст.ст. 234, 380 УПК РФ и др.

Но можно ли считать справедливым судебное разбирательство, основанное, например, на неверно примененной норме материального права или в ситуации, когда назначенное наказание не соответствует тяжести преступления? Так, изменяя приговор в отношении Винокурова, Верховный Суд указал, что Винокуров добровольно сообщил о совершенном преступлении брату и сотрудникам милиции. «Признав эти действия виновного активным способствованием раскрытию преступления, в результате чего Шалаевой была своевременно оказана медицинская помощь, т.е. обстоятельством, смягчающим наказание, суд, тем не менее, при отсутствии отягчающих обстоятельств в нарушение закона назначил Винокурову по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ семнадцать лет лишения свободы, хотя срок наказания не мог превышать пятнадцати лет»⁵². Сам Европейский Суд по правам человека отвечает на эти два вопроса отрицательно: пересмотр предполагаемых ошибок, допущенных национальными судебными властями при применении норм права, не является задачей Европейского Суда, по общему правилу оценка доказательств и применение национального права производится национальными судами; задачей Европейского Суда является установление того, является ли судебное разбирательство справедливым в целом⁵³.

Однако невозможно рассмотреть процесс в отрыве от его результата, поэтому считаем, что справедливое судебное разбирательство включает в себя еще и требование о соответствии приговора и иного решения суда справедливости, поскольку справедливость, – это *соответствие*: деяния – воздаянию, труда – вознаграждению, наказания – преступлению, решения – как пра-

⁵² Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 8. С. 30.

⁵³ См., напр.: Решение Европейского Суда по правам человека от 23 апреля 2002 г. по вопросу приемлемости жалобы № 48040/99 «Евгений Железов против России» (Четвертая секция) // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 102–107.

вовым, так и нравственным нормам. Этот аспект назовем справедливостью решения.

Вслед за УК РФ, который рассматривает справедливость исключительно в контексте назначаемого наказания (ст.ст. 6, 42, 60 УК РФ), УПК РФ понимает справедливость как соразмерность наказания содеянному и личности (ст.ст. 6, 297, 332, 360, 361, 367, 373, 381 УПК РФ) и называет одним из основных требований к приговору. Как указал Верховный Суд в Постановлении «О судебном приговоре», «суды не должны назначать виновным наказания, которое по своему размеру является явно несправедливым как вследствие мягкости, так и вследствие суровости»⁵⁴. То есть, применительно к приговору справедливость выражает моральное требование, чтобы в приговоре было правильно квалифицировано деяние лица и определено наказание в соответствии с тяжестью преступления и личностью виновного⁵⁵. По результатам обобщения практики, проведенного при подготовке настоящего исследования, по причине несправедливости приговора отменено 12,84 % всех изученных приговоров (в т.ч. в связи с суровостью назначенного наказания 0,39 %), изменено со снижением наказания 11,28 %.

Однако, как указывает Т.Г. Морщакова, любое решение должно быть правильным еще и по существу, должно отвечать правовым и «социально-нравственным принципам отношения к человеку и совершенному им деянию»⁵⁶.

Таким образом, сама справедливость может быть рассмотрена в двух аспектах: как справедливость процедуры (т.е. принятие решения при соблюдении требования о равенстве процессуальных возможностей сторон) и справедливость решения (т.е. соответствия принятого решения нормам права, требованиям нравст-

⁵⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 7. С. 2–8.

⁵⁵ См.: Ботин А.Г., Кузнецов В.В. Как правильно составить судебные документы: приговоры, кассационные определения. М.: Инфра-М, 2003. С. 53–58; Ворожцов С.А. Приговор в уголовном процессе. М.: Юрайт-Издат, 2003. С. 77–85; Мартыничук Е.Г. Кассационное производство в уголовном процессе. Курск, 2003. С. 36–39.

⁵⁶ Уголовно-процессуальное право / Под ред. П.А. Лупинской. М.: Юристъ, 2004. С. 519.

венности)⁵⁷. На аналогичных позициях стоит Конституционный Суд РФ, указавший, что справедливое судебное разбирательство предполагает, как минимум: установление на основе исследованных доказательств обстоятельств происшествия, в связи с которым было возбуждено уголовное дело, его правильную правовую оценку, выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, действительной степени вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния; возможность обвиняемого и потерпевшего довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые они считают необходимыми для ее обоснования⁵⁸.

Итак, обобщая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что справедливое судебное разбирательство подразумевает: 1) *проведение судебного разбирательства в соответствии со всеми требованиями процессуального права* (соостязательность и равноправие сторон; выявление конкретного вреда, причиненного обществу и отдельным лицам, действительной степени вины лица в совершении инкриминируемого ему деяния; своевременное предъявление обвинения; непредвзятое и беспристрастное отношение суда к сторонам и предоставляемым ими материалам, незаинтересованность суда в исходе дела; возможность каждой стороны довести до суда свою позицию, возможность предоставить свои обоснования и др.); 2) *принятие решения, по содержанию соответствующего требованиям справедливости* (правильное применение норм права; наказание соответствует тяжести совершенного преступления и личности подсудимого и др.).

Для формирования, как того требует закон, обоснованного совокупностью доказательств внутреннего судейского убеждения требование Европейской конвенции о справедливом судебном разбирательстве играет важнейшую роль. Свободное от предубеждения внутреннее убеждение как результат оценки доказа-

⁵⁷ П.А. Лупинская совершенно справедливо и удачно именует эти два аспекта «динамическим» и «статическим» – См.: *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве... 2006. С. 158.

⁵⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // *Собрание законодательства Российской Федерации.* 2003. № 51. Ст. 5026.

тельств может сформироваться только в случаях, когда все доказательства – и обвинительные, и оправдательные – изучены, когда сторонам предоставлена возможность высказать свои позиции по делу – т.е. когда соблюдены условия справедливого судебного разбирательства. В этом смысле справедливое судебное разбирательство можно с полным правом назвать одним из важнейших условий формирования внутреннего судейского убеждения, обоснованного совокупностью доказательств. Вместе с тем, необходимо указать, что не все выведенные нами элементы справедливого судебного разбирательства влияют на формирование внутреннего судейского убеждения при оценке доказательств. Так, правильное применение нормы права (квалификация) и соразмерность назначенного наказания, как мы уже указывали, не охватываются внутренним убеждением. И в этом смысле справедливость решения для внутреннего убеждения как процесса оценки доказательств не столь значима.

Равноправие (или равенство прав) сторон (ст. 244 УПК РФ) как составная часть справедливого судебного разбирательства является важнейшим условием судебного разбирательства (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). Однако нельзя не отметить то, что стороны обвинения и защиты – даже в судебных стадиях – имеют принципиально разный объем прав и обязанностей. Этому вопросу уделялось внимание в литературе⁵⁹, останавливаться на нем мы не будем. Отметим, что с позиций доказывания равенство прав сторон как частный случай принципа состязательности служит тому, что стороны защиты и обвинения имеют равные возможности по предоставлению суду оснований для формирования внутреннего судейского убеждения судья. Если одна из сторон лишена такой возможности, на внутреннее убеждение может оказать чрезмерное воздействие мнение другой стороны. Совокупность доказательств как основа внутреннего судейского убеждения может сформироваться и в этих условиях, однако оно не учтет те доказательства, которые могла бы привести лишённая такой возможности сторона, а это прямой путь к судебной ошибке.

⁵⁹ См.: Бородинова Т.Г., Демидов И.Ф. Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Журнал российского права. 2005. № 2; Колбаев Р. О равенстве прав участников уголовного процесса // Законность. 1998. № 10. С. 40–42.

Так, Верховный Суд РФ отменил приговор в отношении Колесника, указав на нарушение равноправия сторон в ходе расследования и судебного заседания: потерпевшая не была ознакомлена с материалами уголовного дела, не извещена о времени и месте судебного заседания, указав, что «по всем уголовным делам потерпевший заинтересован в том, чтобы способствовать раскрытию преступления, установлению истины по делу, изобличению преступника и справедливому воздаянию за содеянное. При этом он фактически, с учетом его процессуального положения, выступает в качестве стороны, противостоящей обвиняемому (подсудимому), что позволяет в полной мере обеспечивать состязательные начала и равноправие сторон в судопроизводстве»⁶⁰. Соблюдение требования о равноправии сторон служит, таким образом, необходимым условием формирования обоснованного внутреннего судейского убеждения и, в дальнейшем, принятию решения, соответствующего фактическим обстоятельствам дела.

Еще одним условием формирования внутреннего судейского убеждения является *объективное и беспристрастное отношение суда ко всем участникам дела*. Предвзятое отношение, «пристрастность» суда к одной из сторон неизбежно влечет одностороннюю оценку доказательств и, соответственно, неправильное формирование внутреннего судейского убеждения.

То, что отечественные судьи более благосклонны к стороне обвинения, чем к стороне защиты, общеизвестно. Еще Л.Е. Владимиров подметил, что «ревнивое око судьи везде видит зло, преступление... Но самая главная беда от предвзятости мнения состоит в том, что все, обвиняющее подсудимого, кажется предубежденному судье вероятным, все же, оправдывающее невероятным»⁶¹. Обвинительный уклон детерминирован, помимо прочего, и отношением общества, которое более опасается того, что лицо, совершившее преступление, избежит наказания, нежели того, что основополагающие права и свободы конкретной личности будут необоснованно ограничены государством. В такой ситуации сис-

⁶⁰ Определение Военной Коллегии Верховного Суда РФ по делу Колесника от 11 февраля 2000 г. № 2-0109/99 «Лишение гарантированных Законом прав потерпевшего как участника процесса является существенным нарушением уголовно-процессуального закона» // [Документ получен из СПС «Гарант» (Гарант-Максимум) по состоянию на 19.03.2007 г.]

⁶¹ Владимиров Л.Е. Указ. соч. С. 290.

тема неизбежно ущемляет права индивида, ставя уровень их защищенности в зависимость от нравственного облика конкретных правоприменителей (следователей, прокуроров, судей), которые исходят из постулата «лучше осудить невиновного, чем отпустить виновного».

Для преодоления обвинительного уклона судей недостаточно нормативных предписаний, их в законе достаточно. Здесь при применении права важно сознание, чувство долга судьи, его совесть. Необходимо изменять правосознание и нравственные ориентиры общества в целом. Правовыми требованиями мы можем только ориентировать судью на объективность и беспристрастность при оценке доказательств по внутреннему убеждению. В УПК РФ об объективности и беспристрастности говорится применительно к процессу с участием присяжных заседателей – напр., ст. 340; подобное требование желательно внести в положения ст. 17 УПК РФ.

Сущность *беспристрастности* в процессе формирования внутреннего судейского убеждения составляет непредвзятое отношение к каждому субъекту уголовного судопроизводства и предоставленным им доказательствам. *Объективность*, в свою очередь, – такое отношение к рассмотрению дела, которое позволяет установить как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, а также смягчающие и отягчающие его наказание обстоятельства. Эти два явления неразрывно связаны: суд, утративший беспристрастность, не может более оставаться подлинно объективным; необъективность суда, в свою очередь, исключает его беспристрастность, ибо необоснованное предпочтение доводам одной стороны говорит о предвзятом отношении к другой. При этом, как указал Европейский Суд по правам человека, «беспристрастность должна определяться исходя из субъективной проверки, то есть, на основании личных убеждений конкретного судьи в конкретном деле, а также объективной проверки, то есть, при оценке того, обеспечил ли судья гарантии, достаточные, чтобы исключить любые правомерные сомнения в связи с этим»⁶².

⁶² Постановление Европейского Суда по делу «Хаушилдт против Дании». Серия А. № 154 (1989); 12 EHRR 266, 46 // [Документ получен из СПС «Гарант» (Гарант-Максимум) по состоянию на 19.03.2007 г.]

Итак, судья обязан предпринять все меры для того, чтобы исключить сомнения в своей пристрастности и необъективности: выслушать всех свидетелей, изучить все предоставленные доказательства, принять обоснованное решение по всем заявленным ходатайствам участников уголовного процесса, максимально полно установить – не нарушая принципа состязательности – обстоятельства уголовного дела, отраженные в совокупности доказательств как основе формирования внутреннего судейского убеждения. Вопреки высказанному в литературе мнению о том, что суд в состязательном уголовном процессе не вправе совершать по своей инициативе какие-либо исследовательские действия⁶³, как мы показали выше, у судьи есть все возможности по проверке доказательств в ходе судебного следствия. Поэтому говорить об обоснованном внутреннем судейском убеждении можно только при условии его формирования в условиях объективности и беспристрастности, когда суд непредвзято относится ко всем участникам процесса и исследует как обвинительные, так и оправдательные доказательства.

Непосредственность как общее условие судебного разбирательства заключается в том, что суд проводит исследование доказательств путем производства соответствующих судебных действий, судья, решающий дело, должен черпать доказательства из их первоначальных источников, т.е. выслушивать показание от самого свидетеля, обзирать вещественные доказательства. *Устность*, как частный случай непосредственности⁶⁴, означает, что все фактические доказательства в судебном следствии должны быть оглашены, озвучены, и все разбирательство уголовного дела представляет собой судоговорение. Непосредственность и устность устраняют излишних посредников, ограничивают субъективные элементы, стоящие между судьей и исследуемым событием; они позволяют суду, насколько это в принципе возможно, встретиться с преступлением «лицом к лицу», проверить своими чувствами достоинства и недостатки собранных по делу доказательств, прочувствовать подлежащее обсуждению событие пре-

§ ⁶³ См.: Орлов Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия // Российская юстиция. 2004. № 2.

⁶⁴ Именно в таком соотношении Л.Е. Владимиров рассматривает непосредственность и устность – см.: Владимиров Л.Е. Указ. соч. С. 91.

ступления во всех его фактических отношениях, предохраняя суд от заблуждений.

«Чем более, – отмечает Н.А. Терновский, – существует субъектов между судьей и судимыми действиями, тем более существует источников для ошибочного их познания. Судья в интересах образования в нем внутреннего убеждения должен испытать на себе убеждение, которое производят на него, напр., показания свидетеля и объяснения сторон, принимая во внимание все индивидуальные особенности, все мельчайшие подробности дела»⁶⁵. Роль эмоционального фактора в формировании внутреннего убеждения как частично неподвластной самому познающему субъекту сферы сознания крайне велика, на что указывали и сами судьи, отвечая на вопрос о влиянии поведения подсудимого на формирование их внутреннего убеждения. Именно требование непосредственности и устности как составного элемента справедливого судебного разбирательства обеспечивает необходимость личного допроса подсудимых, потерпевших и свидетелей, гарантирует как подсудимому, так и потерпевшему возможность задавать вопросы друг другу и свидетелям; позволяет установить неясности и противоречия и, возможно, устранить их, а также определить, насколько личность каждого из участников процесса заслуживает доверия и, следовательно, решить вопрос о достоверности показаний.

Только когда эти условия – непосредственности и устности – соблюдены, можно говорить об обоснованности сформировавшегося внутреннего судейского убеждения. На это ориентирует и Верховный Суд РФ: в п. 2 Постановления Пленума от 29.04.1996 г. № 1 «О судебном приговоре» разъяснено, что приговор может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании. Если эти требования по каким-то причинам нарушены, решение, основанное на внутреннем убеждении судьи, может оказаться основанным на неполно изученных доказательствах, а потому подлежит отмене. Так, в Санкт-Петербургский городской суд не явился ни один из шести вызванных по делу потерпевших и свидетелей; не приняв мер к установлению причин их неявки, суд, в нарушение требо-

⁶⁵ Терновский Н.А. Указ. соч. С. 2–3.

ваний непосредственности и устности, огласил их показания⁶⁶. Непосредственно были исследованы только показания подсудимого. Аналогичной была ситуация при рассмотрении другого дела в суде Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области⁶⁷. Оба обвинительных приговора были отменены Судебной Коллегией Верховного Суда РФ.

Соблюдение требований непосредственности и устности не предусмотрено в случае постановления приговора при согласии с предъявленным обвинением (ч. 5 ст. 316 УПК). При производстве судебного разбирательства в особом порядке судьей, как правило, непосредственно исследуется признание вины, а также обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, смягчающие или отягчающими наказание⁶⁸. Отсутствие непосредственности (это требование, в силу ч. 1 ст. 240 УПК, не распространяется на случаи, предусмотренные разделом X УПК РФ) создает определенный риск неучета всей полноты обстоятельств дела, нивелируемый, однако, категорией преступлений, подпадающих под действие главы 40 УПК РФ, и достоинствами сокращенного судопроизводства, а также возможностью прекращения производства в особом порядке в связи с необходимостью исследования непосредственного исследования собранных по делу доказательств.

В целом, закрепленный в главе 40 УПК РФ особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, адекватно отражая мировые тенденции упрощения уголовно-процессуальной формы, не нарушает основополагающих начал уголовного судопроизводства, согласуется с теорией и традициями российского уголовного процесса, выступая как средство реализации права личности на разбира-

⁶⁶ Определение Судебной Коллегии Верховного Суда РФ от 15 января 1998 г. «Нарушение судом требований уголовно-процессуального закона, в том числе принципа непосредственности исследования доказательств, повлекло отмену приговора» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 9. С. 15–16.

⁶⁷ Определение Судебной Коллегии Верховного Суда РФ от 30 сентября 1997 г. «В силу ст. 301 УПК РСФСР приговор может быть основан лишь на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 6. С. 17.

⁶⁸ Пункты 10 и 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. 20 декабря.

тельство дела в разумный срок при соблюдении гарантированных законом прав и интересов как потерпевшего, так и обвиняемого.

Ратифицируя Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, РФ приняла на себя обязательства обеспечить справедливое судебное разбирательство. В силу ст. 15 Конституции РФ дополнения УПК РФ требованием справедливости, предъявляемым к судебному разбирательству, не требуется. Европейский Суд понимает справедливое судебное разбирательство только как соблюдение процессуальных норм. Это закономерно, ибо в противном случае ему пришлось бы вторгаться в суверенитет страны и проверять правильность формирования внутреннего судебного убеждения при оценке доказательств, т.е. стать «третьей» инстанцией. В то же время в рамках конкретной правовой системы справедливость должна рассматриваться не только как процесс, но и как результат: приговор, да и любое другое решение, тоже могут быть несправедливыми. Таким образом, при оценке доказательств суд использует специфический инструмент – внутреннее убеждение, позволяющее судье сочетать нормативные и нравственные (моральные) требования, благодаря чему становится возможной подлинно свободная оценка доказательств.

Глава III. Роль внутреннего судейского убеждения в правилах оценки доказательств

§ 1. Значение внутреннего судейского убеждения в процессе доказывания

Внутреннее судейское убеждение в процессе оценки доказательств представляет собой формирование собственного взгляда судьи на наличие у доказательств определенных законом свойств и на достаточность доказательств для определенного вывода по делу; внутреннее убеждение рассматривается как процесс и как результат оценки доказательств. Процесс формирования внутреннего убеждения основан на рациональном познании причинно-следственных связей, ценностном подходе к фактам объективной действительности, чувственном переживании результатов познания. Формирование внутреннего убеждения — это формирование знания об обстоятельствах преступления (или о его отсутствии), приобретаемого опосредствованным путем в процессе уголовно-процессуального доказывания и называемого потому выводным знанием.

Внутреннее убеждение как процесс оценки доказательств характеризуется следующими чертами. Во-первых, лица, оценивающие доказательства, должны руководствоваться своим убеждением, лично оценивать доказательства, а не исходить из той оценки, которую дали доказательствам другие органы и лица. Во-вторых, закон не устанавливает каких-либо формальных правил, влияющих на оценку; никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. В-третьих, оценка доказательств различными участниками процесса, в том числе и вышестоящими должностными лицами и органами, не обязательна для их последующей оценки следователем и судом.

В литературе внутреннее убеждение традиционно рассматривается как взаимодействие разума, чувств и воли: переход от незнания опосредствованным путем к знанию, вера в правильность этого знания и готовность действовать в соответствии с ним¹.

¹ Резник Г.М. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М.: Юрид. лит., 1977. С. 62–63; Теория доказательств... 1973. С. 480; Яцишина О.Е. Указ. соч. С. 53–69.

Процесс формирования внутреннего судейского убеждения – это путь накопления знаний об обстоятельствах дела путем исследования доказательств, тесно связанный с этапами производства в суде. Так, суд (судья) в судебных стадиях уголовного процесса в суде первой инстанции: изучает материалы уголовного дела с целью решения вопроса о назначении судебного заседания или предварительного слушания; участвует в исследовании собранных и получении новых доказательств; сопоставляет свою оценку с оценками, данными сторонами в прениях; принимает окончательное решение в совещательной комнате.

Оценка имеющихся в деле доказательств по внутреннему убеждению происходит на всех стадиях перечисленных этапов. При этом три первых этапа характеризуют внутреннее убеждение в *гносеологическом аспекте* как вероятностное знание, в *психологическом* – наличием сомнений. На последнем этапе речь идет уже о достоверности знания (*гносеологический аспект*) и вере в правильность этого знания и готовности действовать в соответствии с ним (*психологический аспект*). Что же касается сомнений, они в процессе познания неизбежны. Однако сомнения – это субъективная категория. Оно характеризует состояние исследователя в отношении каких-либо выводов и обуславливает более тщательную и детальную проверку тех положений, в которых исследователь сомневается. Сомнение никогда не возникает в сознании произвольно, всегда имея под собой определенные основания. Сомнение четко указывает на необходимость собрать новый материал, объясняющий или преодолевающий сомнения. И лишь в случае невозможности собрания и проверки доказательств, устраняющих сомнения, эти сомнения признаются неустраняемыми и влекут предусмотренные законом последствия.

В самом упрощенном виде внутреннее убеждение можно представить с позиций формальной логики. Действительно, исследователь располагает определенными посылками, с которыми в принципе позволяет работать аппарат формальной логики. Вот почему так велик соблазн формализовать процесс формирования внутреннего убеждения, как это иногда делается в литературе²

² См., напр.: Бушуев Г.И. Совещание судей при постановлении приговора / Отв. ред. М.А. Шапкин. М.: Юрид. лит., 1988; Старченко А.А. Указ. соч. С. 71, 164–165, 214–215.

либо построению условных и категорических силлогизмов. Безусловно, формальную логику нельзя недооценивать, но не следует и переоценивать в силу специфики доказательственного материала. Судебное доказывание значительно шире, сложнее формально-логического доказывания; оно не укладывается в рамки обычного силлогизма: большая посылка – правовая норма, а меньшая – преступление. Для принятия решения по делу суду необходимо изучить не только внешние признаки познаваемых явлений, но и проникнуть в их сущность, познать закономерности их функционирования и развития, характер взаимосвязи с другими явлениями. Формальная логика – это логика «статики»; диалектика же позволяет исследовать явления в процессе их движения – развития и изменения. Оценив свойства доказательств, установив факты, процесс их возникновения и изменения, связи между ними, суд приходит к выводам о наличии или отсутствии того или иного события.

Первым шагом к получению знания о совершенном преступлении является оценка доказательств, т.е. установление наличия у них предусмотренных законом свойств. Как мы показали выше, свобода оценки доказательств не означает ее произвольности: закон предписывает определенные правила такой оценки. Так, в соответствии со ст. 88 УПК РФ доказательства подлежат оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а их совокупность – с позиций достаточности. Таким образом, как справедливо подчеркивает П.А. Лупинская, «закон предоставляет определенную программу действий, которой обязаны подчиняться лица, оценивающие доказательства «по своему внутреннему убеждению», подвергает определенному регулируемому воздействию формирование субъективного вывода об оценке доказательств»³.

Вопрос о порядке оценки свойств в определенном смысле схоластичен: безусловно, последней оценивается достаточность совокупности относимых и допустимых доказательств, что не препятствует, при признании ее недостаточной, возвращаться к получению дополнительных доказательств и их оценке. Бессмысленно оценивать с точки зрения допустимости или достоверности неотносимое доказательство, как, впрочем, и недопустимое с позиций

³ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве... 2006. С. 118.

его относимости. Но все же особенности человеческого мышления таковы, что из всего множества окружающих нас событий, явлений и фактов необходимо сначала отобрать те, которые относятся к предмету исследования, и «отбросить» все остальные.

§ 2. Оценка относимости доказательств

В основе оценки доказательств как *относимых* лежат объективные связи между предметами и явлениями действительности: причинно-следственные, условные, пространственно-временные и другие⁴. Оценка относимости доказательств состоит в выявлении их связи с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, объясняемой, в частности, действием общей причины. Оценка относимости доказательства по внутреннему судейскому убеждению проводится путем сопоставления информации, содержащейся в этом доказательстве, с тем кругом обстоятельств, которые необходимо по данному делу установить. Относимость прямых доказательств в более очевидна, но и здесь возможна неоднозначная их оценка в разных обстоятельствах и при различных обвинениях. Гораздо сложнее вопрос об относимости косвенных доказательств: решение его выступает, как правило, в форме предположительного суждения о его возможной связи с подлежащими установлению обстоятельствами, при этом оценка доказательства как относимого может меняться в ходе исследования.

Так, в одном из судов рассматривалось следующее уголовное дело. Вместе с автомобилем, принадлежащим индивидуальному предпринимателю П., были похищены, в том числе, несколько находящихся в нем новых дубленок, недавно приобретенных у производителя и предназначенных для продажи. В ходе обыска похожая дубленка обнаружена в квартире жены подозреваемого, которая заявила, что дубленка принадлежит ей, они приобрели ее вместе с мужем. Первоначально, пока не установлена тождественность обнаруженной дубленки похищенной, она не является относимым доказательством, ибо не может подтвердить или опровергнуть ни одно из входящих в предмет доказывания обстоятельств. Затем дубленка уверенно опознается потерпевшей. Дуб-

⁴ См.: Хмыров А.А. Теория доказывания: общая часть. Краснодар, 2006. С. 35–68.

ленка становится относимым доказательством, но не свидетельствует о вине подозреваемого И. в хищении, поскольку могла быть приобретена им у других лиц. Дальнейшее исследование может привести к одной из следующих ситуаций: 1) будут получены новые доказательства причастности И. к хищению автомобиля, среди них займет место и факт обнаружения находившейся в автомобиле дубленки; 2) подтвердится непричастность И. к хищению автомобиля, а установление лица, у которого она приобретена И., позволит выявить лиц, совершивших хищение.

В данном случае в судебном заседании стороной защиты был приглашен свидетель Д., показавший, что наблюдал процесс приобретения дубленки И. и его женой во дворе дома у неизвестного цыгана. Однако в нарушение требований УПК показания свидетеля Д. в приговоре не упоминаются, оценка им не дана, дубленка же названа в числе доказательств, подтверждающих вину. Тем самым суд допустил одну из достаточно распространенных ошибок при установлении относимости доказательств: не установил однозначной связи доказательства с подлежащими доказыванию обстоятельствами.

Оценка каждого выявленного доказательства по внутреннему судейскому убеждению с точки зрения относимости включает, как минимум, следующие элементы:

- 1) идеализацию доказательства, т.е. мысленное конструирование объекта, прообраз которого имеется в реальном мире;
- 2) анализ доказательства — расчленение его содержания на составляющие с последующим синтезом для выявления факта, которое оно удостоверяет;
- 3) сопоставление достоверяемого доказательством факта с кругом обстоятельств, подлежащих установлению по данному делу, для выявления необходимой, обусловленной связи его с предметом доказывания.

Доказательства только тогда являются относимыми, когда находятся с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, хотя бы в одном из пяти соотношений.

Во-первых, позволяют *установить обстоятельства, непосредственно входящие в предмет доказывания*. По всем делам подлежит доказыванию, например, характер и размер причиненного преступлением вреда. Так, Х. осужден по п. «в» ч. 2 ст. 160

УК РФ (ряд эпизодов присвоения вверенного имущества). Отменяя приговор, вышестоящий суд указал на то, что не все относимые доказательства исследованы судом первой инстанции. В частности, районный суд не установил размер задолженности по заработной плате работников ГУП, возникшей вследствие преступных действий Х., не исследовал нарушение конституционного права работников ГУП на получение вознаграждения за труд⁵.

Во-вторых, дают возможность *установить так называемые «промежуточные факты», совокупность которых позволяет в конечном счете прийти к выводу о наличии или отсутствии обстоятельств, входящих в предмет доказывания.*

Так, Туменов, Казиев и Базиев обвинялись в изнасиловании З. В судебном заседании З. отказалась от ранее данных показаний и отрицала факт изнасилования. Судом был постановлен оправдательный приговор. Вместе с тем, суд ошибочно счел неотносимыми ряд доказательств, устанавливающих промежуточные факты: показания отца потерпевшей З. о том, что родственники Туменова постоянно приходили к ним в дом и склоняли их к тому, чтобы они выдали дочь замуж за Туменова, Казиева или Базиева; письмо матери Базиева, в котором она просила потерпевшую о том же; наконец, сведения о заключении брака с Туменовым. Данные доказательства устанавливают обстоятельства, не входящие непосредственно в предмет доказывания (промежуточные факты), однако в совокупности косвенно свидетельствуют о том, что событие преступления все же имело место⁶.

В-третьих, позволяют *установить факты, уже установленные другими доказательствами в целях усиления надежности и проверки системы доказательств определенной версии.* Так, по одному из уголовных дел в ходе предварительного расследования обвиняемый признал себя виновным в разбойном нападении и последующем умышленном убийстве двух лиц, а также умышленном уничтожении чужого имущества (поджоге). Однако это доказательство следствием обоснованно было продублировано: допро-

⁵ Архив Курского областного суда. Дело № 22-1514-2004.

⁶ См.: Определение Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 ноября 1992 г. «Оправдательный приговор отменен как вынесенный без всестороннего, полного исследования обстоятельств дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1993. № 8. С. 8.

шены представитель потерпевших, ряд свидетелей; проведены комиссионные судебно-медицинские экспертизы, пожаро-техническая экспертиза, осмотр места происшествия, не противоречащие признанию обвиняемого. Дублирование доказательств, хотя и создает риск чрезмерной совокупности, является гарантией сохранения ее устойчивости при исключении одного из доказательств.

В-четвертых, дают возможность *опровержения фактов, относящихся к другим версиям, исследуемым по делу*. В частности, должны признаваться доказательства, собранные в связи с различными версиями. Относимыми считаются и доказательства, устанавливающие отсутствие ряда фактов, которые должны были быть обнаружены при естественном ходе событий в соответствии с данной версией (негативные обстоятельства). Например, относимыми будут доказательства, собранные в ходе судебного заседания, которые убедительно опровергают версию подсудимого о применении к нему незаконных методов воздействия.

Наконец, в-пятых – позволяют *проверить полноту и достоверность собранных доказательств путем исследования условий их формирования, передачи и хранения*. Так, Аб. осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ за незаконное хранение оружия и боеприпасов. В надзорном порядке Президиуму Верховного Суда Республики Дагестан пришлось решать вопрос о наличии в действиях Аб. состава преступления: как видно было из протокола обыска, Аб. после соответствующего предложения сотрудника милиции А. добровольно выдал автомат, пистолет и патроны. Работник милиции А. в суде пояснил, что он ошибочно внес сведения о добровольной выдаче Аб. оружия и боеприпасов. Таким образом, потребовалось установление условий формирования доказательства: каков опыт работы А. в органах милиции, проводил ли он раньше обыски, знаком ли с примечанием к ст. 222 УК РФ. Установление этих фактов – обычно не относящихся к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по ст. 222 УК РФ, – позволило оценить достоверность протокола обыска и вынести надзорной инстанции постановление о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Правило относимости, сфор-

¹ См.: Постановление президиума Верховного суда Республики Дагестан от 23 августа 2001 г. «Лицо, добровольно выдавшее оружие по предложению работника милиции,

мулированное в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, считаем теоретически обоснованным и не нуждающимся в корректировке.

§ 3. Оценка допустимости доказательств

Вопросы допустимости неоднократно обсуждались в научной литературе и не случайно по-прежнему привлекают внимание ученых и практиков⁸. Оценка допустимости доказательства и исключение недопустимых доказательств из судебного разбирательства является одним из ключевых и наиболее сложных вопросов доказывания. Установление судом допустимости доказательства – это исследование доказательства с точки зрения способа получения и фиксации по установленным законом правилам.

Как указывает Е.А. Доля, «в ходе оценки как ступени, завершающей процесс познания по уголовному делу, исследуются только содержание доказательств, связи и соотношение между ними, устанавливаемые с их помощью обстоятельства дела... Смещение мыслительного процесса, организующего эмпирическое познание при собирании, проверке доказательств, и мыслительного процесса как ступени, соответствующей логическому уровню познания, имеющему место на заключительном этапе доказывания, ведет к тому, что определение допустимости доказательств включается в не в этап проверки, а в этап оценки. Допустимость доказательств устанавливается при их собирании и проверке»⁹.

С таким подходом сложно согласиться, поскольку проверка осуществляется на эмпирическом уровне познания, которому свойственны такие методы, как наблюдение, описание, измерение, эксперимент. Однако для установления допустимости дока-

проводившего обыск, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с применением к ст. 222 УК РФ» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 9. С. 12.

⁸ См.: Горбачев А.В. Признание доказательств недопустимыми в уголовном судопроизводстве: основания и процессуальный порядок. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 19–20; Китнис Н.М. Спорные вопросы теории и практики допустимости доказательств // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М.: Юристъ, 2000. С. 169–172; Практика применения УПК РФ... 2007. С. 188–190 и др.

⁹ Доля Е.А. Соотношение гносеологической и правовой сторон доказывания в российском уголовном процессе // Государство и право. 1994. № 10. С. 123.

зательства субъект должен иметь в сознании определенную идеальную модель доказательства данного вида, сформировавшуюся на основе знания субъекта о разрешенных законом способах получения доказательства, его фиксации.

Сравнивать имеющееся в деле доказательство с идеальной моделью невозможно, операцию можно проводить только с отражением доказательства в сознании субъекта, т.е. с другой моделью, основанной на реальном доказательстве, и полученной методом формализации. А это уже метод теоретического (рационального) познания, не свойственный проверке.

В ходе проверки допустимость доказательств не устанавливается, поскольку проверка направлена на установление источников доказательств и их сопоставление с имеющимися для выявления противоречивости или непротиворечивости; выработки направлений дальнейшего поиска доказательств и способов доказывания, способов дальнейшей оценки имеющихся доказательств.

Недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК РФ) являются сведения, полученные с нарушением УПК. Обсуждение и анализ судебной практики позволил Пленуму Верховного Суда РФ определить основные условия допустимости доказательств:

- ✓ получение доказательств надлежащим субъектом;
- ✓ получение их из надлежащего, указанного в законе источника (ч. 2 ст. 74 УПК);
- ✓ получение сведений путем надлежащих процессуальных действий, предусмотренных законом для этой цели;
- ✓ соблюдение установленного процессуальным законом порядка получения доказательств;
- ✓ надлежащее процессуальное оформление доказательства¹⁰.

Представляется, что текст ст. 75 УПК не нуждается в конкретизации: судебная практика постоянно изменяется, возникают новые ситуации и самые непредсказуемые ошибки при их разрешении. Поэтому норма о недопустимости и должна быть максимально общей; при необходимости Верховный Суд обратит вни-

¹⁰ См.: Пункт 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 2. С. 1.

мание судов на новые явления в практике и предложит единообразный порядок их разрешения.

Убеждение в допустимости или недопустимости доказательства формируется путем мысленного исследования доказательства со стороны источника и оформления при наличии жестких правовых критериев. Анализируя процесс формирования внутреннего убеждения, Г.М. Резник приходит к выводу о невозможности оценки в рамках внутреннего убеждения вопросов допустимости доказательств, поскольку допустимость – вопрос исключительно соответствия способов получения и оформления доказательств предписаниям закона¹¹.

Действительно, оценка допустимости проводится путем осуществления следующих мыслительных операций:

1) установление вида доказательства и извлечение из опыта субъекта идеальной модели способа его получения: субъект получения доказательства, способы, которыми оно может быть получено, порядок получения доказательства, его источник и процессуальное оформление;

2) с применением методов анализа, синтеза, аналогии судья производит:

– установление правомочности должностного лица, оформившего данное доказательство;

– выявление источника доказательств (откуда получено данное доказательство);

– установление способа получения доказательства (наличие такого способа в законе);

– установление соответствия процедуры получения доказательства требованиям УПК РФ (соответствие следственного или иного процессуального действия требованиям, предъявляемым к его проведению);

– установление надлежащего процессуального оформления доказательства (нет ли нарушений при его процессуальном оформлении).

Установление правомочности лица, производившего процессуально значимое действие, как правило, не вызывает сложностей ни в теории, ни в правоприменительной практике. Так, оце-

¹¹ Резник Г.М. Указ. соч. С. 19.

нивая с этих позиций допустимость собранных следствием доказательств, судье необходимо убедиться в отсутствии родственных связей лица, осуществляющего доказывание в досудебных стадиях, с кем-либо из участников.

Для выявления источника доказательств необходимо произвести его анализ, установив, из каких именно предметов и явлений объективного мира он черпает свое начало. Для решения вопроса о допустимости доказательства с точки зрения его источника необходимо оценить:

– определенность носителя информации (такая проблема возникла при оценке доказательства – поддельной справки о размере среднего заработка: ни следствие, ни суд точно не выяснили, кем именно и когда она была изготовлена; тем не менее, справка была положена в основу обвинительного приговора; по причине неопределенности сведений о носителе информации дело направлено на новое рассмотрение);

– указанный в уголовно-процессуальном законе особый правовой статус лица-носителя определенной законом информации (так, судом признан недопустимым допрос в качестве свидетеля адвоката об обстоятельствах дела, ставших ему известными в связи с выполнением обязанностей защитника¹²);

– социальный статус лица, выражающийся в близких родственных отношениях с подозреваемым, обвиняемым (судья постановил исключить из разбирательства дела в суде присяжных показания В. на том основании, что ей не разъяснялось право не свидетельствовать против мужа, более того, она была предупреждена об уголовной ответственности по ст.ст. 307–308 УК РФ¹³).

Установление способа получения доказательства и соответствия этого способа закону производится путем извлечения существенных характеристик процесса получения доказательства и сопоставления ему существующих в сознании судьи существенных характеристик одного из названных в законе способов.

¹² См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 30 мая 2001 г. «Адвокат обвиняемого, допрошенный по делу в качестве свидетеля, обоснованно отстранен от участия в деле» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2001. № 9. С. 11.

¹³ См.: Летопись суда присяжных (прецеденты и факты) // Российская юстиция. 1995. № 2. С. 6.

На практике этот процесс вызывает определенные сложности, связанные, прежде всего, с редакцией ст. 75 УПК. До сих пор нет единого мнения, можно ли признавать недопустимыми доказательства, полученные в результате осуществления ОРД. Так, сотрудник УБОП проводил опрос подозреваемого Х. с применением аудиозаписи на основании ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». В ходе беседы Х. подробно изложил, какие именно эпизоды были совершены, кто какую роль выполнял при их совершении. Аудиокассета выемкой получена у оперативного сотрудника, признана вещественным доказательством и приобщена к материалам дела, положена в основу обвинительного приговора¹⁴.

Позиция Верховного Суда по этому вопросу выражена в ряде постановлений и определений по конкретным делам и сводится к утверждению, что при оценке материалов, полученных при проведении оперативно-следственных мероприятий, суду надлежит руководствоваться не только УПК, но и положениями ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁵. Таким образом, при оценке доказательства как допустимого или недопустимого судьей необходимо обращаться не только к УПК РФ, но и к Закону «Об оперативно-розыскной деятельности», поскольку они содержат качественно разные требования, то, что допустимо с точки зрения Закона об ОРД, может противоречить УПК¹⁶. Факт необходимости обращения к иным законам, а не только к УПК, должен быть отражен в тексте ст. 75 УПК РФ.

¹⁴ Архив Промышленного районного суда г. Курска. Дело № 1-55-2004.

¹⁵ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2004 г. № 47-004-75 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 5. С. 23–24; Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 сентября 2003 г. № 411п2003 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2. С. 20–21; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ «Совершение лицом мошенничества с использованием своего служебного положения обоснованно квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 159 УК РФ» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 10. С. 18–19.

¹⁶ Вопрос об использовании в доказывании результатов ОРД лежит за пределами данного исследования, см.: Борзов В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46–48; Зажицкий В. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 45–47; Земскова А. Документирование результатов оперативно-розыскных мероприятий // Российская юстиция. 2001. № 7. С. 62–64; Лутинская П. Основания и порядок принятия решения о недопустимости доказательств // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 3.

Для оценки изложенных выше трех составляющих свойства допустимости доказательств закон действительно оставляет немало простора для внутреннего судейского убеждения, поскольку содержит достаточно четкие ориентиры законности либо незаконности деятельности и ее результата. Иначе происходит оценка в двух последних случаях.

Установление соответствия процедуры получения доказательства требованиям закона производится путем сопоставления основанной на законе и опыте судьи идеальной модели проведения того или иного следственного действия с идеализированной моделью реально проведенного. *Установление надлежащего процессуального оформления доказательства* осуществляется путем сопоставления основных реквизитов процессуальных актов, вводящих доказательство в уголовный процесс, с требуемыми законом.

Если полученное доказательство не соответствует одному из трех первых критериев, можно говорить, что процессуальной формы сведений просто не существует, а потому они не являются доказательствами. Если же нарушено одно из двух последних требований (порядок проведения следственных действий и процедура оформления доказательства), то процессуальная форма в принципе существует, хотя и с определенными нарушениями.

В тексте УПК ничего не сказано о характере нарушений закона при оценке недопустимости доказательств, и этот вопрос продолжает волновать многих практических работников. В. Зажицкому, например, «весьма продуктивным» представляется «мнение о правомерности учитывать характер допущенного нарушения формальных требований закона и оценивать его объективное влияние на достоверность доказательства»¹⁷.

Такой подход в теории уголовного процесса не является новым. Еще Я.О. Мотовиловкер, М.Л. Якуб и др. считали, что недопустимыми необходимо признавать только те доказательства, которые получены с *существенным* нарушением закона¹⁸.

¹⁷ Зажицкий В. Новые нормы доказательственного права и практика их применения // Российская юстиция. 2003. № 7. С. 45–47.

¹⁸ См.: Доказывание по уголовным делам / Под ред. В.Д. Арсеньева. Красноярск, 1986. С. 60–61; Якуб М.Л. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1974. № 6. С. 20.

Возражая сторонникам дифференцированного подхода к допустимости, В.М. Савицкий писал, что путь «классификации всех возможных нарушений на существенные и не очень... может косвенно благословить на так называемые незначительные нарушения закона, создать беспрецедентную иерархию обязательности процессуальных норм»¹⁹. Ни Конституция РФ, ни УПК не содержат термина «существенные нарушения», что дает возможность сделать вывод о недопустимости доказательств, полученных с любыми нарушениями.

Однако Верховный Суд в Постановлении Пленума от 5 марта 2004 г. обратил внимание нижестоящих судов на необходимость при решении вопроса о недопустимости доказательства «выяснить, в чем конкретно выразилось допущенное нарушение»²⁰, не допуская исключения доказательств по формальным основаниям.

Так, на заседании Пленума, принявшего указанное Постановление, приводился пример, когда в ходе предварительного слушания по делу было установлено, что протокол следственного действия отвечал требованиям ст. 166 УПК РФ, однако отсутствовала подпись одного из понятых. Было высказано мнение, что если отсутствие подписи понятого объясняется причинами, не связанными с проведением данного следственного действия и это лицо подтвердит в судебном заседании свое участие в следственном действии, правильность изложенных в протоколе сведений, то доказательство допустимо²¹.

Видимо, следует согласиться с Н.М. Кипнисом²² в том, что институт недопустимости введен в целях обеспечения достоверности собранных доказательств и соблюдения прав личности. В связи с отсутствием процессуальной формы при несоответствии

¹⁹ Савицкий В.М. Уголовный процесс России на новом витке демократизации // Государство и право. 1994. № 6. С. 106.

²⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 5. С. 2.

²¹ См.: Меркушов А.Е. Некоторые вопросы практики применения судами уголовно-процессуальных норм при осуществлении правосудия // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 8. С. 27.

²² См.: Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М.: Юрист, 1995. С. 78–80; Он же. Спорные вопросы теории и практики допустимости доказательств // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М.: Юрист, 2000. С. 169–172.

доказательства первым трем критериям допустимости (субъект получения, источник получения и способ получения), законодатель признает неустранимо недостоверными и полученными с нарушением прав личности. В случае несоответствия доказательства двум последним требованиям (нарушение процедуры и процессуального оформления) – за исключением ч. 2 ст. 75 УПК РФ ввиду важности нарушенных прав – судье необходимо установить, как сказались эти нарушения на достоверности и правах участников.

Данный подход воспринят практикой. Согласно правовой позиции Конституционного Суда «в случае выявления допущенных органами дознания или предварительного следствия процессуальных нарушений суд вправе, самостоятельно и независимо осуществляя правосудие, принимать в соответствии с уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав участников уголовного судопроизводства и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу»²³.

То есть, сегодня речь фактически идет не о делении нарушений на существенные и несущественные, а восполнимости или невосполнимости в судебном заседании допущенных при получении доказательства нарушений с соблюдением прав участников. В случае если допущенные нарушения устранены в ходе судебного заседания, УПК позволяет восстановить доказательства, ранее признанные не имеющими юридической силы (ч. 7 ст. 235 УПК РФ). Это позволяет указать на то, что в оценке допустимости доказательств определенную роль играет внутреннее убеждение – когда возникает необходимость оценить возможность устранения в ходе судебного заседания допущенных ранее нарушений при собирании и представлении доказательств.

Таким образом, оценка по внутреннему убеждению входит в решение вопроса о допустимости в той части, в которой нарушения процедуры получения доказательства исследуются и оцени-

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

ваются с точки зрения их воздействия на права и законные интересы лиц; внутреннее убеждение здесь также необходимо рассматривать как убежденность (уверенность) судьи в возможности восполнения недопустимого доказательства.

§ 4. Оценка достоверности доказательств

Интерес к вопросу *достоверности* доказательств стал проявляться в России в связи с Судебной реформой 1864 года, законодательно закрепившей свободную оценку доказательств по внутреннему убеждению. Так, Л.Е. Владимиров понимает под достоверностью «такое стечение вероятностей, вытекающих из представленных на суде доказательств, которое способно привести судью к внутреннему убеждению в том, что прошлое событие, составляющее предмет исследования, имело место в действительности»²⁴. На аналогичных позициях стоял А.Ф. Кони, утверждавший, что «достоверность вырабатывается из правдоподобности»²⁵. В то время определение достоверности через вероятность было весьма распространено.

Вместе с тем, достоверность – не более высокая степень вероятности, а строго однозначная категория, не допускающая степеней, «разница между вероятностью и достоверностью не количественная, а качественная»²⁶. Вероятность представляет собой характеристику обоснованного, но не доказанного знания, в то время как достоверность подразумевает еще и доказанность. В советской и российской научной литературе существует несколько подходов к определению понятия «достоверность»²⁷.

В целом, можно согласиться с пониманием достоверности как обоснованного знания, не вызывающего сомнений (достойного веры) и не противоречащего объективной реальности. Вместе с тем необходимо отграничить достоверность как свойство доказа-

²⁴ Владимиров Л.Е. Указ. соч. С. 1.

²⁵ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А.Ф. Избранные труды и речи / Сост. И.В. Поталчук. Тула: Автограф, 2000. С. 84.

²⁶ Строгович М.С. Курс... 1968. С. 328–329.

²⁷ См.: Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Волгоград, 1988. С. 47; Копьева А.И. Об элементах уголовно-процессуальной деятельности // Теория и практика установления истины в правоприменительной деятельности: Сб. научных трудов. Иркутск, 1985. С. 35; Строгович М.С. Курс... 1968. С. 256 и др.

тельности и достоверность как характеристику выводов по уголовному делу. Достоверность как свойство доказательства — это способность содержания доказательства соответствовать установленным фактическим обстоятельствам дела. Достоверность вывода — выводное знание о факте (преступлении), которое содержит в себе достаточность доказательств (совокупность доказательств, а именно определенную совокупность допустимых, относимых, достоверных сведений об обстоятельствах дела).

Механизм оценки достоверности доказательства судьей представляет собой ряд мыслительных операций, нередко сопровождаемых процессуальными действиями, и может быть представлен следующим образом.

1. Производится идеализация доказательства, его анализ с целью *установления источника, из которого получены сведения*. Механизм здесь точно такой же, как и при установлении источника для оценки допустимости доказательства. Недостатки доказательства, связанные с его источником, влекут признание доказательства недопустимым.

2. *Изучается содержание сведений*: внутренняя последовательность и непротиворечивость, наличие неточностей, пробелов и т.д.; на основании анализа доказательства выделяются существенные элементы, образующие его содержание. Для оценки содержания сведений важнейшую роль играет требование непосредственности и устности (ст. 240 УПК). Судья, имеющий возможность непосредственно воспринимать показания, может прийти к выводу об их достоверности или недостоверности на основании поведения свидетеля, потерпевшего, подсудимого и др., на основании сведений о личности, ее профессионализме, условиях, в которых формировалось то или иное доказательство. Например, для оценки заключения эксперта необходим учет его квалификации, а также сведений о том, какие именно материалы и объекты исследования ему предоставлены, достаточно ли их для составления заключения²⁸.

Формирование внутреннего судейского убеждения относительно достоверности того или иного доказательства основывается

²⁸ См.: Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М., 1995. С. 16.

ся на жизненном и профессиональном опыте судьи, его здравом смысле, определенных общеупотребимых предположениях²⁹. Так, в одном из судебных заседаний свидетель показала, что в день совершения преступления все время находилась вместе с подсудимым. Усомнившись в способности свидетельницы вспомнить с такой достоверностью самый обычный день, имевший место полгода назад, судья уточнил у свидетеля, что она делала в день, предшествующий преступлению, встречалась ли с подсудимым; сколько раз она встречалась с ним после дня совершения преступления. На эти вопросы свидетель ответить не смогла, и суд обоснованно подверг ее показания сомнению. Вместе с тем, свойство достоверности для доказательства не является необходимым: утрата сведениями свойства достоверности не означает утраты ими доказательственного значения. Недопустимые, равно как и неотносимые доказательства не подлежат более оценке, не могут быть положены в основу приговора; недостоверные доказательства в приговоре все равно указываются – вместе с причинами, по которым суд не счел возможным им доверять.

3. Судья сопоставляет полученную информацию с информацией, полученной из других доказательств, или, говоря словами П.А. Лупинской, «вывод о достоверности или недостоверности конкретного доказательства достигается путем сопоставления его с другими доказательствами по делу»³⁰.

В научной литературе справедливо отмечается, что «в судебном доказывании, как известно, всякое знание обычно выступает на первых порах как вероятное, проблематичное»³¹. Накопление доказательств продолжается до тех пор, пока вероятность не повышается до высокой степени. Однако, как верно отмечает И.Я. Фойницкий, простое «нарастание догадок и предположений ничего не прибавляет, и вместо убеждения остается лишь догадка»³².

²⁹ См.: Белкин А.Р. Указ. соч. С. 392–397; Федотов А.В. Использование оценочных презумпций в процессе доказывания // Журнал российского права. 2002. № 5. С. 87–96.

³⁰ Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе // Российская юстиция. 2002. № 7. С. 7.

³¹ Орлов Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании: Дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 61.

³² Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. СПб.: Альфа, 1996. Т. I. С. 243.

Вероятность переходит в достоверность благодаря накоплению не просто доказательств, а доказательств взаимосвязанных, подтверждающих, по возможности, разные проявления исследуемого факта. И в определенный момент эта «несчитанная» вероятность, которая не подвергается формализации, для судьи становится убедительной, достойной веры, достоверной.

Говорить о достоверности доказательства можно только тогда, когда его содержание позволяет присоединять все новые и новые доказательства и суждения, причем наша уверенность в достоверности доказываемого тезиса с каждой ступенью все более и более крепнет, первоначальная его проблематичность переходит в высокую степень вероятности, и, наконец, в достоверность — содержательную, а не формальную, как в двузначной логике³³.

Так, обвиняемый в нарушении правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности причинение смерти двум лицам, Гурьев ни на предварительном следствии, ни в суде виновным себя не признал. Существенные элементы его показаний: 1) управляемый им «Урал» двигался по главной дороге, следовательно, пропускать на перекрестке выезжающих со второстепенной он по Правилам дорожного движения не обязан; 2) предотвратить столкновение путем торможения было невозможно, поскольку мотороллер потерпевшего врезался в среднюю часть «Урала».

Оценивая достоверность таких показаний Гурьева, необходимо обратиться к протоколу осмотра места происшествия. Из него видно, что ДТП произошло на перекрестке асфальтированной и грунтовой дорог, при отсутствии других знаков это говорит о приоритете автомобилей, двигающихся по асфальтированной дороге.

Иных знаков не было, автомобиль Гурьева двигался по асфальтированной дороге. Как видно из протокола осмотра автомобиля, на среднем колесе автокрана имеется краска оранжевого цвета от мотороллера. Свидетель К. — следователь, выезжавший на место происшествия, также показал, что в данной ситуации водитель мотороллера И. должен был уступить дорогу автокрану «Урал», управляемому Гурьевым по главной дороге. При таких обстоятельствах показания Гурьева можно считать достоверными. То, что эти доказательства не были надлежащим образом

³³ Подробнее см.: Резник Г.М. Указ. соч. С. 68–75.

оценены судом первой инстанции при постановлении приговора, повлекло его отмену³⁴.

Итак, по внутреннему убеждению с точки зрения достоверности оцениваются источники сведений, их свойства (заинтересованность или незаинтересованность свидетеля, состояние его слуха или зрения, квалификация эксперта и т.п.); оцениваются способ и обстоятельства получения источником этой информации. Вывод о достоверности или недостоверности конкретного доказательства достигается путем сопоставления его с другими доказательствами по делу, поэтому только оценка доказательств в их совокупности может привести к правильному выводу.

§ 5. Оценка достаточности совокупности доказательств

Закон не раскрывает понятия *достаточности*, хотя во многих случаях требует от судьи, прокурора, следователя, дознавателя установления достаточных доказательств, достаточных данных или достаточных оснований (ст.ст. 11, 88, 97, 115, 140, 154, 171, 182, 184–186, 215, 348 УПК РФ). Достаточность доказательств определяется двумя показателями: во-первых, тем, дают ли они в своей совокупности возможность установить те фактические обстоятельства дела, которые для данного решения необходимы, составляют его фактическое основание; во-вторых, тем, дают ли они возможность для вывода об этих фактических основаниях на том уровне знания о них, который предусмотрен законом.

УПК различает достаточность совокупности доказательств или сведений в зависимости от вида принимаемого решения и стадии, на которой оно принимается. Так, применительно к решению вопроса об избрании меры пресечения в виде залога, заключения под стражу или домашнего ареста судья оценивает достаточность сведений для *предположения* о том, что подозреваемый (обвиняемый) совершит одно или несколько действий, предусмотренных ст. 97 УПК. Достаточность доказательств для

³⁴ Определение Судебной Коллегии Верховного Суда РФ от 14 октября 1997 г. «Приговор в отношении лиц, признанных виновными в нарушении правил безопасности движения, отменен ввиду несоблюдения органами предварительного следствия и судом ст. 20 УПК РСФСР» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 4. С. 12.

итогового решения по уголовному делу, таким образом, оценивается в зависимости от того: а) приводят ли они к убеждению в доказанности фактических обстоятельств на уровне достоверного знания, т.е. это соответствие собранных доказательств пределам доказывания, т.е. такой совокупности собранных доказательств, которая приводит к убеждению в реальном существовании фактов и обстоятельств, образующих предмет доказывания; б) способна ли их совокупность опровергнуть презумпцию невиновности обвиняемого (подсудимого). Гносеологическая природа знаний, получаемых на основании достаточных доказательств в зависимости от содержания принимаемого решения, подробно раскрыта в работе П.А. Лупинской³⁵.

Ситуации, когда закон прямо предписывает, какой именно минимум доказательств необходим для установления тех или иных фактов (например, для установления причин смерти – ст. 196 УПК) – скорее, исключение, чем правило. А. Пиюк верно отмечает, что «проверка и оценка... доказательств – субъективная деятельность. Тех доказательств, что вполне достаточно для одного состава суда, может оказаться мало для другого...»³⁶. В литературе предлагались жесткие критерии достаточности, в том числе и количественные³⁷, не приемлемые в практической деятельности. В каждом случае оценки доказательств субъекты имеют дело не с массой однородных явлений, а с уникальным, неповторимым в своем роде событием, конкретные признаки которого, отразившись в доказательствах, также образуют индивидуальный комплекс, уникальный для каждого дела и для каждого суда.

Вопрос определения достаточности совокупности собранных доказательств вызывает в практике наибольшие затруднения. За 2004 – первую половину 2005 года отдельно взятым судом – Курским областным судом Курской области – более 8 % всех пересмотренных в кассационном порядке приговоров отменено в связи с тем, что судом первой инстанции не учтены обстоятельства,

³⁵ См.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве... 2006. С. 106–111.

³⁶ Пиюк А. «Истина» или «доказанная достоверность» // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 43.

³⁷ См.: Селиванов Н.А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств. М., 1974. С. 96–119; Хмыров А.А. Основы теории доказывания. Краснодар, 1981. С. 86–90.

которые могли существенно повлиять на выводы суда, или не установлены обстоятельства, входящие в предмет доказывания, иначе говоря, совокупность обосновывающих приговор доказательств не обладала свойством достаточности.

Эти цифры не могут служить основанием для глобальных выводов, однако позволяют говорить о существовании определенных общих закономерностей, критериев, условий достаточности совокупности доказательств. Как показывает анализ практики, к числу таких условий можно отнести нижеследующие.

Во-первых, *необходимая для данного состава конкретизация обстоятельств, входящих в предмет доказывания*. Так, отменен приговор Иркутского областного суда в отношении Кузьминых, осужденного за изнасилование малолетних Б. и К. В приговоре суд первой инстанции признал Кузьминых виновным в изнасиловании Б. летом 1994 года во время отдыха на берегу озера Байкал. Однако такого рода формулировка не позволяет сделать вывод, изнасилована ли она в период до достижения 14 лет, поскольку ее день рождения приходится на летний период³⁸.

Во-вторых, *оценка всех доказательств, отражающих обстоятельства, входящие в предмет доказывания*. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда отменила оправдательный приговор по делу П., Ш., Л и Пр. в связи с тем, что приговор суда первой инстанции «не содержит никаких выводов относительного того, вправе ли члены бригады хирургов МК ЦОД проводить какие-либо манипуляции с потенциальным донором до констатации биологической смерти, а если вправе, то в каком объеме и на основании какого нормативного акта»³⁹.

Наконец, в-третьих, *невозможность иного вывода из совокупности имеющихся доказательств*. Так, судом установлено, что смерть потерпевшего наступила не позднее 5 час. 20 мин. В подтверждение выводов о виновности Кидярова суд сослался на заключение судебно-медицинского эксперта А., согласно которому

³⁸ См.: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 1997 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 11. С. 18.

³⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 марта 2006 г. № 5-О06-11 // [Документ получен из СПС «Гарант» (Гарант-Максимум) по состоянию на 19.03.2007 г.]

телесные повреждения образовались в период не более 1 часа до наступления смерти. Однако данный вывод противоречит другому доказательству – заключению судебно-медицинского эксперта З. о том, что давность причинения повреждений находится в пределах 3–4 часов до момента наступления смерти. Из такой совокупности не следует однозначного вывода о причинении повреждений Кидяровым, избившим потерпевшего за два часа до наступления смерти. Указанные телесные повреждения могли быть причинены потерпевшему в другой временной промежуток и, возможно, другим лицом⁴⁰.

Таким образом, как в процессе доказывания вырабатывается собственный взгляд судьи на свойства доказательств, т.е. по законам общелогического и рационального познания формируется его внутреннее убеждение. Оценка по внутреннему убеждению относимости доказательства предполагает исследование двух взаимосвязанных моментов: входил ли факт, для установления которого используется данное доказательство, в предмет доказывания; способно ли доказательство этот факт установить.

Допустимость доказательств отражает их формальную сторону, что дает некоторым авторам (Г.М. Резник, Е.А. Доля) основания утверждать, что допустимость не оценивается по внутреннему убеждению. Это, однако, не совсем так. Получение доказательства уполномоченным на то законом лицом и предусмотренным законом способом действительно оцениваются судом на основании знания закона и убежденности в следовании ему. Однако в той части, в которой нарушения процедуры получения доказательства исследуются с точки зрения их воздействия на права и законные интересы лиц и возможности восполнения нарушения, значима роль внутреннего судейского убеждения.

С точки зрения *достоверности* по внутреннему убеждению оцениваются: источники сведений и свойства этих источников; способ и обстоятельства получения источником этой информации; наличие противоречий с другими доказательствами. Для оценки по своему внутреннему убеждению *достаточности* до-

⁴⁰ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2000 г. «Приговор суда отменен в связи с неполнотой судебного разбирательства» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 6. С. 11–13.

казательств судья изначально должен четко установить конкретность предмета доказывания, удостовериться в том, что все входящие в предмет доказывания обстоятельства подтверждаются собранными доказательствами, из собранных доказательств возможен только один достоверный вывод.

В ходе оценки доказательств и установления фактических обстоятельств дела на внутреннее убеждение судьи может воздействовать целый комплекс явлений, облегчающий или затрудняющий его работу, способствующий верному или искаженному отражению фактов в его сознании.

Глава IV. Факторы, влияющие на внутреннее судебское убеждение

§ 1. Внешние (объективные) факторы, воздействующие на внутреннее судебское убеждение

Внутреннее убеждение не формируется только путем последовательного применения методов формально-логического и диалектического познания: как и на любую мыслительную деятельность, на него существенное влияние оказывает целый ряд факторов, как внутренних (субъективных), так и внешних (объективных). Рассмотрим некоторые из них более подробно (см. Приложение).

1. *Уголовно-процессуальное законодательство.* Правовое регулирование в формировании внутреннего судебного убеждения достигается, в частности, установлением структуры и полномочий суда, указанием принципов, целей и назначения всей его деятельности. Знание судьями нормативных предписаний и убеждение в следовании им воздействуют на формирование внутреннего судебного убеждения. В целом, можно сказать, что установки государства, выраженные в нормативных предписаниях, определяют цель, основу, пределы формирования внутреннего убеждения в уголовном процессе и формы его выражения в решениях.

Вопрос о *цели* уголовно-процессуального доказывания лежит за пределами данного исследования и достаточно глубоко изучен в научной литературе. В рамках настоящего исследования необходимо уделить внимание некоторым аспектам проблемы цели доказывания, ибо, как подчеркивал М.А. Чельцов-Бебутов, «от решения этого вопроса зависят не только формы судопроизводства, но и организация судов, а также способы собирания и рассмотрения доказательств»¹. И хотя, как верно отмечает Ю.К. Орлов, «уголовный процесс не сводится целиком к доказыванию»², цель доказывания неразрывно связана с назначением всего уголовного судопроизводства.

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. С. 750.

² Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе... С. 5.

производства; от нее зависит и организация суда, и разделение процессуальных функций, и правила оценки доказательств.

Как показывает проведенное нами исследование³, у судей нет единого мнения по поводу того, для чего они оценивают доказательства, что именно выражает их убеждение, какая цель считается достигнутой, если их убеждение сформировалось в результате соблюдения установленных законом правил. Голоса судей разделились: 48,5 % опрошенных считают целью доказывания установление истины, 47,6 % – установление доказанной достоверности (остальные 3,9 % дали свой вариант ответа: установление виновности лица и события преступления или установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания – по 1,0 %).

Четкой корреляции стажу опрошенных не выявлено, однако среди судей с максимальным стажем работы (более 20 лет) втрое больше опрошенных считают целью доказывания истину (75 % против 25 %). Это во многом объясняется тем, что значительная часть судейского корпуса сформировалась в период действия УПК РСФСР, содержавшего указание на обязательное установление истины по каждому уголовному делу. И.Б. Михайловская рассматривает две основных концепции уголовного судопроизводства. В основе УПК РСФСР лежала концепция, обозначаемая как «контроль над преступностью»⁴ и усматривающая цель всего уголовного процесса в привлечении к ответственности каждого, кто совершил преступление, для чего требовалось установление истины.

В основу УПК РФ положена другая концепция уголовного судопроизводства – концепция «должной правовой процедуры», подразумевающая соблюдение формы, прав и законных интересов участников процесса⁵; вопрос об истине отходит на второй план. В УПК РФ на пути познания суд встречает многочисленные специально созданные препятствия: принцип состязательности; отсутствие принципа полноты, всесторонности и объективности; право обвиняемого на молчание (п. 3 ч. 4 ст. 47), право не свидетельствовать против себя и родственников и др. Означает ли это, что истина в принципе не познаваема, к ней не надо стремиться?

³ Опрошено 103 судьи районных судов и областного суда Курской области.

⁴ См.: Михайловская И.Б. Настольная книга... 2006. С. 9–10, 16.

⁵ Там же. С. 9, 11–15.

В науке под истиной, как правило, понимается соответствие знаний действительности. Однако легче указать на необходимость установления истины по уголовным делам, чем объяснить, должна ли истина в уголовном процессе отражать все факты, имеющие место в объективной действительности, или она содержит только те сведения, которые облечены в процессуальную форму? На этой основе в советской литературе возникло два основных подхода — о формальном (юридическом) и материальном характере истины⁶.

Как подчеркивал еще Н.Н. Розин, стремление суда к истине встречает преграды, а потому необходимо заменить принцип истины, «приближаясь к характеру состязательного процесса, принципом доказанности обвинения»⁷. Полагаем, что суд, равно как и другие оценивающие доказательства субъекты, должен стремиться к установлению истины, — иначе любую судебную ошибку можно оправдать — учитывая при этом требования закона, нравственности, справедливости, уважая права человека, т.е. полностью в соответствии с концепцией «должной правовой процедуры». Стремление к установлению истины не означает установления ее любой ценой. Назначение уголовного судопроизводства достигается при достоверном установлении необходимых для принятия решения обстоятельств; при этом достоверность нами рассматривается как знание о факте (преступлении), которое содержит в себе достаточность доказательств (совокупность доказательств, а именно определенную совокупность допустимых, относимых, достоверных сведений о фактах). Такую совокупность доказательств в науке и называют формальной (юридической) истиной.

Анализ деятельности судейского корпуса показывает ориентированность судей на установление истины и помимо процессуальной формы, что сказывается на внутреннем убеждении судей. В частности, столкнувшись с ситуацией, когда в материалах дела имеются доказательства, свидетельствующие о виновности под-

⁶ Следует отметить и точку зрения Ю.К. Орлова, рассматривающего, помимо прямого, «конвенциональную истину», т.е. знания, признаваемые истинными по соглашению, например, невиновность лица при наличии неустраняемых сомнений в его виновности — Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе... С. 8-9.

⁷ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916. С. 345.

судимого, но полученные с нарушением уголовно-процессуального закона, судьи далеко не всегда признают их недопустимыми и не исключают эти доказательства из оснований формирования своего внутреннего убеждения. Так, 9,7 % опрошенных нами судей честно признали, что их убеждение в виновности лица при условии недостаточности доказательств формировалось и на недопустимых доказательствах, а еще 8,7 % судей приходили к такому убеждению на основании процессуально не закреплённой информации. При этом 93,3 % всех судей, давших такие ответы, указали, что никогда не принимали решение, не соответствующее их внутреннему убеждению, т.е. признают, что их убеждение основывалось и на недопустимых доказательствах, т.е. формировалось вопреки требованиям закона.

Чем объяснить такое убеждение судей? Видимо, осознанием себя в качестве государственного органа, склонного верить другому государственному органу – прокуратуре; неспособностью фактически исходить из презумпции невиновности. Преодолеть эти негативные явления способны наука и образование, закладывающие основы истинных знаний и умений, которые, по меткому выражению П.А. Лупинской, «обеспечивают путь к законным, обоснованным, справедливым решениям»⁸.

На формировании внутреннего судейского убеждения при судебном рассмотрении дела сказывается и тот факт, что по УПК РФ на суд возложены достаточно обширные полномочия в досудебном производстве. Только на основании судебного решения в досудебном производстве возможно избрание отдельных мер пресечения: залога, заключения под стражу, домашнего ареста и продление срока их применения (ст. 29 УПК РФ). Пленум Верховного Суда подчеркивает недопустимость обсуждения в ходе оценки достаточных оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему деянии⁹; иное означало бы нарушение принципа презумпции невиновности.

⁸ Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве... 2006. С. 103.

⁹ См.: Пункт 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 5.

При проведении анкетирования мы умышленно сформулировали вопрос так, чтобы он не напоминал судьям ни о правовой позиции Конституционного Суда РФ о недопустимости в досудебных стадиях предрешать вопросы, которые станут впоследствии предметом судебного разбирательства¹⁰, ни об указаниях Пленума Верховного Суда РФ по этому вопросу.

Мы спрашивали судей, имеет ли значение презумпция невиновности при решении в досудебных стадиях вопроса о разрешении производства отдельных следственных действий или избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (домашнего ареста). В случае, если суд действительно не входит в обсуждение вопроса о доказанности виновности, ответ на поставленный нами вопрос должен быть отрицательным. 43,7 % опрошенных ответили положительно, давая при этом комментарии: «недопустимо заключать под стражу не причастных лиц», «прокурор должен доказать и участие лица в совершении преступления, иначе все эти меры применяются незаконно», «этот вопрос бесспорен применительно к мерам пресечения, но неоднозначен при разрешении производства следственных действий» и др.

Участие судьи в досудебном производстве по уголовному делу не является основанием его отвода в дальнейшем. В результате в ходе оценки доказательств на стадии судебного разбирательства появляется дополнительный фактор воздействия на формирование внутреннего убеждения, нередко порождающего несправедливое предубеждение: судье непросто признать, что он ошибся, избирая меру пресечения, и постановить оправдательный приговор.

Возложение полномочий по судебному контролю за досудебным производством на тех же судей, которые впоследствии рассматривают дело по существу, как известно, было вынужденной мерой (недостаточное количество судей на момент принятия УПК РФ); эта проблема требует дальнейшего изучения, осмысления и, видимо, изменения текста действующего закона с тем,

¹⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырещкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Монокор» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1749.

чтобы исключить решение вопросов досудебного и судебного производства одним и тем же судьей.

Еще одним фактором, влияющим на формирование внутреннего судейского убеждения, является изучение уголовного дела в стадии назначения судебного заседания. Как показал проведенный нами опрос, 96,2 % судей изучают дело, поступившее к ним от прокурора в полном объеме (лишь 2,9 % опрошенных указали, что знакомятся только с обвинительным заключением и теми доказательствами, к которым оно отсылает — это судьи со стажем работы 15–20 лет).

Знакомство с письменными материалами дела неизбежно формирует мнение о доказанности фактических обстоятельств дела, влияя на последующее решение вопроса о виновности: 53,4 % опрошенных судей на вопрос о том, формируется ли у них убеждение в виновности или невиновности лица на стадии назначения судебного заседания, ответили положительно. Отрицательный ответ на этот вопрос дали 39,8 % опрошенных; число их уменьшается с увеличением стажа судьи: от 50 % впервые назначенных судей до 0 % среди судей с максимальным стажем.

Любопытно, что с увеличением стажа судейской работы судьям все сложнее ответить на этот вопрос. Затруднились ответить: среди впервые назначенных судей — 0 %, среди судей со стажем от 4 до 9 лет — 2,9 %; со стажем 10–15 лет — 9,5 %, со стажем 16–20 — 11,1 %; со стажем более 20 лет — 50 % всех опрошенных судей с таким стажем. Это можно объяснить тем, что с увеличением опыта работы снижается уровень саморефлексии — способности судей к самооценке, к собственному представлению о том, влияет ли на них изучение дела и проведение предварительного слушания, появляется стереотип доверия к материалам следствия.

Ниже мы вернемся к формированию внутреннего судейского убеждения на стадии назначения судебного заседания; однако как бы ни реформировалась эта стадия, при ознакомлении судьи с материалами дела у него неизбежно формируется вывод о наличии в деле достаточной совокупности относимых, допустимых и достоверных доказательств. Но основная задача судьи на данной стадии состоит не в этом, а в ответе на вопрос о достаточности собранных доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании. Ни теория, ни практика сегодня не могут дать однознач-

ного ответа, каким образом отграничить оценку достаточности собранных доказательств для рассмотрения дела по существу от оценки собственно доказательств. Возможно, следует вернуться к обсуждению вопроса о возложении назначения дела и его рассмотрения на разных судей.

Еще один вопрос возник в связи с возможностью рассмотрения в первой инстанции дел коллегией из трех профессиональных судей (п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ). Коллегия из трех профессиональных судей по сути своей является малой группой, в которой велика вероятность принятия решения одним — лидером, с последующим воздействием этого лидера на других членов группы для поддержки принятого им решения, т.е. решение может фактически приниматься «активным меньшинством» и сама сущность коллегиальности утрачивается. Фактор коллегиальности особенно ярко проявляется, когда судьи, удалившись в совещательную комнату, обсуждают обстоятельства дела, основываясь на сформировавшемся у каждого из них внутреннем убеждении, и приходят к общим выводам. В этом смысле внутреннее убеждение каждого из судей становится фактором, воздействующим на формирование убеждения его коллег, а итоговые выводы отражают не только результаты оценки доказательств конкретным судьей, но и определенную оценку ими самого процесса поиска общего решения. Однако к общим выводам коллегия приходит не всегда: воздействующие на внутреннее убеждение факторы у каждого судьи проявляются по-разному.

В коллегиальном рассмотрении участвовали 38,8 % опрошенных нами судей (преимущественно это судьи областного суда). Им мы предложили назвать вопросы, по которым они не были согласны с остальными судьями при коллегиальном принятии решения. Чаще всего разногласия возникают по вопросу о доказанности обстоятельств дела — 18,4 % опрошенных; затем — по вопросу о виновности подсудимого и о мере наказания — по 17,5 %. Только 8,7 % опрошенных никогда не имели разногласий с коллегами.

Однако на вопрос, как они поступали в случае несогласия с мнением других судей при коллегиальном рассмотрении дела, 16,5 % опрошенных (или 54,8 % судей, не согласных с решением остальных судей в коллегии) изменяли свое мнение и соглаша-

лись с большинством: из уважения к судьям, придерживающимся другого мнения (8,7 %) и из уважения к председательствующему в коллегии (7,8 %). Таким образом, имея сформировавшееся внутреннее убеждение, судьи не смогли «отстоять» его, не были готовы действовать в соответствии с ним, а потому присоединились к мнению большинства или разделяли подход председательствующего. 10,7 % опрошенных судей (35,5 % судей, не согласных с решением остальных судей в коллегии) отметили вариант «оставались при своем мнении». Однако только 1,9 % опрошенных (двое судей с максимальным стажем работы) ответили, что им «доводилось писать особое мнение». Такой результат, в целом, свидетельствует о том, что судьи, как правило, принимают вывод, даже не будучи с ним согласны и убеждены в его правильности, полагаясь на мнение большинства.

Коллегиальное рассмотрение дел по первой инстанции в составе трех профессиональных судей мало распространено: в целом по России в 2006 году судами областного звена было рассмотрено коллегиально 123 дела (в 2005 г. – 152), районными судами – 885 (в 2005 г. – 947)¹¹. Несмотря на отмеченные недостатки, у коллегиальных решений есть несомненное достоинство: здесь ниже риск немотивированности, поскольку до отражения своего убеждения в решении судьи совещаются, подбирая наиболее удачные формулировки в ходе живого и непосредственного общения, что невозможно при единоличном рассмотрении.

2. *Судебная практика.* Под судебной практикой обычно понимаются постановления и определения Конституционного Суда, постановления Пленумов Верховного Суда, обзоры практики и определения (постановления) по конкретным делам. Для нашей работы существенно то, что практика, даже в той части, в которой она официально не является обязательной к применению (например, решения вышестоящих судов по конкретным делам), неизбежно воздействует на деятельность судей, а следовательно, и на их внутреннее убеждение.

Заслуживают внимания ответы наших респондентов. Говоря о ситуациях, когда решение ими принималось вопреки сформиро-

¹¹ Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 году // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 58, 60.

вавшемуся внутреннему убеждению, 28,2 % респондентов причиной назвали сложившуюся судебную практику принятия другими судами решений в подобных ситуациях. Так, в 11 % исследованных нами уголовных дел в качестве одного из доказательств стороной обвинения предлагалась аудио- или видеозапись опросов подозреваемых (обвиняемых), сделанная без их ведома в рамках осуществления оперативно-розыскных мероприятий. Включение таких «опросов» в уголовное дело в качестве доказательств не соответствует буквальному смыслу ст. 74 УПК РФ. Однако на основе ряда постановлений Президиума и определений Судебной Коллегии Верховного Суда РФ¹² сложилась достаточно последовательная практика, в соответствии с которой указанные доказательства признаются обладающими свойством допустимости. Сегодня судья районного суда, даже будучи убежден в недопустимости подобного доказательства, не вынесет постановление об исключении доказательства, заведомо зная, что его решение будет отменено вышестоящим судом (из опасений, что приговор будет отменен вышестоящей инстанцией, решение, не совпадающее с внутренним убеждением, принимали 26,2 % опрошенных судей).

Практика и внутреннее убеждение неразрывно связаны, ибо первая есть не что иное, как обобщенные результаты оценки доказательств с анализом ошибок, допущенных в процессе такой оценки. Влияние судебной практики на формирование внутреннего судейского убеждения – это закономерный и естественный процесс, обусловленный стремлением судебной системы унифицировать применение правовых и процессуальных норм, как того требует общеправовой принцип справедливости и равенства всех перед законом и судом. Роль практики постоянно возрастает: почти в 30 % кассационных определений есть ссылки на решения Конституционного Суда. В 2002 году только в 3 % изученных

¹² См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 10 сентября 2003 г. № 411п2003 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2. С. 20–21; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ «Совершение лицом мошенничества с использованием своего служебного положения обоснованно квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 159 УК РФ» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 10. С. 18–19; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2004 г. № 47-004-75 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 5. С. 23–24.

нами кассационных определений встречались ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ; в приговорах они не встречались вообще. В 2005 году формулировки «в соответствии с Постановлением...» встречаются в 11 % кассационных определений и в 2 % приговоров.

3. *Непроцессуальные факторы.* К ним мы считаем необходимым отнести те внешние источники воздействия на внутреннее судебское убеждение, которые не предусмотрены уголовно-процессуальным законом или законом вообще. В отличие от остальных факторов, непроцессуальные носят латентный характер и слабо поддаются изучению. Аксиоматично утверждение, что утрата судьей независимости повлечет и утрату им возможности принятия решения по внутреннему убеждению. В этой связи требует изучения положение ч. 2 ст. 11 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». В соответствии с данной нормой судья федерального суда в первый раз назначается на должность сроком на три года и лишь по истечении этого срока – бессрочно.

На практике, с учетом положений ст.ст. 5 и 6 указанного Закона, это предоставляет широкие возможности председателю соответствующего суда, поскольку именно от него зависит, будет ли внесено представление о назначении лица на должность судьи. Аналогично выглядит и наделение полномочиями мирового судьи. В соответствии с Законом Курской области от 27 июля 1999 г. № 27-ЗКО «О мировых судьях Курской области»¹³ мировые судьи назначаются на должность Курской областной Думой по представлению председателя Курского областного суда в первый раз на три года, впоследствии – каждый раз не менее чем на 10 лет (ст.ст. 6 и 7).

Установление этого «испытательного» срока не вполне понятно: закон не предусматривает упрощенного порядка лишения статуса судьи в этот период, т.е. мотивировать такое решение законодателя целями своевременного исключения из рядов судей лиц, не способных к выполнению работы судьи, невозможно.

¹³ См.: Курская правда. 1999. 10 августа (№ 136); Курская правда. 2001. 8 декабря (№ 197); Курская правда. 2003. 19 апреля (специальный выпуск № 3); Курская правда. 2003. 5 июля (№ 111).

Представляется, что правило о первоначальном назначении судей на трехлетний срок на практике существенно сказывается на формировании и выражении судьей своего внутреннего убеждения, так как ограничивает независимость судей. Так, 7,8 % опрошенных судей ответили, что указания руководства (вышестоящего суда) служат основанием для вынесения решения вопреки внутреннему убеждению судьи в виновности лица. Такой ответ дали все 100 % впервые назначенных судей.

Другой негативный фактор влияния на судей – это различное внешнее незаконное воздействие на судей: подкуп, просьбы, угрозы. Статистически его невозможно исследовать непосредственно; факты отмены решений в связи с выявлением таких обстоятельств редки. В то же время в обществе крайне распространено негативное мнение о судебной системе в целом и о судьях в частности. Согласно опросу, проведенному недавно Фондом «Общественное мнение», россияне вдвое чаще оценивают деятельность российских судов и судей отрицательно, чем положительно (46 % против 26 %). 67 % опрошенных считают, что судьи берут взятки, и только 12 % – что они честны и неподкупны. Убеждены, что суды часто выносят несправедливые приговоры, 47 % наших граждан, и только 24 % считают, что такие приговоры выносятся редко¹⁴. Сами судьи считают такое мнение о себе сильно преувеличенным. Согласно результатам проведенного нами опроса 49,9 % судей никогда не сталкивались ни с просьбами, ни с угрозами, ни с указаниями руководства при принятии решений; 27,2 % опрошенных редко сталкиваются с такими факторами; 23,3 % – иногда.

Анализ объективных факторов, воздействующих на формирование внутреннего судейского убеждения, позволяет выявить ряд недостатков и пробелов как нормативных предписаний, так и правоприменительной практики. Преломление этих факторов в оценке доказательств по уголовным делам может повлечь искажение, неправильное формирование или невозможность выражения внутреннего судейского убеждения в принятом по делу решении.

¹⁴ Результаты опроса фонда «Общественное мнение»: Россияне не доверяют судам // <http://bd.fom.ru/report/map/projects/finfo/of0440/of044004>

§ 2. Субъективные факторы, воздействующие на внутреннее судейское убеждение

В судебной деятельности важная роль отведена личности судьи, что выражается в требованиях к замещению должности: возраст, образование, стаж работы. На внутреннем убеждении как процессе оценки доказательств сказывается влияние личности судьи, его политических, моральных взглядов, соотношение в его мышлении рационального и эмоционального.

Исключив известный ст. 71 УПК РСФСР термин «социалистическое правосознание», ст. 17 УПК РФ призывает судью при оценке доказательств по внутреннему убеждению руководствоваться *совестью*. Требование руководствоваться совестью – одно из важнейших нравственных ориентиров в деятельности судей. Не случайно, принося присягу, судья клянется честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят долг судьи и его совесть (ч. 1 ст. 8 Закона «О статусе судей»).

Совесть определяется в философии как высшая форма самоконтроля личности, предполагающая способность индивида критически относиться к своим (внутренний аспект) и чужим (внешний аспект) действиям, мнениям в соответствии с моральными установками общества и нравственными устремлениями личности. По словам А.Ф. Кони, «то, что называется «судейскою совестью», есть сила, поддерживающая судью и вносящая особый, возвышенный смысл в творимое им дело. Условия ее проявления прекрасно изображены в присяге судей и присяжных заседателей. С ее голосом надо считаться, под угрозой глубокого душевного разлада с собою»¹⁵.

С внутренней стороны совесть конкретного судьи служит средством саморефлексии, т.е. позволяет ему оценить самого себя в процессе и по результатам установления относимости, допустимости, достаточности и достоверности доказательств.

В ходе проведенного нами опроса судей Курских судов на вопрос «Как, по Вашему мнению, проявляется совесть судьи при

¹⁵ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе ... С. 90.

оценке доказательств?» лишь 10,7 % опрошенных ответили, что его совесть позволяет им оценить свои действия и поступки в процессе с морально-этической точки зрения. Эти цифры подтверждают распространенное в литературе утверждение о недостаточной оценке судьями себя, своего поведения по отношению к возложенным на него обязанностям. 47,6 % опрошенных судей указали на то, что совесть позволяет оценить свойства доказательств с морально-этической точки зрения (преимущественно женщины), 32,0 % указали, что совесть позволяет оценить действия подсудимого с морально-этической точки зрения (преимущественно мужчины).

Однако, руководствуясь совестью, можно оценить соответствие способов получения доказательства требованиям морали; этичность использования в процессе тех или иных сведений; доказанность несоответствия того или иного явления социальным нормам.

И все же не все асоциальные, аморальные деяния противоречат праву. В.С. Нерсисянц справедливо утверждает, что совпадение права и морали невозможно, поскольку *«означает по сути дела, что право должно быть не правом, а моралью, что содержание закона (позитивного права) должно быть не правовым, а моральным»*¹⁶. Поэтому попытки поставить в качестве критерия при совершении правового действия – оценки доказательств – сугубо моральную категорию представляются обреченными на неудачу. Такая оценка не означает, что аморальное (не обязательно противоправное!) поведение следователя в ходе следственного действия приведет к признанию полученного доказательства недопустимым; что неэтичные сведения будут признаны неотнормированными, недостоверными или недостоверными. Предположения отдельных исследователей о существовании «специальной недопустимости», т.е. недопустимости доказательств, полученных с нарушением нравственных запретов¹⁷, не находят своего подтверждения в тексте УПК РФ.

¹⁶ Нерсисянц В.С. Философия права. М.: НОРМА—ИНФРА-М, 2000. С. 71–72.

¹⁷ Сибилева Н.В. Допустимость доказательств в советском уголовном процессе. Киев, 1990. С. 32.

Уверенность судьи (судей) в виновности лица, без достаточной совокупности относимых, допустимых и достоверных доказательств, не дает судье право постановить обвинительный приговор. Именно закон определяет деятельность судьи по оценке доказательств. Не случайно один из судей – с максимальным среди всех опрошенных стажем судейской работы в 26 лет – определил совесть как способность соотнести законность с морально-этическими устоями общества, т.е. фактически отождествил ее с правосознанием.

Вот почему мы считаем возможным утверждать, что такой фактор личности, как *правосознание* (им руководствовался судья при оценке доказательств согласно ст. 71 УПК РСФСР) был исключен законодателем (очевидно, под воздействием критики¹⁸) без достаточных оснований. Впрочем, отсутствие указания на правосознание в тексте закона не изменяет его фактическую роль в процессе оценки доказательств, но умаляет его значение в глазах судей.

Правосознание представляет собой совокупность мысленных и чувственных оценок правовых явлений, правовых отношений¹⁹. В современной научной литературе правосознание определяется как часть (вид) общественного сознания, содержанием которого являются взгляды, убеждения, идеи, которые относятся к праву. Но в структуре правосознания существуют еще чувственные элементы, образующие правовую психологию, поэтому более приемлемым представляется утверждение, что правосознание представляет собой «совокупность господствующих в обществе правовых воззрений, убеждений, идей (правовая идеология), а также правовых чувств, переживаний, эмоций (правовая психология)»²⁰. Судья должен обладать высоким уровнем правосознания и правовой культуры, должен уметь беспристрастно оценить не только обстоятельства дела, но и свою деятельность по их оценке, дол-

¹⁸ См.: Мельник В. Здравый смысл в процессе поиска доказательств // Российская юстиция. 1995. № 7. С. 4–5; Он же. Здравый смысл – основа интеллектуального потенциала суда присяжных // Российская юстиция. 1995. № 6. С. 8–11; Пашин С. От социального правосознания – к здравому смыслу // Там же. С. 8.

¹⁹ См.: Строгович М.С. Право и правосознание: Тезисы доклада М.С. Строговича. М., 1940. С. 3.

²⁰ Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Котов Д.П. Судебная этика. Воронеж: Изд-во Воронежского Ун-та, 1973. С. 81.

жен обладать такими качествами, как честность, последовательность, принципиальность, справедливость; судья должен быть уважителен к людям, терпелив, вежлив и тактичен²¹.

Исследуя обстоятельства уголовного дела, формируя внутреннее убеждение, судья воспринимает и переживает все воспринимаемое. Поскольку чувство сопричастности, сопереживания имманентно человеческой природе, в процессе оценки велика роль *сочувствия* к лицу, на которое пришлось все негативные проявления преступной деятельности – к потерпевшему. Другой вопрос, влияет ли сочувствие на формирование судейского убеждения. Считают, что сочувствие не влияет на их убеждение 46,6 % опрошенных судей, причем с увеличением стажа увеличивается число судей, давших такой ответ:

23,1 % всех опрошенных судей, впервые назначенных на должность,

47,1 % всех судей со стажем работы 4–9 лет,

47,1 % – со стажем 10–15 лет;

52 % – со стажем 16–20 лет;

100 % – со стажем более 20 лет.

Такой результат закономерен: с годами судья утрачивает чувство новизны при оценке доказательств и установлении фактических обстоятельств уголовного дела, притупляется восприятие, снижается роль эмоциональных факторов. Сочувствие не должно становиться препятствием на пути правильного формирования внутреннего судейского убеждения. С одной стороны, судья не должен оставаться равнодушным к тому делу, которое он рассматривает, не должен выполнять свои обязанности по инерции, ибо это влечет в конечном итоге безразличие к рассмотрению и разрешению дела и утрату чувства ответственности за результаты своей деятельности. С другой стороны, эмоции сами по себе не могут составлять основание принятия решения, не должны вытеснять собой доказательства как предмет внутреннего судейского убеждения.

Отношение к потерпевшему не исчерпывается только сочувствием. Требование непосредственности исследования в судеб-

²¹ См.: Кодекс судейской этики (утв. VI Всероссийским съездом судей 2 декабря 2004 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2005. № 2.

ном заседании обуславливает то, что судья не только изучает содержание показаний, но и поведение, личность потерпевшего. Способна ли личность потерпевшего внушать доверие, насколько уверенно и последовательно, непротиворечиво излагает свои показания потерпевший – все это влияет на формирование судебного убеждения. Так, в практике имела место следующая ситуация. В приговоре суд первой инстанции подчеркнул, что потерпевшая пережила массу нравственных страданий, первые дни находилась в шоковом состоянии, однако на протяжении всего предварительного расследования, рассмотрения дела судом она давала непротиворечивые показания; в деле есть сведения о том, что потерпевшая не согласилась на примирение с обвиняемым и отказалась от получения от него денежной суммы. Каких-либо поводов и мотивов для оговора подсудимого у потерпевшей не было. На основании этого, при недостаточности прямых доказательств, суд первой инстанции счел сомнения в виновности устраняемыми, постановив обвинительный приговор, а суд кассационной инстанции оставил его в силе.

Не менее интересен вопрос об отношении суда к обвиняемому (подсудимому). Как мы уже указывали, формирование внутреннего судебного убеждения ограничивается и направляется важнейшим правилом – презумпцией невиновности (ст. 14 УПК), в соответствии с которой лицо не считается виновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда. Однако исследования психологов показывают, что отношение к подсудимому изначально негативно на уровне подсознания примерно у 4/5 судей²².

При ответе на вопрос: «Влияет ли поведение подсудимого в ходе судебного заседания на Ваше мнение о его виновности?», – 40,8 % наших респондентов дали отрицательный ответ. 45,9 % всех опрошенных судей честно признались: да, поведение подсудимого в зале суда влияет на их мнение о его виновности. Позволяет ли это говорить нам об обвинительном уклоне судей? В формулировке вопроса умышленно было использовано нейтральное выражение «поведение подсудимого в зале судебного заседания», а графа

²² Панасюк С.Ю. «Презумпция невиновности» в системе профессиональных установок судей // Государство и право. 1994. № 3. С. 76–79.

«Поясните» была оставлена специально для выявления того, каким же обычно видят судьи поведение подсудимого. Ответы весьма красноречивы: «Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность или *стремиться понравиться суду*» «Его поведение не должно влечь никаких последствий для него»; «Не говорит ни о чем, кроме как о *низкой* [зачеркнуто] внутренней культуре»; «*Нарушение порядка в зале* характеризует его личность»; и т.п. Таким образом, словосочетание «*поведение подсудимого*», как следует из пояснений к ответу, для многих судей негативно окрашено, ассоциируется с нарушением порядка в зале.

Наличие судимости убеждает 39,8 % судей в возможности совершения инкриминируемого деяния, особенно в случаях, когда прежде лицо было осуждено за аналогичное преступление. Этот вариант с позиций «стаж» и «возраст» в целом имеет тенденцию к росту, что детерминировано профессиональным и жизненным опытом. Но лишь часть этих судей может считаться проявившей обвинительный уклон: судье необходима информация о прежней судимости для установления сходства способов совершения преступления. Высокий уровень правового сознания, совесть, требования справедливости призваны не позволить сформироваться предубеждению.

Наконец, у 14,6 % опрошенных судей, представленных исключительно судьями с наименьшим и наибольшим стажем, факт предыдущей судимости формирует отрицательный образ подсудимого и лишает их доверия к нему. Для судей первой группы такой ответ объясняется преобладанием бытового правосознания над пониманием и убежденностью в следовании таким принципам, как презумпция невиновности и право на защиту, для последней – большим опытом, показывающим, что лица, однажды преступившие закон, очень часто снова попадают на скамью подсудимых.

В оценке доказательств значительную роль играют, как мы показали, правовые эмоции, в которых выражается окрашенное в личностные тона отношение к правовому регулированию, юридической практике, к конкретной правовой ситуации. Задача профессионального судьи – опираясь на свое правосознание, оценить доказательства, абстрагировавшись от всего того, что лежит вне правового регулирования (личные симпатии, антипатии, эмоции); одновременно правосознание позволяет судье подобрать вариант решения в том случае, когда в законе ситуация описана неконкрет-

но. В литературе обоснованно отмечается, что правосознание регулирует поведение судьи, его отношение к обстоятельствам, установленным в ходе производства по делу, ориентирует профессиональную деятельность на установление свойств доказательств, событий преступления и виновности подсудимого²³.

М.С. Строгович, анализируя внутреннее убеждение, подчеркивает, что под ним следует понимать «основанное на правосознании убеждение судьи относительно обстоятельств разбираемого судом конкретного дела»²⁴. Иначе говоря, автор включает в структуру внутреннего убеждения еще и правосознание, что, на наш взгляд, не вполне верно: эти феномены тесно переплетены, поскольку представляют собою смежные сферы психической деятельности; правосознание влияет на формирование внутреннего убеждения, однако не образует его содержания. Категория «совесть» не может, на наш взгляд, быть ни критерием, ни методом оценки доказательств профессиональным судьей (в отличие от судей из народа — присяжных заседателей), хотя и выполняет важную функцию оценки судьей нравственности и моральности своих действий и решений.

Внутреннее убеждение как процесс связано с совестью оценивающего доказательства субъекта. Здесь законодатель определенно поторопился, исключив важнейший метод оценки — правосознание, заменив его широкой, не поддающейся формализации категорией «совесть». В связи с этим считаем необходимым внести изменения в ст. 17 УПК РФ, возвратив в текст закона правосознание и указав на необходимость прислушиваться к голосу совести (а не руководствоваться ею). В этой связи считаем необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 17 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: *«Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель обязаны объективно и беспристрастно оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности исследованных доказательств, руководствуясь законом, правосознанием и прислушиваясь к голосу совести»*.

²³ Грошевой Ю.М. Профессиональное правосознание судьи и социалистическое правосудие. Харьков, 1986. С. 27.

²⁴ Строгович М.С. Курс... 1968. С. 334.

Глава V. Выражение внутреннего судейского убеждения в обосновании и мотивировке судебных актов

§ 1. Выражение внутреннего убеждения в решениях суда первой инстанции

Внутреннее судейское убеждение как результат оценки доказательств представляет собой полученное в результате непосредственной оценки доказательств знание судьи об относимых, допустимых, достоверных и достаточных доказательствах по устанавливаемым обстоятельствам, и, как следствие, уверенность судьи в существовании этих обстоятельств, убеждение в правильности этого знания и готовность действовать в соответствии с ним, в частности, выражать свое внутреннее убеждение в решениях. Собственно, решение – это объективная форма выражения такой субъективной категории, как внутреннее судейское убеждение. Поэтому доказывание в значении «обоснование решения» в его взаимосвязи с внутренним убеждением как инструментом оценки доказательств представляет определенный интерес для нашего исследования.

В тексте УПК «процессуальное решение» определяется как «решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке, установленном настоящим Кодексом» (п. 33 ст. 5 УПК). Такое определение – кроме установления круга субъектов, полномочных принимать решение, и указания на нормативное закрепление процедуры его принятия – не несет больше никакой смысловой нагрузки, к тому же логически некорректно, поскольку определение осуществляется непосредственно через определяемое понятие.

Толковый словарь русского языка определяет «решение» как «заключение, вывод из чего-нибудь»¹. Это позволяет охарактеризовать процессуальное решение с содержательной стороны, однако для уяснения сущности исследуемого явления этого явно недостаточно.

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd., 1992. С. 701.

Будучи разновидностью индивидуальных правоприменительных актов как средства реализации права, процессуальное решение принимается для ответа на правовые вопросы и носит обязательный характер, определяя направление дальнейших действий.

В литературе справедливо рассматриваются следующие признаки решения:

- выносятся только государственным органом, уполномоченным на проведение уголовного судопроизводства;
- выносятся в установленном законом порядке с соблюдением прописанной в законе формы;
- выражают властное веление государственных органов;
- содержат ответы на правовые вопросы, направлены на решение вполне определенных задач².

Исходя из изложенного, судебное решение можно охарактеризовать как облеченный в установленную процессуальную форму документ, в котором суд или судья в пределах предоставленной им компетенции в установленном законом порядке указывают, какие фактические обстоятельства ими установлены либо не установлены, и на этой основе, а также руководствуясь предписаниями закона, дают на отдельные правовые вопросы или по делу в целом ответы, содержащие властное волеизъявление о действиях, направленных на достижение назначения уголовного судопроизводства³.

Решения как элементы единой системы процессуальных действий, направленных на выполнение задач судопроизводства, принимаются судьей на протяжении всего производства в суде первой инстанции. Все процессуально значимые решения суда находят свое отражение либо в самостоятельном постановлении (определении), либо в протоколе судебного заседания, а потому правомерно утверждение, что все процессуальные судебные решения облечены в письменную форму.

Принятие решения – сложный процесс, сочетающий в себе оценку доказательств по внутреннему убеждению и судебское усмотрение. Анализ требований закона (ст.ст. 7, 101, 108, 145–

² См.: Зеленецкий В.С., Глинская Н.В. Теория и практика обоснования решений в уголовном процессе Украины. Харьков: Страйд, 2006. С. 18–20; Лупинская П.А. Решения в уголовном процессе. Их виды, содержание и формы. М.: Юрид. лит., 1976. С. 9–18.

³ См.: Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве... 2006. С. 21–22.

148, 165, 182, 231, 297, 299, 305–308 и др. УПК РФ), научной литературы, беседы с практическими работниками, непосредственное наблюдение процесса принятия судебных решений позволило нам указать признаки механизма принятия решения.

Во-первых, *необходимо прийти к выводу о наличии оснований к тому или иному решению*. Как мы показали выше, знание о фактических обстоятельствах судья приобретает в результате оценки достаточной совокупности относимых и допустимых доказательств. Установленные обстоятельства дела составляют обоснование решения.

Далее, фактические обстоятельства дают, как правило, возможность для принятия нескольких взаимоисключающих решений, поэтому, во-вторых, *на основе имеющихся, достоверно установленных данных судья в пределах и на условиях, определенных законом, по своему усмотрению выбирает одно из нескольких решений*. Указание на то, почему выбрано то или иное решение, отражаются в его мотивировке.

Наконец, в-третьих, *судья выражает свое внутреннее убеждение в принятом им решении*.

Необходимо отметить, что УПК РФ предъявляет к определениям и постановлениям требования законности, обоснованности и мотивированности (ч. 4 ст. 7 УПК).

Требование законности означает: 1) принятие предусмотренного законом решения в установленном законом порядке; 2) принятие решения должностным лицом, наделенным правомочием на вынесение такого акта; 3) принятие обоснованных и мотивированных решений. *Обоснованность* тесно связана с законностью, но в то же время имеет и собственное содержание. Впрочем, нередко законность и обоснованность не разграничиваются⁴. Действительно, закон требует обоснованности от решений, но это не означает тождественности законности и обоснованности. Так, обоснованное решение может, тем не менее, быть незаконным, поскольку принято неуполномоченным субъектом.

⁴ См., напр.: Григорьев В.Н., Кузьмин Г.А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии). М., 2003. С. 27–29.

Семантически «обоснованный» означает «подтвержденный фактами, серьезными доводами, убедительный»⁵. Свое отражение обоснованность находит в мотивировке решения. Мотив – «побудительная причина, повод... довод в пользу чего-нибудь»⁶, иначе говоря, мотивированность – это довод в пользу принятого решения. Итак, обоснованность решений означает, что при их принятии субъекты: 1) опирались на материалы дела; 2) основывались на относимых доказательствах в их совокупности. Мотивированность как выражение обоснованности означает: 1) ссылку на доказательства, их анализ, оценку; 2) доводы в пользу принимаемого решения.

Хотя обоснованность и мотивированность появляются на разных этапах принятия решения, они неразрывно связаны. В специальной литературе иногда обоснованность рассматривают в двух аспектах – внутреннем (решение основывается на материалах дела и доказательствах) и внешнем (убедительность решения, приведение доводов в пользу принимаемого решения), т.е., по сути, включают мотивированность в обоснованность⁷. Как показывает анализ судебной практики, при проверке решения реально отграничить эти требования друг от друга невозможно. Так, Пленум Верховного Суда, указав, что решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов⁸.

Выводы суда, основанные на установленных фактах, являются уже доводами в пользу того или иного решения, а потому относятся, скорее, к мотивировке. Однако отсутствие мотивировки исключает выявление тех обстоятельств, на которых формировалось внутреннее убеждение судьи, т.е. утрачивается внешняя

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ Ltd, 1992. С. 446.

⁶ Там же. С. 376.

⁷ См.: Зеленецкий В.С., Глинская Н.В. Указ. соч. С. 66–70.

⁸ См.: Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 2. С. 2.

связь между принятым решением и его фактическими основаниями, а потому решение подлежит отмене в связи с несоответствием выводов суда, изложенным в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (ст. 380 УПК).

Приведенный механизм достаточно условен, поскольку мы стремились охватить общие черты принятия всех процессуальных решений судебного производства, а их только при производстве в суде первой инстанции можно насчитать более двух десятков.

В виде самостоятельного процессуального документа, состоящего из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей УПК РФ, в суде первой инстанции требует выносить: определение (постановление) о возвращении уголовного дела прокурору; определение (постановление) о прекращении уголовного дела; определение (постановление) об избрании, изменении или отмене меры пресечения в отношении подсудимого; определение (постановление) о продлении срока содержания подсудимого под стражей; определение (постановление) об отводах; определение (постановление) о назначении судебной экспертизы (ч. 2 ст. 256 УПК) и приговор (ч. 2 ст. 303 УПК). Остановимся на выражении внутреннего судейского убеждения в обосновании и мотивировке некоторых из этих актов более подробно.

Определенный интерес в связи с темой данного исследования представляет стадия назначения судебного заседания. В целом, за период ее существования с 1960 года, пересматривалось и название стадии, и содержание полномочий судьи.

Сопоставление текстов главы 33 УПК РФ и Главы 20 УПК РСФСР показывает, что стадия в ее нынешнем виде задумывалась для решения вопроса о наличии или отсутствии процессуальных препятствий для производства по уголовному делу (подсудность, своевременность вручения копий обвинительного заключения или акта), решения вопросов обеспечения явки подсудимого в суд (вопрос о мере пресечения) и обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением (ст. 227 УПК). Не воспринято УПК РФ требование установления на данной стадии достаточности собранных доказательств для рассмотрения дела в судебном заседании.

Означает ли это, что на стадии назначения судебного заседания не производится оценка доказательств по внутреннему убеж-

дению? Думается, это не так. В самом деле, установив, что дело ему подсудно (в противном случае судья обязан принять решение о направлении дела по подсудности), суд должен ответить на вопрос о наличии оснований для производства предварительного слушания (ст. 229 УПК), в частности, есть ли основания для возвращения уголовного дела прокурору.

Одним из оснований *возвращения дела прокурору* является нарушение требований УПК при составлении обвинительного заключения (акта). Конституционный Суд РФ указал правоприменителям, что основанием для возвращения дела прокурору является только такое существенное процессуальное нарушение при составлении обвинительного заключения (акта), «которое суд не может устранить самостоятельно и которое, как повлекшее лишение или стеснение гарантируемых законом прав участников уголовного судопроизводства, исключает возможность постановления законного и обоснованного приговора и фактически не позволяет суду реализовать возложенную на него Конституцией Российской Федерации функцию осуществления правосудия; такие процессуальные нарушения не касаются ни фактических обстоятельств, ни вопросов квалификации действий и доказанности вины обвиняемых, а их устранение не предполагает дополнение ранее предъявленного обвинения»⁹.

Анализ судебной практики показывает, что убеждение судьи в необходимости возвращения дела прокурору формируется непосредственно во время ознакомления с материалами дела: во всех 100 % изученных нами дел с постановлением о назначении предварительного слушания в связи с необходимостью возвращения уголовного дела прокурору по итогам предварительного слушания принималось решение о возвращении дела. Думается, такая поспешность в определенной степени способствует необоснованным решениям. Согласно данным статистики в 2004 году в кассационном порядке Курским областным судом отменено 53,3 % обжалованных постановлений, за 6 месяцев 2005 – 55,9 % при постоянном увеличении числа обжалуемых постановлений дан-

⁹ Пункт 3 Постановления Конституционного Суда РФ № 18-П ...

ной группы¹⁰. Как показывают данные проведенного нами обобщения, 73,4 % всех обжалованных постановлений о возвращении уголовного дела прокурору отменено Курским областным судом именно в связи с необоснованностью.

При этом 67,3 % всех отмененных необоснованных постановлений отменены в связи с ошибочным выводом суда о невозможности устранения нарушений в судебном заседании. Распространенность указанной ошибки, на наш взгляд, связана с тем, что суды часто пытаются сделать вывод о невосполнимости допущенных нарушений, основываясь на обвинительном заключении, отдельно от доказательств, собранных по уголовному делу.

По смыслу уголовно-процессуального закона в данной стадии суд исследует обвинительное заключение (акт), проверяя, нет ли нарушений, допущенных при его составлении (несоответствие квалификации в обвинительном заключении квалификации в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, ошибки в изложении самого обвинительного заключения и т.п.). Суды же нередко возвращают уголовные дела прокурору фактически для восполнения доказательств, а не для устранения процессуальных нарушений, не учитывая, что это недопустимо, поскольку в указанной стадии суд изучает материалы с позиций возможности постановления приговора или вынесения иного решения (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК) на основании обвинительного заключения или акта.

В целом, при решении вопроса о возвращении уголовного дела прокурору, на наш взгляд, внутреннее судебское убеждение ограничено в предмете оценки. Судья исследует только вещественные доказательства и протоколы; не предусматривает закон оценки доказательств в этой стадии с точки зрения их достоверности, так как в этой оценке огромную роль играет, как мы уже показали, непосредственное восприятие личных доказательств. Доказательства при возвращении уголовного дела прокурору оцениваются с точки зрения относимости, допустимости и достаточности совокупности для специфической цели, отличной от цели их оценки при принятии итогового решения по делу, — для

¹⁰ См.: Справка к разделу 1 «Движение дел» и Раздел 4 «Результаты кассационного рассмотрения по удовлетворенным жалобам и представлениям» Сведений о рассмотрении уголовных дел за 12 месяцев 2004 года и 6 месяцев 2005 года соответственно.

установления возможности вынесения судом на основании обвинительного заключения (акта) приговора или иного решения. Однако такая оценка доказательств не носит окончательного характера, в ходе дальнейшего исследования может измениться; важно, что на стадии назначения судебного заседания внутреннее судейское убеждение как результат такой оценки в состоянии приводить к однозначному выводу о невозможности принятия итогового процессуального решения.

Специфическое целевое назначение оценки доказательств при принятии данного решения ограничивает внутреннее судейское убеждение и в его выражении: хотя, как мы показали, у абсолютного большинства судей убеждение в виновности складывается уже на этапе ознакомления с материалами дела, в постановлении о возвращении дела прокурору недопустимо предрешать вопросы о виновности. Именно такую ошибку допустили судьи в 3,1 % исследуемых случаев в мотивировке постановления: «следствием собраны достаточные и достоверные доказательства причастности обвиняемого к совершению преступления», «для назначения виновному справедливого наказания», «формулировка обвинительного заключения исключает постановление приговора и назначение наказания» и т.д., фактически предрешив в своих постановлениях вопросы, ответы на которые может содержать только приговор.

Внутреннее убеждение в его выражении в решении на данной стадии ограничено и невозможностью принятия отдельных процессуальных решений, хотя и разработанных практикой, но не предусмотренных УПК РФ – речь идет о невозможности возвращения дела на дополнительное расследование. Однако довольно часто судьи, придя к убеждению в недостаточности доказательств, пытаются вернуть дело прокурору именно для восполнения доказательств, но свое решение мотивируют наличием процессуальных нарушений.

По основанию возвращения дела прокурору для устранения неполноты проведенного расследования отменено 15,6 % изученных нами и обжалованных в кассационном порядке постановлений. Это говорит об инерции правового сознания судей (у большинства из них оно сформировалось в период действия УПК РСФСР, когда было не просто распространено возвращение дела прокурору, но и существовала практика устных указаний со сто-

роны судей, что именно необходимо установить правоохранительным органам).

Иначе формируется внутреннее судейское убеждение при решении вопроса о прекращении уголовного дела как на этапе предварительного слушания (ст. 339 УПК), так и в судебном заседании (ст. 254 УПК). При прекращении уголовного дела (преследования) по указанным законом основаниям в этих стадиях суд должен оценить доказанность факта совершения лицом преступления; в противном случае он не имеет права выносить постановление о прекращении уголовного дела (преследования) по обстоятельствам, которые исключают восстановление прав лица, необоснованно подвергнутого уголовному преследованию.

Поскольку постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) есть один из вариантов окончания производства по делу, в нем дается итоговая оценка собранных доказательств. Вопрос о достоверности доказательств при прекращении дела можно решить лишь при наличии одновременно следующих условий: когда вывод о достоверности доказательств вытекает из имеющихся в деле письменных материалов, когда само содержание имеющихся доказательств очевидно и непротиворечиво, когда сделанный судьей вывод о достоверности доказательств не ухудшает положения обвиняемого.

Наиболее полно внутреннее судейское убеждение выражается в приговоре как итоговом акте по делу. Проанализируем некоторые вопросы содержания приговора.

В отличие от ст. 301 УПК РСФСР, требовавшей от приговора таких качеств, как законность, обоснованность и мотивированность, ст. 297 УПК РФ называет законность, обоснованность и справедливость, но не указывает на обязанность мотивировать приговор. Более того, требование мотивированности не выводимо из ч. 4 ст. 7 УПК, поскольку она нормативно закрепляет требования к определению и постановлению, которые, в свою очередь, понимаются Кодексом как любые решения, «за исключением приговора» (п.п. 23 и 25 ст. 5 УПК). Означает ли это, что требование мотивированности Уголовно-процессуальным кодексом к приговору не предъявляется? Думается, что это не так. В структуре приговора закон выделяют описательно-мотивировочную часть, в которой суду необходимо, в частности, указать мотивы,

по которым отвергнуты те или иные доказательства, мотивы избрания наказания (ст.ст. 305, 307 УПК РФ, Приложения 35–37 и др. ст. 477 УПК РФ), т.е. мотивировать свое решение. Иногда в литературе отмечают, что в УПК «обоснованность приговора неразрывно слита с его мотивированностью, вследствие чего, как представляется, последняя не указана в качестве самостоятельного атрибута приговора»¹¹. И все же представляется, что здесь имеет место досадный недостаток юридической техники, который желательнее устранить.

В самом общем виде механизм принятия решения по каждому вопросу, указанному в ст. 299 УПК РФ, при постановлении приговора соответствует вышеприведенному: оценка доказательств – вывод о наличии обстоятельств – выбор решения – выражение решения в соответствующем акте. Однако ответы на перечисленные в ст. 299 УПК РФ вопросы даются судьей с помощью качественно разных по своей сущности мыслительных механизмов. Ответы на вопросы: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении данного деяния – выражают итог оценки доказательств по внутреннему судейскому убеждению и внутреннее убеждение как результат оценки доказательств, а также убеждение судей в правильности сделанного вывода, а потому именно этим вопросам мы уделим внимание в нашем исследовании.

В связи с выражением в приговоре внутреннего судейского убеждения особый интерес представляет содержание описательно-мотивировочной части приговора, содержащей изложение фактических обстоятельств дела в том объеме, в котором они установлены и необходимы для разрешения предусмотренных законом вопросов, а также доводы в пользу принятого решения (его мотивы).

Описательно-мотивировочная часть *оправдательного приговора* относительно проста: в соответствии с требованиями закона судья обязан изложить существо предъявленного обвинения и обстоятельства, установленные судом при оценке собранных по делу доказательств. Как мы уже указывали, специфика уголовно-

¹¹ Михайловская И.Б. Настольная книга... 2006. С. 176.

процессуального доказывания в суде состоит в том, что оно направлено на опровержение юридической презумпции – считающегося достоверным утверждения о невиновности лица. Если доказательств для опровержения собрано недостаточно, постановляется оправдательный приговор. Как пишет Л.С. Халдеев, «не допускать никаких «натяжек» и компромиссов во имя «спасения» дела путем сокращения объема обвинения, перекалфикации на более мягкую статью УК, определения «удобного» наказания и т.д. и т.п.»¹².

В этом смысле внутреннее убеждение в невиновности лица может, в отличие от внутреннего убеждения в виновности, сформироваться при отсутствии достаточных оснований для вынесения обвинительного приговора, т.е. при наличии неустранимых сомнений в виновности подсудимого. Сложно, однако, при этом полностью согласиться с высказанной в литературе точкой зрения о том, что «проблема критерия оценки достоверности и достаточности доказательств для признания подсудимого виновным рассматривается в категориях «наличие сомнений – их отсутствие в правильности вывода»¹³.

Оправдательный приговор также не может быть основан на предположениях. В одной из своих речей А.Ф. Кони совершенно справедливо сказал: «сомнение служит в пользу подсудимого. Да, это счастливое и хорошее правило! Но, спрашивается, какое сомнение? Сомнение, которое возникает после оценки всех многочисленных и разнообразных доказательств, которое вытекает из оценки нравственной личности подсудимого. Если из всей этой оценки, долгой и точной, внимательной и серьезной, все-таки вытекает такое сомнение, что оно не дает возможности заключить о виновности подсудимого, тогда это сомнение спасительно и должно влечь оправдание. Но если сомнение является только оттого, что не употреблено всех усилий ума и внимания, совести и воли, чтобы, сгруппировав все впечатления, вывести один общий вывод, тогда это сомнение фальшивое; тогда это плод умственной расслабленности, которую нужно побороть»¹⁴.

¹² Халдеев Л.С. Судья в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2000. С. 285.

¹³ См.: Михайловская И.Б. Настольная книга... 2006. С. 180–181.

¹⁴ Кони А.Ф. Обвинительная речь по делу о Станиславе и Эмиле Янсенах, обвиняемых во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, и Герминии Анкар, обвиняе-

Общеизвестно, что количество оправдательных приговоров крайне невелико и в период с 2002 по 2006 год колебалось в пределах 0,3 – 0,6 % от всех рассмотренных дел¹⁵. Среди изученных нами уголовных дел есть два оправдательных приговора, и оба отменены в кассационном порядке именно потому, что суд первой инстанции не в полной мере исследовал обстоятельства дела.

Так, по делу Т. суд первой инстанции проявил то, что А.Ф. Кони назвал «леностью ума»: Т. обвинялась в том, что, работая врачом-терапевтом, неоднократно нескольким установленным следствием лицам за вознаграждение выдавала без медицинских показаний рецепты на получение сильнодействующего лекарственного средства (ст. 233 УК РФ). В качестве получателей в рецепт вписывались лица, по медицинским показаниям нуждающиеся в получении указанного средства.

Суд первой инстанции оценил совокупность предоставленных доказательств как недостаточную для признания Т. виновной. Выражая в приговоре свое внутреннее убеждение, он привел следующие доводы в обоснование оправдания: 1) Лекарственное средство само по себе не относится к наркотическим средствам, что следует из соответствующего перечня, утвержденного Минздравом; 2) чтобы решить вопрос о возможности изготовления из сильнодействующего лекарственного средства наркотического средства, необходимо проведение экспертизы, а таковая в ходе предварительного расследования не проводилась, невозможность проведения такой экспертизы в судебном заседании была мотивирована недопустимостью выполнения судом несвойственной ему обвинительной функции; 3) свидетели в судебное заседание не явились, их показания о получении Т. вознаграждения за рецепты, данные в ходе следствия, не оглашены, поскольку против этого возражала сторона защиты, и не могут быть положены в основу обвинения.

Отменяя все вынесенные по делу решения, вышестоящий суд указал на недопустимость постановления оправдательного пригово-

мой в выпуске в обращение таких билетов // *Кони А.Ф. Избранные труды и речи / Сост. И.В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000. С. 307.*

¹⁵ См.: Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2006 году // *Российская юстиция. 2007. № 5. С. 60; Гаврилов Б. Новеллы уголовного процесса на фоне криминальной статистики // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 9.*

вора на предположениях; для установления свойств лекарственного средства суду следовало бы допросить специалиста, а в необходимых случаях провести экспертизу; кроме того, суду надлежало выяснить причины неявки свидетелей со стороны обвинения¹⁶.

Не меньший интерес представляет анализ *обвинительных приговоров* с точки зрения отражения ими внутреннего судебного убеждения.

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна начинаться с описания не предъявленного обвинения, а преступного деяния, признанного судом доказанным, с указанием места, времени, способа его совершения, формы вины, мотивов, целей и последствий преступления. Иначе говоря, судье сразу же необходимо изложить обстоятельства, которые суд по своему внутреннему убеждению считает доказанными или недоказанными. 1,2 % изученных нами приговоров отменены в связи с тем, что судом не установлены обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

Внутреннее убеждение судьи, отражаемое в дальнейшем в приговоре, формируется не только и не столько в совещательной комнате при ответе на сформулированные законом вопросы; оценка доказательств ведется на всем протяжении судебного заседания. Придя к твердому убеждению в виновности лица, судья должен в своем решении указать, какие именно доказательства убедили его в наличии или отсутствии тех или иных фактов, и изложить эти доказательства в обоснование своих выводов в приговоре (п. 2 ст. 307 УПК). Если эти доказательства в приговоре не приведены, приговор утрачивает важнейшее свойство – обоснованность, а следовательно, и убедительность не только для участников процесса, проверяющих приговор вышестоящих судов, но и для всей общественности.

Изучение отмененных приговоров показало, что отсутствие в приговоре доказательств, на которых суд основывает свои выводы, не всегда означает, что эти доказательства судом не исследованы; иногда они не приведены в приговоре. В 83,3 % всех исследованных нами дел, приговоры в которых были отменены с направлением на новое рассмотрение по тому основанию, что

¹⁶ Архив Курского областного суда. Дело № 22-232-2005.

выводы суда не подтверждаются доказательствами, постановлены новые приговоры, по установленным фактическим обстоятельствам не отличающиеся от отмененных, но с более подробным изложением доказательств. Такие случаи говорят о том, что судьи, правильно установив обстоятельства дела, не указывают на основания своего внутреннего убеждения в приговоре, что может повлечь отмену приговора ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным судом и отраженными в приговоре (п. 1 ч. 1 ст. 379 УПК).

Мотивировка приговора является одним из сложнейших вопросов на практике, выполняя двойную функцию. Во-первых, она позволяет судье самому проверить свои выводы; во-вторых, требует от него такого изложения доводов против отвергнутых им доказательств, изменения обвинения или решения вопроса о наказании (п.п. 2–4 ст. 307 УПК), которые будут убедительны для всех участников процесса и вышестоящих судов.

Пленум Верховного Суда РФ указал, что «судам надлежит исходить из того, что обвинительный приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах, когда по делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены»¹⁷.

Мотивировка при устранении противоречий – один из сложнейших вопросов, поскольку постановление приговора, как правило, происходит в условиях противоречивых показаний обвиняемых, потерпевших и свидетелей: кто-то сознательно дает ложные показания, кто-то добросовестно заблуждается.

Мотивировка приговора требует, чтобы суд указывал, почему одни показания были отвергнуты, а другие – признаны достоверными. На практике очень распространена ситуация, когда в ходе судебного заседания участники процесса меняют свои показания или их показания противоречат друг другу; поэтому так важно объяснение отношения суда к изменению показаний.

Отвергая показания, суды зачастую используют следующие формулировки: «показания подсудимого суд рассматривает как

¹⁷ См.: Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 7. С. 2–8.

линию его защиты», «показания подсудимого (свидетеля, потерпевшего) противоречат показаниям потерпевшего (подсудимого, свидетеля), причин для оговора не установлено», «у суда нет оснований не доверять показаниям потерпевших (свидетелей), которые, хотя и противоречат показаниям подсудимого (потерпевшего, свидетеля), последовательны и непротиворечивы». Данные способы выражения внутреннего судейского убеждения вполне допустимы, корректны, однако в них преобладает личная, субъективная оценка, а не мотивировка решения ссылкой на материалы дела, которые дают основание доверять или не доверять тем или иным показаниям.

В отношении показаний подсудимого распространены формулировки, не содержащие, собственно говоря, мотивов признания показаний недостоверными, такие, как: «несмотря на отказ от показаний, данных на предварительном следствии, вина подсудимого подтверждается...», «показания подсудимого суд расценивает как его попытку уйти от ответственности, избежать наказания».

Такие доводы в приговоре не несут доказательственной информации, не выражают объективного основания внутреннего судейского убеждения по существу отвергнутых показаний, а, по сути, содержат субъективную оценку судьи. В нашем выборочном исследовании все приговоры, отмененные в связи с тем, что при наличии противоречивых доказательств в приговоре не указано, по каким основаниям суд принял одни из них и отверг другие, содержали подобные формулировки. Всего же по данному основанию отменено 3,9 % исследованных нами приговоров. Отсутствие надлежащей мотивировки решения, как правило, говорит о его необоснованности, что в ряде случаев приводит и к необоснованному осуждению.

В качестве другого примера можно привести отсутствие оснований решения о недопустимости доказательств или, более того, использование доказательства, признанного судом недопустимым, в мотивировке приговора. Пленум Верховного Суда многократно ориентировал судей на невозможность использования при постановлении приговора недопустимых доказательств¹⁸. Иногда

¹⁸ См.: Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» //

судьи, стремясь выразить свое внутреннее убеждение в виновности лица, забывают об этом ограничении.

Так, один из судов в обвинительном приговоре неоднократно ссылался на доказательства, признанные им недопустимыми и не имеющими юридической силы. В частности, в приговоре имеется следующая запись: «... хотя суд и не может воспользоваться таким доказательством, как куртка Кравцова, на которой обнаружена кровь Быкадоровой, поскольку оно было добыто с нарушением процессуальных норм, но это косвенно свидетельствует о его причастности к убийству».

Суд сделал также вывод о том, что «подсудимый стремится уйти от ответственности за совершенное им преступление при наличии улики, которая неоспоримо подтверждает его вину, но которой суд не может воспользоваться из-за допущенного нарушения»¹⁹.

На практике встречается значительное количество дел, в которых недопустимые доказательства не исключены ни первой инстанцией, ни кассационной, поскольку они свидетельствуют о виновности подсудимого, а их исключение повлекло бы либо прекращение дела, либо постановление оправдательного приговора.

§ 2. Особенности формирования внутреннего убеждения судей, проверяющих приговоры в кассационном порядке

Вопрос о возможности оценки доказательств не только в суде первой инстанции, но и в судах, осуществляющих проверку законности, обоснованности, мотивированности и справедливости приговоров и иных решений суда, уже давно перестал быть дискуссионным, его наличие в этих стадиях уголовного процесса ныне признается как в теории, так и в практике уголовного судопроизводства.

По данным судебной статистики, в 2003 году в кассационном порядке пересматривалось 29,8 % всех уголовных дел, рассмот-

Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 5. С. 2; Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 7. С. 2.

¹⁹ Обзор надзорной практики Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2004 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2005. № 9. С. 24.

ренных судами первой инстанции, а в 2004 – 42,3 %²⁰. И хотя в 2005 году этот показатель несколько снизился (рассмотрено на 16,2 % дел меньше, чем в 2004²¹), производство в суде кассационной инстанции остается важнейшим средством исправления ошибок, допущенных судами первой инстанции, что обуславливает интерес к особенностям оценки доказательств в кассации.

В целом, процесс формирования и выражения в решении внутреннего судейского убеждения судей суда кассационной инстанции происходит по тем же правилам, что и в суде первой инстанции. Особенности формирования убеждения при проверке законности и обоснованности приговора обусловлены задачами и правилами проверки дела судом второй инстанции.

Сформировавшееся внутреннее убеждение судьи, выраженное в решении суда первой инстанции, подвергается сомнению в кассационной инстанции по двум основаниям: в связи с несоответствием выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (ст. 380 УПК), и в связи с нарушением уголовно-процессуального закона при производстве по делу (ст. 381 УПК). Остальные кассационные основания (ст.ст. 382 и 383 УПК) не связаны непосредственно с внутренним убеждением суда первой инстанции при оценке доказательств.

Основанием отмены или изменения решения суда первой инстанции может являться несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, а именно: выводы суда не подтверждаются рассмотренными в судебном заседании доказательствами; суд не учел обстоятельства, которые могли существенно повлиять на выводы суда; при наличии противоречивых доказательств, имеющих существенное значение для выводов суда, в приговоре не указано, по каким основаниям суд принял одни из этих доказательств и отверг другие; выводы суда, изложенные в приговоре, содержат существенные противоречия, которые повлияли или могли повлиять на решение вопроса о виновности или невиновности осужденного или оправданного.

²⁰ См.: Судебная статистика // Российская юстиция. 2005. № 7.

²¹ См.: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 7. С. 22.

Основанием отмены или изменения приговора в перечисленных случаях является ошибочное внутреннее убеждение суда первой инстанции. Одним из оснований отмены приговора является нарушение уголовно-процессуального закона; в качестве примера проявления этого нарушения можно назвать обоснование решения суда доказательствами, признанными им недопустимыми. Однако даже основанное на недопустимых доказательствах внутреннее убеждение не всегда оказывается ошибочным, а исключение таких доказательств из совокупности не изменяет доказанности тех или иных обстоятельств дела.

Изучение научной литературы по вопросу о механизме формирования внутреннего убеждения судей кассационной инстанции при проверке приговоров и иных решений²², непосредственное наблюдение автором процесса подготовки к заседанию суда кассационной инстанции и самого заседания, сопоставление увиденного с содержанием кассационных определений позволят выделить следующие основные этапы формирования внутреннего судейского убеждения.

Изучение кассационной жалобы или представления – с точки зрения внутреннего судейского убеждения необходимо по двум причинам: во-первых, судья должен определить пределы рассмотрения дела кассационной инстанцией, во-вторых, выделить из жалобы (представления) доводы подавшего ее лица, основания и мотивы, приводимые им в пользу изложенного в жалобе (представлении). Выразить свое внутреннее убеждение суд кассационной инстанции может лишь в пределах, изложенных в жалобе.

Затем суд кассационной инстанции *исследует материалы дела*, в отличие от суда первой инстанции, как правило, непосредственно знакомящегося со всеми доказательствами. На внутреннем судейском убеждении сказывается сам факт повторности изучения дела судом: наряду с исследованными судом первой инстанции письменными доказательствами изучается и протокол судебного заседания, из которого виден процесс исследования

²² См.: Колесников В.И. Оценка доказательств – обязательное условие проверки законности и обоснованности приговоров // Ученые записки ВЮЗИ. М., 1958. Вып. 6. С. 193–217; Лупинская П. Проверка законности и обоснованности приговоров // Советская юстиция. 1991. № 16. С. 18; Мартыничук Е.Г. Указ. соч.; Практика применения УПК РФ... 2007. С. 372–400 и др.

доказательств, меры, которые предпринимались судьей для устранения их противоречивости, заявленные и отклоненные ходатайства, и сам приговор, в котором выражено убеждение суда первой инстанции, а также непосредственно воспринимаемые заявления сторон, присутствующих в зале судебного заседания.

Если внутреннее убеждение суда второй инстанции относительно доказанности тех или иных обстоятельств дела не соответствует изложенному в приговоре, кассационная коллегия должна ответить на вопрос: в чем состоит это несоответствие. Для этого судьи, во-первых, сопоставляют свои выводы об относимости, допустимости, достоверности и достаточности совокупности исследованных доказательств с выводами суда первой инстанции.

Почему же могут отличаться результаты оценки доказательств в разных судах? *Первой причиной несовпадения внутреннего убеждения суда первой и кассационной инстанции может стать неправильная оценка доказательств как относимых, допустимых, достоверных, а их совокупности – как достаточной.*

Суд первой инстанции, осуществляющий живое, непосредственное познание обстоятельств дела, испытывающий на себе в полном объеме всю совокупность влияющих на формирование внутреннего судейского убеждения внутренних и внешних факторов, связанных с непосредственностью восприятия, может скорее допустить ошибку в оценке: либо связанную с неистинностью мысли, т.е. придав объектам и явлениям объективной действительности те свойства, которых они на самом деле не имеют, либо связанную с неправильностью мысли, т.е. допустив ошибку в логических построениях – примеров и той, и другой ошибки мы достаточно привели в соответствующих разделах настоящего исследования. Суд кассационной инстанции уже непосредственно не воспринимает доказательства и не полностью повторяет путь нижестоящего суда. Посылки формирования внутреннего убеждения ограничены, как правило, документами, соответственно, ему удастся избежать ошибок, связанных с непосредственным восприятием, влияющим на оценку доказательств.

§ Существует определенный отход от требования непосредственности при рассмотрении дела судом кассационной инстанции. Закон (ч. 4 ст. 377 УПК РФ) по ходатайству стороны допускает

непосредственное исследование судом кассационной инстанции доказательств в соответствии с главой 37, регулирующей производство судебного следствия. Роль непосредственного восприятия крайне велика в формировании внутреннего судейского убеждения, ибо позволяет исследовать сам источник доказательств, что не всегда возможно при ознакомлении с письменными материалами. Непосредственность исследования поможет суду кассационной инстанции в сложных случаях устранить или подтвердить сомнения в законности, обоснованности, мотивированности и справедливости приговора и иного решения по делу. Поэтому закон должен предоставлять кассационной инстанции право непосредственного исследования доказательств не только по ходатайству стороны, но и по своей инициативе. При этом небесспорным представляется ограничительное толкование ст.ст. 377 и 240 УПК Пленумом Верховного Суда РФ, указавшим, что в кассационной инстанции под непосредственным исследованием необходимо понимать «проверку имеющихся в уголовном деле доказательств, получивших оценку суда первой инстанции (оглашение показаний свидетеля, потерпевшего, заключения эксперта и т.п.)»²³.

Итак, одна из причин расхождения в оценке доказательств по внутреннему убеждению – отсутствие у кассационной коллегии возможности непосредственного ознакомления с доказательствами по правилам производства в суде первой инстанции.

Далее, придя к выводу о несовпадении своей оценки доказательств с оценкой, данной судом первой инстанции, коллегия *исследует приговор на предмет его непротиворечивости и последовательности*. Несоответствие приговора изложенным требованиям дает повод усомниться в правильности формирования и отражения внутреннего убеждения судьи, постановившего этот приговор. Так, отвергая как недостоверные доводы подсудимых Н. и Ш. о том, что потерпевший добровольно отдал им сотовый телефон позвонить, суд первой инстанции не указал, почему он пришел к такому выводу²⁴. Это стало основанием к отмене при-

²³ См.: Пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2004. № 5. С. 5.

²⁴ Архив Курского областного суда. Дело № 22-1996-2004.

говора в связи с тем, что не указаны основания, по которым отвергнуты одни и приняты другие доказательства – т.е. не ясно, как сформировалось внутреннее убеждение.

В другом случае суд первой инстанции посчитал доказанным, что обвиняемые избивали А. до тех пор, пока он не потерял сознание. Указав, что А. не мог осознавать дальнейших действий обвиняемых, которые сняли с него ценные вещи и забрали деньги из кошелька, суд, тем не менее, пришел к выводу об открытом характере хищения²⁵. В этой ситуации кассационным основанием стала существенная противоречивость изложенных в приговоре выводов суда.

Внутреннее убеждение коллегии судей встречается на пути своего выражения в решении ряд препятствий: во-первых, суд второй инстанции не выражает своего внутреннего убеждения по вопросам, которые не были затронуты в жалобе или представлении.

Во-вторых, в интересах соблюдения принципа свободной оценки доказательств судом первой инстанции при повторном рассмотрении дела коллегия не может предрешать вопросы: 1) о доказанности или недоказанности обвинения; 2) о достоверности или недостоверности того или иного доказательства; 3) о преимуществах одних доказательств перед другими; 4) о мере наказания (ч. 2 ст. 386 УПК).

В-третьих, закон не предоставляет возможности выражения внутреннего убеждения судьи, не согласившегося с решением остальных судей при кассационном пересмотре. Исследуя доказательства, формируя свое убеждение, в совещательной комнате судьи сопоставляют свои мнения, при возникновении разногласий – мотивируют, приходя в итоге к общему решению. Однако на практике зачастую все материалы дела изучает только один судья – докладчик (ч. 3 ст. 377 УПК), и именно его убеждение оказывает решающее влияние на убеждение всей коллегии. Думается, Верховному Суду следует обратить внимание судов на недопустимость подобной практики. Кроме того, УПК РФ не предусматривает особого мнения в кассационной инстанции. Между тем особое мнение судьи в кассационном пересмотре может оказаться не менее важным, чем при постановлении приговора судом первой ин-

²⁵ Архив Курского областного суда. Дело № 22-1409-2004.

станции, поскольку в нем точно также будут содержаться мотивы и основания, по которым судья не согласен с коллегией. Отсутствие этого института в кассации необоснованно ограничивает свободу выражения внутреннего судейского убеждения.

Изложенное позволяет нам выделить следующие причины несовпадения внутреннего убеждения судьи суда первой инстанции и судей кассационной коллегии: во-первых, неправильная оценка доказательств, проведенная судом первой инстанции, причиной чего может быть любой из воздействующих на внутреннее убеждение факторов; во-вторых, несоблюдение требований закона при рассмотрении дела и при выражении убеждения в решении; в-третьих, логические ошибки при формировании и выражении внутреннего судейского убеждения.

Таким образом, в целом, анализ практического применения УПК показывает, что внутреннее судейское убеждение как результат оценки доказательств и содержание приговора не всегда совпадают. Как правило, это происходит в тех случаях, когда в процессе формирования убеждения допущены нарушения предписаний закона: при недостаточности обвинительных доказательств судья приходит к выводу о виновности на основании недопустимых доказательств. Однако убеждение не может быть правильным только потому, что судья убежден в его правильности. По смыслу закона внутреннее судейское убеждение, основанное на нарушенной процедуре оценки доказательств, не может содержать достоверный вывод. В этой связи особое значение приобретает требование мотивированности – изложения доводов в пользу принимаемого решения. На основании изложенного, предлагаем внести следующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Во-первых, изменить редакцию ст. 297 УПК, изложив ее следующим образом:

«1. Приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. Приговор должен быть мотивирован».

Часть 2 ст. 297 УПК дополнить предложением следующего содержания:

«Мотивировка приговора должна выражаться в приведении судом доводов, объясняющих принятие решения по изложенным в приговоре вопросам».

В связи с изложенным относительно особого мнения судей, пересматривающих кассационное определение, дополнить ст. 388 частью 3.1 следующего содержания: *«3.1. Судья, оставшийся при особом мнении по принятому определению, вправе письменно изложить его в совещательной комнате. Особое мнение приобщается к определению, но оглашению в зале судебного заседания не подлежит. Судья, оставшийся при особом мнении, подписывает кассационное определение».*

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о научной и практической значимости изучения вопроса о внутреннем судейском убеждении как инструменте оценки доказательств, проявляющемся в правилах оценки. Крайне важен вопрос об условиях формирования внутреннего судейского убеждения при оценке доказательств и его выражении во всех принимаемых судом решениях.

Вопрос об оценке доказательств непосредственно связан с понятием доказательств, с назначением уголовного судопроизводства и способами его реализации. В связи с этим считаю возможным высказать ряд предложений, направленных на совершенствование законодательства и правоприменительной деятельности, укрепление законности.

В понятие «доказательство» зачастую вкладывается далеко не одинаковый смысл; все чаще звучат голоса ученых и практиков, жертвующих допустимостью в пользу относимости. Этому способствует и текст закона, относящий к доказательствам «любые сведения». Считаю, что этот недостаток необходимо устранить.

Необходимо скорректировать и ч. 2 ст. 86 в части, касающейся собирания доказательств защитником. Систематическое толкование норм уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод об отсутствии реальных механизмов реализации этого права и, следовательно, его декларативном характере.

Не вполне конкретно закон высказывает по поводу полномочий суда в доказывании в судебном заседании: в одних статьях предусмотрена возможность производства процессуального действия по инициативе суда (ст.ст. 280, 281, 282, 283 УПК), в других – нет (284–290 УПК). Полагаем необходимым эти статьи привести в систему.

Учитывая роль субъективного фактора – личности судьи, оценивающего доказательств и принимающего решения по уголовному делу, считаю возможным высказать предложения, направленные на подготовку к судебной деятельности, правил назначения судей, повышения их квалификации.

Общепризнано, что внутреннее судейское убеждение как процесс оценки доказательств представляет собой процесс формиро-

вания собственного взгляда судьи на наличие у доказательств определенных законом свойств и на доказанность утверждаемых этими доказательствами.

Так, отход законодателя от существовавшего на протяжении многих лет требования об установлении истины по каждому уголовному делу повлекло несовпадение методологии познания с нормативными предписаниями и, как следствие, игнорирование отдельных предписаний закона (прежде всего, презумпции невиновности и правил недопустимости) при формировании внутреннего судебного убеждения.

Не вполне учитывает особенности человеческого мышления процесс исследования материалов уголовного дела для решения вопроса о наличии достаточных оснований для избрания меры пресечения в виде залога, заключения под стражу или домашнего ареста: закон допускает рассмотрение судьей ситуации, когда ему при постановлении приговора приходится отвечать, строго говоря, и на вопрос о том, правомерны ли были его, судьи, решения на досудебных стадиях. Этот институт нуждается в корректировке.

Отступление от презумпции невиновности и требования об оценке доказательств непосредственно неизбежно допускают судьи на стадии назначения судебного заседания. Сформировавшееся у судьи на основании письменных материалов дела убеждение в виновности лица проявляется в дальнейшем и при исследовании доказательств в судебных стадиях.

Роль практики при оценке доказательств проявляется в том, что она предлагает нередко готовый шаблон мышления, указывая пути и результаты исследования. Это положение можно оправдать необходимостью унификации, единства правоприменительной практики, однако в случаях, когда практика приобретает массовый характер, существенно сказываясь на убеждении, необходимо решать вопрос о переходе наработанных ею положений в нормативные.

Такие факторы, как различные виды незаконного воздействия на судей, требуют отдельного исследования. Нормативными предписаниями в рамках нашей темы возможно исправить немногое: например, требует обсуждения вопрос о порядке и сроках назначения судей.

Наконец, в оценке сказывается отношение судьи к личности и процессуальному положению участников процесса. Да, ошибочность оценки поведения общеизвестна, но это не означает, что на него не обращают внимания. Личность участника процесса может воздействовать напрямую на подсознание судьи, вызывая негативные или позитивные эмоции. Требуется огромный опыт и хорошая способность судьи к самоанализу для преодоления подобных факторов.

Закон предписывает судье руководствоваться при оценке доказательств совестью. Однако, руководствуясь совестью, можно оценить соответствие способов получения доказательства требованиям морали; этичность использования в процессе тех или иных сведений; доказанность несоответствия того или иного явления социальным нормам. Совесть не может, на наш взгляд, быть ни критерием, ни методом оценки доказательств профессиональным судьей. Считаем, что термин «правосознание» необходимо вернуть в УПК РФ.

Изучение текста закона показывает непоследовательность законодателя в формулировании предъявляемых к приговору требований: в ст. 297 УПК нет ссылки на необходимость привести доводы в пользу принятых при постановлении приговора решений — т.е. мотивированности.

Анализ выражения внутреннего судейского убеждения в решениях судов первой инстанции позволяет сделать два вывода: во-первых, презумпции невиновности в мышлении судьи отведено скромное место. Внутреннее судейское убеждение на практике исходит из предпосылки в совершении лицом инкриминируемого деяния, под которую зачастую планомерно подбираются обстоятельства-основания в ходе судебного заседания; все, что противоречит первоначальному утверждению в виновности, нередко отбрасывается. Во-вторых, как следствие, судьи стремятся преодолеть формализм уголовно-процессуального закона при постановлении приговора: они часто оказываются не способны вынести приговор, противоречащий их убеждению в виновности только по формальным основаниям. Судьи оказались не в состоянии исключить из факторов, формирующих внутреннее убеждение, дальнейшие последствия оправдательных приговоров в подобных случаях: а именно невозможность привлечения лица к уголовной

ответственности за это же преступление, расценивая это как уход преступника от наказания. Законодатель определился с концептуальными идеями уголовного процесса, однако пока они не в полном объеме приняты рядовыми судьями. Впрочем, и практика применения УПК РФ не столь еще значительна; дальнейшее применение нового закона повлечет либо смену его приоритетов, либо изменение правосознания постоянно обновляющегося судебного корпуса.

При выражении внутреннего убеждения суда кассационной инстанции закон не предоставляет возможности выражения внутреннего убеждения судьи, не согласившегося с решением остальных судей; этот пробел мы также призываем восполнить.

Внутреннее убеждение – сложнейшая комплексная правовая, философская и психологическая категория, существующая в рамках доказывания как способ оценки доказательств. Положения ст. 17 УПК нельзя рассматривать как обязанность лица оценивать доказательства по внутреннему убеждению, поскольку невозможно навязать особенности мыслительной деятельности, – норма содержит, скорее, призыв к такой оценке, просьбу к судье, присяжному заседателю, дознавателю, следователю, прокурору проанализировать все относящиеся к делу факты внимательно и вдумчиво, чтобы виновным было назначено справедливое наказание, а невиновные не подвергались бы уголовному преследованию.

№	Вопрос и варианты ответа	Кол-во (%)
1. Что, на ваш взгляд, является целью доказывания в уголовном процессе?		
1.1.	Установление истины;	48,5
1.2.	Установление доказанной достоверности обстоятельств дела;	47,6
1.3.	Разрешение конфликта;	0,0
1.4.	Другое	3,9
2. Имеет ли значение презумпция невиновности при решении в досудебных стадиях вопроса о разрешении производства отдельных следственных действий или избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (домашнего ареста)?		
2.1.	Да;	43,7
2.2.	Нет;	34,0
2.3.	Затрудняюсь ответить;	21,4
2.4.	Другое (укажите):	1,0
3. Готовясь к судебному разбирательству дела, которое вы получили, какие материалы уголовного дела вы изучаете?		
3.1.	Все;	96,1
3.2.	Только обвинительное заключение (акт) и листы дела, на которые отсылает обвинительное заключение (акт);	2,9
3.3.	Другое	1,0
4. Формируется ли у вас мнение о виновности / невиновности лица при изучении материалов уголовного дела на стадии назначения судебного заседания?		
4.1.	Да;	53,4
4.2.	Нет;	39,8
4.3.	Затрудняюсь ответить.	6,8
5. Имелись ли в вашей практике ситуации, когда вы не были согласны с другими судьями при коллегиальном рассмотрении дела? В каких вопросах? ²		
5.1.	Да, о доказанности обстоятельств преступления;	18,4
5.2.	Да, о доказанности виновности подсудимого;	17,5
5.3.	Да, о мере наказания;	17,5
5.4.	Нет;	8,7
5.5.	Я не участвовал в коллегиальном рассмотрении;	61,2
5.6.	Другое	0,0
6. Как вы обычно поступали в случае несогласия с мнением других судей при коллегиальном рассмотрении дела? ³		
6.1.	Соглашался из-за нежелания спорить;	0,0
6.2.	Соглашался из уважения к судьям, придерживающимся	8,7

¹ Опрошено 103 судьи

² Сумма больше 100 %, так как некоторые судьи давали несколько вариантов ответа.

³ Сумма меньше 100 %, так как не все судьи участвовали в коллегиальном рассмотрении.

№	Вопрос и варианты ответа	Кол-во (%)
	другого мнения;	
6.3.	Соглашался с председательствующим в коллегии;	7,8
6.4.	Оставался при своем мнении;	10,7
6.5.	Другое	11,7
7.	Влияет ли поведение подсудимого в ходе судебного заседания на формирование вашего мнения о его виновности?	
7.1.	Да;	35,9
7.2.	Нет;	40,8
7.3.	Затрудняюсь ответить;	23,3
8.	Влияет ли на ваше решение сочувствие к потерпевшему?	
8.1.	Да;	31,1
8.2.	Нет;	46,6
8.3.	Затрудняюсь ответить.	22,3
9.	Влияют ли на ваше внутреннее убеждение при оценке доказательств сведения о наличии у подсудимого судимости?	
9.1.	Нет;	45,6
9.2.	Убеждает Вас в возможности совершения инкриминируемого деяния, особенно в случаях, когда он был судим за аналогичное преступление;	39,8
9.3.	Формирует отрицательный образ подсудимого, лишает Вас доверия к нему;	14,6
10.	Отказ подсудимого от дачи показаний для вас:	
10.1.	Является молчаливым признанием подсудимым своей вины;	1,0
10.2.	Говорит о желании подсудимого ввести суд в заблуждение;	33,0
10.3.	Не влияет на принятие решения по делу;	65,0
10.4.	Другое	1,0
11.	Вступая в должность, судья клянется, в частности, поступать так, как ему велит совесть. Как, по вашему мнению, проявляется совесть судьи при оценке доказательств?	
11.1.	Как способность судьи оценить действия подсудимого с морально-этической точки зрения;	32,0
11.2.	Как способность судьи оценить свои действия, поступки, поведение в процессе с морально-этической точки зрения;	10,7
11.3.	Как способность судьи оценить свойства доказательств с морально-этической точки зрения;	47,6
11.4.	Другое	9,7
12.	Что обычно служит основанием вашего убеждения в виновности лица при отсутствии достаточных для постановления обвинительного приговора доказательств? ¹	

¹ Сумма больше 100 %, так как некоторые судьи давали несколько вариантов ответа.

№	Вопрос и варианты ответа	Кол-во (%)
12.1.	Таких ситуаций у меня не было;	34,0
12.2.	Ознакомление с исключенными (недопустимыми) доказательствами;	9,7
12.3.	Ознакомление с непроцессуальными сведениями;	8,7
12.4.	Поведение подсудимого и потерпевшего;	10,7
12.5.	Сам факт привлечения лица в качестве обвиняемого;	1,9
12.6.	Рекомендации руководства/вышестоящего суда;	7,8
12.7.	Ранее принятые мной процессуальные решения по делу в досудебном производстве;	9,7
12.8.	Убедительность позиции государственного обвинителя;	10,7
12.9.	Неубедительность позиции защиты;	10,7
12.10.	Другое	3,9
13.	Принимали ли вы решение по делу вопреки внутреннему убеждению?	
13.1.	Да, из опасения, что приговор будет отменен вышестоящей инстанцией;	26,2
13.2.	Да, в силу сложившейся практики принятия других решений в подобных ситуациях;	28,2
13.3.	Нет;	44,7
13.4.	Другое	1,0
14.	Приходилось ли вам писать особое мнение?	
14.1.	Да;	1,9
14.2.	Нет.	98,1
15.	Сталкивались ли вы когда-либо с «непроцессуальным» воздействием при принятии решения по уголовному делу (просьбами, угрозами, указаниями руководства)?	
15.1.	Да, часто;	0,0
15.2.	Да, иногда;	23,3
15.3.	Да, редко;	27,2
15.4.	Нет, никогда.	49,5

Оглавление

Предисловие	3
Введение	5
Глава I. Гносеологическая природа уголовно-процессуального доказывания	8
§ 1. Доказывание как способ установления фактических обстоятельств по делу	8
§ 2. Субъекты уголовно-процессуального доказывания	16
Глава II. Принцип свободной оценки доказательств	25
§ 1. Принцип свободной оценки доказательств в системе принципов уголовного судопроизводства	25
§ 2. Внутреннее судебское убеждение как инструмент свободной оценки доказательств	35
§ 3. Справедливое судебское разбирательство как условие формирования обоснованного внутреннего судебского убеждения	47
Глава III. Роль внутреннего судебского убеждения в правилах оценки доказательств	61
§ 1. Значение внутреннего судебского убеждения в процессе доказывания ..	61
§ 2. Оценка относимости доказательств	64
§ 3. Оценка допустимости доказательств	68
§ 4. Оценка достоверности доказательств	76
§ 5. Оценка достаточности совокупности доказательств	80
Глава IV. Факторы, влияющие на внутреннее судебское убеждение	85
§ 1. Внешние (объективные) факторы, воздействующие на внутреннее судебское убеждение	85
§ 2. Субъективные факторы, воздействующие на внутреннее судебское убеждение	96
Глава V. Выражение внутреннего судебского убеждения в обосновании и мотивировке судебных актов	103
§ 1. Выражение внутреннего убеждения в решениях суда первой инстанции	103
§ 2. Особенности формирования внутреннего убеждения судей, проверяющих приговоры в кассационном порядке	118
Заключение	126
Приложение	130
Оглавление	133

**Издательство «Юрлитинформ»
предлагает вниманию читателей книги серии
«Библиотека криминалиста»**

Малов А.А.

Поддержание государственного обвинения по делам
об изнасиловании (криминалистический аспект)

Колесников П.М.

Расследование незаконного предпринимательства:
уголовно-правовые, криминалистические и
уголовно-процессуальные аспекты

Пидусов Е.А.

Задержание подозреваемого в незаконном обороте наркотиков

Маркунцов С.А.

Уголовно-правовой запрет: теоретический аспект

Образцов В.А.

Криминалистика: парные категории

Панфилов П.Б.

Основные принципы обеспечения достоверности исследований
запаховых следов человека с использованием собак-детекторов
в судебной экспертизе

Тетюев С.В.

Производство по уголовным делам в отношении
несовершеннолетних

Мерецкий Н.Е.

Криминалистика и оперативно-тактические комбинации

Полещук О.В., Саксин С.В., Яровенко В.В.

Теория и практика применения специальных знаний в
современном уголовном судопроизводстве

Халиков А.Н.

Правовые основы оперативно-розыскной деятельности

Ионова Е.В.

Расследование уклонения от прохождения военной и
альтернативной гражданской службы

Изосимов С.В.

Уголовное законодательство об ответственности за служебные
преступления, совершаемые в коммерческих и иных
организациях: история, современность, перспективы развития

Корсаков К.В.

Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине

Некрасов С.В.

Судебные стадии и особое производство в российском уголовном
процессе

Пикалов И.А.

Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях

Исаенкова О.В.

Исполнительное право в Российской Федерации:

особенности становления и перспективы развития

Гаврилов А.М., Степанов В.В.

Привлечение населения к участию в борьбе с преступностью

Баранова Е.А.

Необходимая оборона

Бурыка Д.А.

Проблемы организации и тактики предъявления для опознания

Нечаев В.В.

Организационно-правовые основы взаимодействия органов

предварительного следствия и органов дознания

Башмаков И.С.

Особенности первоначального этапа расследования

коррупционных преступлений, совершаемых представителями

органов местной власти

Егоров Н.Н.

Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и

криминалистический аспекты

Александров А.С., Гришин С.П.

Перекрестный допрос в суде

Карякин Е.А.

Формирование истинности приговора в состязательном судебном

производстве: вопросы теории и практики

Сухова О.А.

Кассационное обжалование судебных решений в российском

уголовном процессе

Заявки на приобретение издаваемой нами литературы,
а также отзывы о ней, свои предложения и рекомендации
о необходимой тематике направляйте по адресу:

119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6

ООО Издательство «Юрлитинформ»

тел. (495) 203-77-45, тел/ факс (495) 203-16-13

E-mail: zakaz@urlit.ru

Горевой Евгений Дмитриевич

**ВНУТРЕННЕЕ СУДЕЙСКОЕ УБЕЖДЕНИЕ В ОЦЕНКЕ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

Технический редактор Меркулова Е.А.

Лицензия ЛР № 066272 от 14 января 1999 г.
Сдано в набор 13.09.2007 г. Подписано в печать 30.10.2007 г.
Формат 60x88/16. Бумага газетная. Усл. печ. 8,5 л.
Тираж 2 000 экз. Заказ № 2258

ООО Издательство «Юрлитинформ»
119019, г. Москва, ул. Волхонка, д. 6.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская обл., г. Красногорск,
Коммунальный квартал, д. 2.

**Издательство «Юрлитинформ»
предлагает вниманию читателей книги
серии «Библиотека криминалиста»**

- **Тетюев С.В.** Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних
- **Мерецкий Н.Е.** Криминалистика и оперативно-тактические комбинации
- **Полещук О.В., Саксин С.В., Яровенко В.В.** Теория и практика применения специальных знаний в современном уголовном судопроизводстве
- **Халиков А.Н.** Правовые основы оперативно-розыскной деятельности
- **Ионова Е.В.** Расследование уклонения от прохождения военной и альтернативной гражданской службы
- **Изосимов С.В.** Уголовное законодательство об ответственности за служебные преступления, совершаемые в коммерческих и иных организациях: история, современность, перспективы развития
- **Корсаков К.В.** Модель возмездия в криминологии и уголовно-правовой доктрине
- **Некрасов С.В.** Судебные стадии и особое производство в российском уголовном процессе
- **Пикалов И.А.** Состязательность в системе принципов уголовного процесса и ее реализация стороной защиты на досудебных стадиях
- **Исаенкова О.В.** Исполнительное право в Российской Федерации: особенности становления и перспективы развития
- **Гаврилов А.М., Степанов В.В.** Привлечение населения к участию в борьбе с преступностью
- **Баранова Е.А.** Необходимая оборона
- **Бурыка Д.А.** Проблемы организации и тактики предъявления для опознания
- **Нечаев В.В.** Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания
- **Башмаков И.С.** Особенности первоначального этапа расследования коррупционных преступлений, совершаемых представителями органов местной власти
- **Егоров Н.Н.** Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты
- **Александров А.С., Гришин С.П.** Перекрестный допрос в суде

